

Часть III Начало Русско-японской войны и попытка власти достичь примирения с общественностью (1904)

Глава I Что породило Русско-японскую войну

Русско-японская война принадлежит ныне к событиям исторического прошлого, и притом, казалось бы, значения второстепенного. Останавливаться на ней сколько-нибудь подробно и углубляться в причины ее порождения не представляет, по видимому, ввиду этого ни особого интереса, ни значения в смысле ее связи с современными европейскими и даже русскими событиями. В переживаемое нами бурное время разбор исторических фактов, не имеющих значения текущей действительности, может интересовать лишь ограниченный круг лиц, настолько смутная и беспокойная современность, чреватая еще многими дальнейшими ожидающими нас грозными событиями, всецело и мощно захватывает всех и каждого.

Однако так ли это? Точно ли Русско-японская война не имеет тесной связи с текущими событиями в России? Думается, что, наоборот, началом всех бед, испытанных и доселе испытываемых Россией, является именно эта война. Несчастная во всех отношениях, она раскрыла многие наши утренние язвы, дала обильную пищу критике существовавшего государственного строя, перебросила в революционный лагерь множество лиц, пекущих о судьбах родины, и тем не только дала мощный толчок революционному течению, но придала ему национальный, благородный характер.

Вину за возникновение этой войны возлагали не только впоследствии, но и тотчас после ее начала на Плеве, причем усиленно старался в смысле едва ли не главный, хотя и не единственный, виновник этого события — Витте. Утверждал Витте, а следом за ним и общественное мнение, что цель Плеве состояла в том, чтобы путем легкой победоносной войны оторвать внимание общественности от вопросов внутренней политики, ослабить тем самым влияние революционных элементов и одновременно поднять в глазах населения ореол существующего государственного строя. Каких-либо конкретных доказательств в подтверждение этого тяжкого обвинения, однако, никем никогда приведено не было.

Не входя во все подробности нашей дальневосточной политики, изобиловавшей крупными ошибками, скажу лишь, что основания Русско-японской войны были заложены задолго до ее возникновения, а именно еще в 1895 г. тотчас после заключения 5 апреля этого года Японией и Китаем Симоносекского договора и, следовательно, до участия Плеве в составе правительства.

На основании упомянутого договора Китай уступал Японии весь Ляодунский полуостров, а также часть Маньчжурии. С своей стороны мы выставляли принцип

неприкосновенности территории Китайской империи, при содействии Франции и Германии вынудили Японию отказаться от этого приобретения, заменив его денежной контрибуцией, уплата которой была проведена Китаем при нашей финансовой помощи. Таким путем Япония лишалась контроля над китайскими таможнями, который был установлен Симоносекским договором как гарантия уплаты Китаем контрибуции. Все это было сделано по мысли Витте, как он подробно это рассказал в своих воспоминаниях, и шаг этот надо признать правильным: России было, безусловно, невыгодно допустить энергичную японскую нацию на азиатский материк и там постепенно заменить для нас в качестве соседа «недвижный Китай»³.

Не прошло, однако, и года после установления нами упомянутого принципа, как усилиями того же Витте мы сами его нарушили. Заключенное Витте в Москве в 1896 г. соглашение с Китаем о направлении Великого сибирского пути по Северной Маньчжурии с предоставлением нам суверенных прав в пределах обширной полосы железнодорожного отчуждения этому принципу определенно противоречило*. Но и этим Витте не ограничило. Одновременно он же направил нашу деятельность в Корею. В ту пору заведование корейскими финансами находилось в руках русского агента официально именовавшегося советником корейского императора, в корейской армии инструкторами состояли русские офицеры. Само собою разумеется, что как проведение нами железной дороги по Маньчжурии, так и положение, занятое нами в Корее, вызвали острое неудовольствие Японии. Неудовольствие это имело тем более законное основание, т.о. деятельность наша в Корее не согласовывалась с дипломатическими актами заключенными между Россией и Японией, а именно Сеульским меморандумом от 2 мая 1896 г. и Московским протоколом от 26 мая 1896 г., которыми обе договаривающиеся стороны не только признавали нерушимость принципа суверенитета Корейской империи, но и обязывались действовать на территории Кореи при соблюдении полной между собою согласованности. Правда, этим роль Витте в нашей дальневосточной политике временно ограничивается и на сцену выступает другое лицо, действующее в направлении распространения наших владений на берегах Тихого океана, а именно министр иностранных дел гр. Муравьев.

* Мысль о проведении Сибирского пути по Северной Маньчжурии впервые ^ ла в Сибирском комитете еще в предыдущее царствование, но Александр III решительно отверг.

Воспользовавшись тем, что Германия, придравшись к какому-то ничтожному инциденту с ее миссионерами в Китае, силою захватила в ноябре 1897 г. китайский порт Цинтау (Киао-Чусоу), Муравьев возбуждает вопрос о занятии нами всего Ляодунского полуострова с расположенным в нем Порт-Артуром. Подобный образ действий находится в явном противоречии с Московским 1896 г.

договором, по смыслу которого мы обязаны были защищать Китай от иноземных на него нападений. К сожалению, в данном случае мы лишены были этой возможности, так как еще за шесть месяцев до захвата немцами Киао-Чусоу, а именно в июле 1897 г. во время посещения Петербурга императором Вильгельмом, последнему удалось вырвать у государя обещание не препятствовать захвату этого порта германцами. Государь впоследствии назвал данное им обещание «неосторожным» и объяснил его тем, что Вильгельм застал его врасплох.

Как бы то ни было, коль скоро мы не имели возможности протестовать против внедрения Германии в Китай, то естественно возникла мысль компенсации. Если Германия овладела портом на южном берегу Печиского залива, то казалось, что нам следует иметь свой порт на северном его берегу.

Собранное по этому поводу под председательством великого князя Константина Александровича совещание высказывается против этой мысли, далее военный министр Ванновский говорит, что для спокойного владения этой она и НН°Й областью Россия должна увеличить свою армию на полмиллиона. Морской министр Чихачев доказывает, что Порт-Артур в военном отношении представляет совершенно непригодную гавань — рейд Артура, вследствие его узкого входа, надежной базой для военно-морских операций не является: находящийся там флот легко может оказаться запертым, как в ловушке. Витте справедливо указывает, что занятие Порт-Артура создает нам двух врагов — Китай, от которого мы его захватим, и Японию, которой мы не позволим там укрепиться под предлогом нарушаемого нами ныне принципа неприкосновенности китайской территории. К мнениям этим присоединяется председатель совещания, но Муравьев продолжает настаивать на своем, и ему удается склонить к своей мысли государя. Вопреки мнению Ванновского, Муравьев провозглашает: «Un drapeau et une sentinelle — le prestige de la Russie fera le reste».

Начинаются дипломатические переговоры с Китаем об уступке нам в долгосрочную аренду всей Квантунской области, но идут они весьма туго, и расчет на получение добровольного согласия Небесной империи на наше внедрение в ее пределы не оправдывается. Можно полагать, что тем все бы и кончилось, но тут вновь выступает на сцену тот же Витте. По соглашению с министром иностранных дел он предлагает для убеждения Китая дать взятку влиятельным членам китайского правительства. Дело это поручается нашему поверенному в делах в Китае Павлову и финансовому агенту Покотилову. Лицам этим удается соблазнить двух китайских сановников Ли-Хунь-Чжана и Чжань-Ин-Хуана. За сумму в один миллион рублей названные сановники обязываются получить согласие Богдыхана на исполнение наших желаний и действительно достигают этого: 15 марта 1898 г. Китай передает нам в бесплатное арендное содержание сроком на 38 лет Квантунскую область с находящимися в ней Порт-Артуром и бухтою Долянь-Вень — будущим портом Дальний.

Чем же, спрашивается, вызвана была настойчивость, проявленная в этом вопросе Муравьевым и противоречащее с первоначально высказанным им мнением содействие Витте в деле занятия нами Ляодунского полуострова?

В своих воспоминаниях, где он, впрочем, значительно преувеличивает свою роль в этом деле, Витте объясняет это тем, что государь будто бы решил в случае отказа Китая добровольно уступить нам Порт-Артур с прилегающей местностью захватить его силою. Позволительно, однако, сомневаться, что мы решились бы на столь грубое, ничем не обусловленное нарушение международного права. Думается, что причина у Витте была другая, и притом та же самая, которая руководила Муравьевым, а именно желание угодить государю и тем укрепиться на своем министерском кресле.

Действительно, для разумения нашей дальневосточной политики на рубеже XIX и XX вв. необходимо помнить, что Николай II до воцарения впервые прикоснулся к государственной деятельности именно на Дальнем Востоке. Первое его личное выступление как представителя царской власти произошло на русских берегах Тихого океана, куда он прибыл после совершенного им морского путешествия по странам Востока. Но этого мало. Вернувшись в столицу, предварительно проехав через всю Сибирь, он был назначен председателем комитета по сооружению Сибирского железнодорожного пути, комитета, имевшего задачей не одно только это сооружение, но и общее развитие Сибири, в том числе и наших дальневосточных владений. Таким образом, покойный государь, еще в бытность наследником престола, подошел к управлению России со стороны Дальнего Востока и вопросов, связанных с укреплением там нашего владычества. Естественно, что после воцарения именно эти вопросы привлекали его особое внимание или, по крайней мере, были ему ближе знакомы и тем самым в особенности любы.

До Николая II ни один русский император, хотя бы до своего воцарения, не посетил Сибири и Дальнего Востока, и потому покойный государь здесь чувствовал себя пионером. Его молодое воображение неизбежно должно было рисовать ему возможность навсегда связать свое имя с дальнейшим развитием русской государственности и расширением наших пределов на берегах Тихого океана. В этой мысли его горячо поддерживали и некоторые из его спутников по путешествию на Восток, с которыми он во время этого путешествия сблизился. Среди них особенно выдавался в этом отношении кн. Э.Э. Ухтомский. В составленном им пространном описании этого путешествия⁵, прошедшем до его опубликования через личную цензуру цесаревича, Ухтомский развивал ту мысль, что задачи России на Дальнем Востоке необычайны, открывают перед ней неограниченные возможности и требуют особого внимания. Получив после воцарения Николая II издательство «С.-Петербургских ведомостей»⁶ — ежедневной газеты, составляющей собственность казны, Ухтомский принялся усиленно доказывать в этом органе печати, что Россия на Западе и вообще на Европейском материке достигла крайних пределов своего возможного

владычества, которое при этом настолько прочно, что не требует Дальнейших забот об его вящем закреплении. Наоборот, на Дальнем Востоке исторические задачи России еще далеко не исчерпаны и туда именно должна быть направлена творческая энергия русского народа.

Мысль эта нашла у молодого государя тем более благоприятную почву и живой отклик, что в неведомых ему сложнейших вопросах внутреннего Управления коренной Россией он был поневоле вынужден в первые годы Царствования следовать указаниям своих министров. Правда, он и здесь стремился проявить личную инициативу, но осуществить мысли, которые у него возникали, силою вещей, вследствие неопытности в государственном управлении, он не был в состоянии.

Здесь был твердо установленный, хотя, быть может, и рутинный тем тверже соблюдаемый порядок разрешения государственных вопросов и всякие экспромтные мысли и намерения даже самодержцу возможно бы осуществить лишь при исключительной силе воли и огромной настойчивости. Попытки Николая II проявить себя лично в этом направлении были при таких условиях заранее обречены на неуспех.

Под этим двойным давлением, а именно под яркими, воспринятыми в юности впечатлениями своего путешествия по азиатским владениям России и под гнетом чувства своего бессилия проявить личную инициативу в делах управления ядром государства, а также в европейском международном положении, Николай II должен был роковым образом направить свои взоры к Сибири и берегам Тихого океана и там искать применения своего творчества и возможности проявления личной инициативы.

Такому направлению мыслей государя первоначально, несомненно, содействовали и некоторые министры, а среди них в особенности Витте. Они чувствовали, что в какой-нибудь области необходимо предоставить молодому государю возможность осуществлять возникающие у него лично мысли. Такою областью им, разумеется, представлялась та, которая имела в их глазах наименьшее значение, где они сами почти не проявляли какой-либо инициативы и где вообще всякие опыты были сопряжены, по их мнению, с наименьшим риском для нормального хода управления, а именно та же Сибирь и тот же Дальний Восток. Достигнуть же этого было тем легче, что именно туда сами собою тяготели мысли государя.

Надо, впрочем, признать, что Витте, направляя нашу действительную политику на Восток, мог исходить и из государственных соображений. Если верить Витте (Воспоминания. Т. 1. С. ПО), направляя политику России на восток, он тем самым стремился обеспечить мир на западе. В беседе, которую он имел с императором германским в 1897 г. (как раз в то время, когда государь обещал не препятствовать Германии овладеть Цяо-Чжау), Витте будто бы проводил ту

мысль, что Европа для своего процветания должна в лице составляющих ее отдельных государств жить в мире и согласии и направлять свою деятельность на другие континенты. России, говорил будто бы Витте, нужен для своего развития продолжительный мир, а посему развиваться она должна в том направлении, где она не встретит вооруженного сопротивления, а именно на Дальнем Востоке.

Таким образом, в представлении Витте, как государственные интересы России, так и его личный интерес побуждали его обращать мысли государя на берега Тихого океана. К этому же образу действий, едва ли тех же двойных целях, прибег и министр иностранных дел. При всем его легкомыслии, гр. Муравьев вполне понимал, что всякие дилетанты в международных вопросах, касающихся европейских государств хотя бы они исходили из самых возвышенных побуждений, как, например, мысль о всеобщем разоружении и о породившей ее Гаагской конференции, чреваты грозными последствиями. Наконец на этой тактике в течение некоторого времени стремился упрочить свое положение и Куропаткин, назначенный военным министром в начале 1898 г.

Направить мысли Николая II в сторону Тихого океана всячески старался кроме того, и император германский, которому мысли Витте, поскольку они касались России, были, несомненно, весьма любы. Рассчитывал он таким путем парализовать деятельное участие России в разрешении европейских международных проблем, от участия в которых он сам, однако вовсе не отказывался. Всем известно то приветствие, которое Вильгельм II сигнализировал государю, отплывая в июне 1897 г. после посещения им России из вод Балтики: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана».

Слова эти, вероятно, запали в душу государя, и надо думать, что именно их он вспомнил, когда тотчас после объявления войны Японией, послал наместнику на Дальнем Востоке телеграмму, в которой выражал уверенность, что адмирал Алексеев, назначенный главнокомандующим всеми нашими сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, выполнит историческую задачу утверждения господства России на Тихом океане. Точным текстом этой телеграммы я не располагаю, но смысл ее был именно такой.

Характерно и то, что непосредственный толчок к занятию нами Порт-Артура дал опять-таки Вильгельм II занятием, как я упомянул, китайского порта Цинтау (Киао-Чжау). Занятие нами Порт-Артура, если бы мы ограничились его превращением в военно-морскую базу, едва ли бы породило все истекшие из этого занятия события. Но Россия никакими колониями в точном смысле слова, т.е. территориями, непосредственно не соприкасающимися с метрополией, не владела, и мысль о возможности охранения Порт-Артура такой морской базой, какими во множестве владеет Англия, в наше сознание не укладывалась. Одновременно с мыслью о взятии Квантунской области возникло вследствие этого стремление связанным сухим путем с русскими владениями. Затем опять выступает со всем присущим ему творческим пылом Витте, забыв совершенно те

опасения, которые он же высказал при возникновении против положения о захвате нами Порт-Артура, в смысле возбуждения небрег Японии и Китая, Витте, ничтоже сумняшеся и совершенно пренебрегая заявлением Ванновского, что спокойное владение нами вновь присоединяемыми к империи территориями может быть обеспечено только при условии одновременного значительного увеличения нашей армии приступает к захвату всей Маньчжурии. Проводится им в первую очередь железная дорога через всю эту обширную область, соединяющая Сибирский путь у Харбина с Порт-Артуром, причем проводится она по самой середине Маньчжурии через ее главный центр Мукден, а полоса железнодорожного отчуждения превращается фактически в русскую территорию. Здесь действуют русские законы и распоряжаются русские власти. На пустынном берегу в 80 верстах от Порт-Артура строится обширный коммерческий порт Дальний, оборудуемый с неслыханной роскошью, причем по этому поводу даже не запрашивается военное ведомство о степени соответствия наличности ничем не защищаемого порта поблизости от крепости Порт-Артур и войск, приспособленных для высадки морского десанта. Создается Восточно-Азиатское общество пароходства, являющееся конкурентом японскому коммерческому флоту. Учреждается общество для эксплуатации маньчжурских горных богатств. Создается Русско-Китайский банк, имеющий содействовать русской промышленности и торговле на всем Дальнем Востоке, а в том числе, разумеется, и в Маньчжурии. Правда, все это ведется под флагом будто бы частных предприятий, но фасад этот настолько прозрачен, что решительно никого не обманывает, и про него забывают и сами его создатели. Словом, Витте выкроил себе на Дальнем Востоке целое царство, имеющее все атрибуты самостоятельного государства, как то: собственное войско, именовавшееся Заамурской пограничной стражей и прозванное обывателями, по имени жены Витте, Матиль-диной гвардией, собственный флот, а главное, собственные финансы, так как благодаря прикрепленной ко всем этим предприятиям маске частного дела государственными средствами, на которые они действуют, Витте распоряжается без соблюдения сметных и иных правил расходования казенных сумм. О размере этих сумм можно судить по тому, что одно сооружение Восточно-Корейской железной дороги обошлось в 400 миллионов рублей, причем стоимость версты этого пути превысила 150 тысяч рублей*. Под напором жажды творчества и властолюбия Витте забывает даже первоначальный мотив, побудивший его содействовать развитию нашей деятельности на Дальнем Востоке, а именно желание угодить государю предоставлением ему возможности проявить в этом направлении свою личную волю. На Дальнем Востоке более чем где-либо Витте заменяет русское государственное начало своим личным усмотрением и произволом. Государь понемногу убеждается, что и в этой области он все более превращается в простого зрителя кипучей деятельности своего министра. Однако желание проявить в каком-либо крупном деле собственную инициативу

* В России стоимость версты не превышала 60 тысяч.

У Николая II от этого отнюдь не исчезает та легкость, с которой Россия развернула свои пределы на Дальнем Востоке, порождает мысль идти дальше в этом направлении. Рисуетя возможность подчинить русскому владычеству и иные азиатские страны, как то: всю как Северную, так и Южную Маньчжурию, а равно и Корею. По словам Куропаткина, государь мечтал даже о Тибете и Афганистане.

Вспоминаются тут первоначально отброшенные планы двух прожектеров, сыгравших в нашей дальневосточной аванюре фатальную роль, — В.М. Вонлярлярского и А.М. Безобразова. Оба отставные гвардейские офицеры, и притом однополчане, они представляли, однако, два различные типа. Вонлярлярский, раструсивший большую часть огромного состояния своей жены в различных фантастических предприятиях, жадно искал новых предприятий, сулящих сказочные барыши. Умением вести коммерческие предприятия он не обладал вовсе, — его заменяла полнейшая беспринципность и готовность идти на всякие комбинации, в которых, однако, по его неопытности страдательным лицом оказывался в конечном результате он сам. Фантазером, несомненно, был и Безобразов, но стимулом у него служила не жажда наживы, а болезненное самолюбие и неограниченная самоуверенность. Его пленяла роль видного политического деятеля, причем полем своей деятельности он избрал именно Дальний Восток, знатоком которого он себя почему-то вообразил.

В ноябре 1897 г., т.е. еще до завладения нами Порт-Артуром и когда мы развивали нашу деятельность в Корею, в Петербург приехал владивостокский купец Бринер с предложением купить у него полученную им от корейского правительства концессию на эксплуатацию обширных, охватывающих всю Северную Корею лесных пространств по рекам Тумен и Ялу. Первоначально Бринер обратился с этим предложением к директору Международного банка небезызвестному советнику в финансовых делах Витте Ротштейну, но с ним ему не удалось совершить эту сделку. В дальнейших поисках покупателя принадлежащей ему концессии Бринер сталкивается с Вонлярлярским, который тотчас же возгорается этим делом: купить за несколько десятков тысяч рублей концессию на эксплуатацию территории в 5000 квадратных верст, изобилующих неисчерпаемыми естественными богатствами, представляется делом весьма заманчивым. Однако он понимает, что эксплуатация этой территории, находящейся вдали от всяких путей сообщения, требует затраты огромных средств и мыслима лишь в масштабе государственного предприятия. Именно в качестве такового прельщается этим делом А.М. Безобразов, с которым сговаривается по этому делу Вонлярлярский, и посему стремится заинтересовать им великих мира сего. Ему удастся привлечь внимание в общем несклонного заниматься подобными вопросами бывшего министра двора гр. И.И. Воронцова-Дашкова, а также легко увлекающегося великого князя Александра Михайловича.

Увлеченный своей богатой фантазией, Безобразов составляет по этому делу обширную записку, которую ему удастся через гр. Воронцова представить царю.

В этой записке Безобразов стремится убедить Николая II приобрести концессию Бринера в личную собственность и тут же развивает обширный план ее использования. Происходит все это в марте 1898 г., т.е. как раз в то время, когда идут переговоры с Китаем об уступке нам Квантунской области с Порт-Артуром. Осведомленный об этих переговорах Безобразов в ярких красках рисует значение предлагаемой концессии в смысле превращения ее в живую связь между нашими дальневосточными владениями (Уссурийским краем) и вновь присоединяемую к империи область.

Исходя из того положения, что приобретший концессию получает право на проведение по ней железнодорожных и телеграфных линий, Безобразов стремится прельстить государя мыслью о проведении железнодорожного пути через концессионную территорию в видах соединения наших дальневосточных владений с тем самым Порт-Артуром, к овладению которым государь в то время стремится. Линия эта должна была при этих условиях захватить лишь в малом своем протяжении Северную Маньчжурию, где она, по мысли Безобразова, должна была пройти через Гири.

За это предложение, коль скоро останавливались на решении соединить рельсовым путем метрополию с Печилийским заливом, можно было привести в то время веские доводы.

Действительно, выбор того или иного направления железнодорожного пути, соединяющего наши дальневосточные владения с Порт-Артуром, предрешал всю нашу дальнейшую политику по отношению к народам желтой расы. Надо было в то время решить основной вопрос, а именно с интересами которой из двух держав — Китая или Японии — мы не будем считаться при установлении сухопутной связи Порт-Артура с метрополией, так как без нарушения интересов одной из них мы этой связи создать не могли. Правительство, в лице [министров] военного и иностранных дел, а в особенности министра финансов Витте, полагало, что для нас выгоднее не считаться с интересами слабого Китая, и потому остановилось на мысли провести железную дорогу через Маньчжурию. Интересы Японии, таким образом, нами не задевались, так как, по мнению названных министров, сосредотачивались они в Корее и ею ограничивались.

Безобразов был другого мнения. Он утверждал, что проведение нами рельсового пути по всей Маньчжурии, втягивая в сферу нашего влияния ее богатую южную часть, столь же неприемлемо для Японии, как и завладение нами на тех или иных основаниях Северной Кореей. Иначе говоря, Безобразов полагал, что установить сухопутную связь Сибири с Порт-Артуром без вызова к нам враждебных чувств не только в Китае, но и со стороны Японии мы вообще не можем. При таких условиях задача наша, по мнению Безобразова, сводилась к тому, чтобы провести предположенный железнодорожный путь по той местности, которую можно всего легче защищать от нападения Японии, и притом с наименьшим нарушением интересов Китая. Подобной местностью в его представлении являлась Северная

Корея и именно та ее обширная часть, концессию на которую можно было легко приобрести. Горный хребет, отделяющий бассейны рек Ялу и Тумен в северо-восточной его части от Японского моря, в средней части от Корейского полуострова, а в юго-западной от Желтого моря, представлял естественную защиту концессионной территории от Японии в случае появления ее войск в Южной Корее. Хребет этот являлся, таким образом, первоклассной линией стратегической обороны почти по всему протяжению предположенной дороги в случае ее проведения в проектированном им направлении. Особенное значение придавал Безобразов при этом юго-западной части Северной Кореи, прилегающей к Ляодунскому полуострову. Здесь имеется горный проход, дающий легкий доступ из расположенной у Печилийской бухты приморской части Северной Кореи в занятую нами Квантунскую область. Занятием этого прохода мы будто бы совершенно преграждали пути японским войскам по направлению к Порт-Артуру. Что же касается Китая, то мы при таком направлении железной дороги проводили ее лишь в незначительной части Северной Маньчжурии, а посему Небесную империю не озлобляли. Одновременно он утверждал, что без усиления нашей военной мощи на Дальнем Востоке мы вообще не в состоянии охранить сухопутную связь Сибири с Порт-Артуром, ни со стороны Китая, ни со стороны Японии.

Весьма возможно, что в этом последнем отношении Безобразов был прав, но это должно было привести лишь к одному заключению, а именно, что мы вообще не в состоянии распространить нашего владычества ни на Маньчжурию, ни на Корею. Независимо от того, что значительное Увеличение численности нашей армии было нам не по средствам, не соответствуя нашей экономической мощи, мы ее там фактически держать не могли. Действительно, откуда бы мы взяли достаточно многочисленный контингент лиц, который бы составил сколько-нибудь соответствующий своему назначению офицерский состав наших расквартированных в Северной Корее или Маньчжурии войск? Нищенские оклады содержания нашего офицерства в связи с медленностью прохождения военной службы вообще все меньше привлекали сколько-нибудь способных молодых людей на службу в наши армейские части. Но коль скоро служба в них была бы, кроме того, сопряжена с оставлением родины, с жизнью в некультурных условиях азиатского Востока, среди чуждого во всех отношениях населения, за тридевять земель от коренной России, то можно было быть уверенным, что охотники если и найдутся, то лишь такого умственного и морального уровня, который лишает их всякой возможности устроиться в самой России. Спрашивается, чего бы стоили войска, обучение и воспитание которых оказалось бы в таких руках*. Всего этого Безобразов и его присные, среди коих играл видную роль его двоюродный брат капитан 1-го ранга Абаза, совершенно не соображали, ибо вообще не принимали во внимание условий и интересов всей России, взятых в их совокупности, а лишь носились с мечтой о захвате нами новых огромных территорий. Попавшая им на беду корейская концессия совершенно затуманила в этом отношении их воображение. Как бы то ни было, но коль скоро местностью для проведения железнодорожного пути, связывающего

Сибирь с Порт-Артуром, была избрана Маньчжурия, так жребий был уже брошен: весь дальневосточный расчет должен был быть построен на мирном сговоре с Японией. К этому стремились как Витте, так и министры военных и иностранных дел. Так, уже в апреле 1898 г. мы входим в особое соглашение с Японией, на основании которого уступаем в ее пользу завоеванное нами в Корее положение**. Признав за нею, в силу этого соглашения, преимущественное право на развитие в Корее промышленной и коммерческой деятельности, мы одновременно отзываем из Кореи наши офицерские инструкторские отряды, финансового советника при императоре и даже закрываем учрежденный нами там по форме частный, но фактически состоящий в ведении Министерства финансов Русско-Корейский банк.

* Насколько место расквартирования воинских частей имеет влияние на личный состав их офицерских кадров, мы могли убедиться при переводе в конце 80-х годов наших кавалерийских полков из губернских городов Центральной России в губернии Царства Польского на германскую границу. Перевод этот сопровождался массовым оставлением военной службы офицерами этих полков и последующим понижением культурного уровня их офицерского состава.

** Заключенное нами в 1898 г. соглашение с Кореей, известное под названием Розен-Нисси, по имени тех русского и японского дипломатов, которые его совершили, содержало всего лишь три статьи и отнюдь не отличалось определенностью. Сущность его была изложена во второй статье, гласившей: «Ввиду большого количества японских промышленных и торговых предприятий в Корее и значительного числа японцев, проживающих в этой стране, императорское русское правительство не предпримет никаких мер, могущих препятствовать развитию промышленных и коммерческих сношений между Кореей и Японией».

Мысль Безобразова о проведении нами железной дороги через Северную Корею становится при таких условиях неосуществимой, и одновременно должна, казалось бы, рушиться и мысль об эксплуатации нами корейской концессии. Неудача, которая поначалу постигла его план, не охладила Безобразова. Он продолжает стремиться играть роль в нашей дальневосточной политике и, в частности, убеждает государя послать на средства Кабинета Его Величества особую экспедицию в территорию концессии Бринера. Экспедиция эта должна выяснить, что представляет в экономическом отношении концессионная площадь, а также какое она может иметь для нас значение в отношении стратегическом. В этих видах в состав экспедиции, состоящей под главенством служащего в Кабинете Его Величества тайного советника Непорожнева включаются два офицера Генерального штаба (впоследствии члены Государственной думы) — Звегинцев и барон Корф (сын Приамурского генерал-губернатора барона А.Н. Корфа). Офицеры эти по возвращении из упомянутой экспедиции вводятся непосредственно к государю. Своими восторженными рассказами о естественных богатствах исследованного ими края, а также о его значении для стратегической

обороны (они привезли его подробную топографическую съемку) от Японии захваченной нами Маньчжурии они возбуждают живейший интерес Николая II. Горячо, разумеется, поддерживает этот интерес Безобразов. В результате 11 мая 1900 г. концессия Бринера приобретает на имя Непорожнева на личные средства государя за весьма, впрочем, скромную сумму в 65 тысяч рублей.

Впоследствии утверждали, что цель приобретения этой концессии состояла в извлечении из нее крупных денежных барышей. В отношении к государю такое утверждение просто нелепо: русскому самодержцу не было никакой надобности прибегать к таким сложным средствам для увеличения своего личного богатства, если даже допустить, что он вообще мог питать такие намерения*.

Вопреки тому, что многие утверждали, не преследовал, как я уже упомянул, корыстных целей и Безобразов. Он был фантазер, одержимый манией величия, роль царского советника прельщала его честолюбие, а возможность влияния на кардинальные вопросы государственной политики дурманила его слабую голову и окончательно скрывала от него общее положение страны за преследуемой им химерой владычества России едва ли не во всей Азии. Приблизительно таким же человеком был и его alter

Насколько русские цари, а в том числе и Николай II, мало заботились о накоплении личных денежных средств, вполне выяснилось после революции 1917 г., когда оказалось, что царская семья не владела никакими капиталами, находящимися вне пределов России.

А.М. Абаза, сам по себе личность вполне порядочная, но и весьма ограниченная. Убежденные, что завладение бассейнами Тумена и Ялу обеспечит нам оборону от неминуемого, по их мнению, нападения японцев, они одновременно видели в Северной Корее обширное поле для применения русской промышленности. Мечтали при этом идти по следам Англии, которая на плечах своих пионеров и при содействии своих капиталов, промышленности и торговли завладела таким путем многими из своих наиболее лакомых колоний. Упустили лишь из виду существенную разницу между нами и Англией. Последняя захватывала новые территории своей органической силой, теми избытками в людской энергии и в денежных средствах, которыми обладала метрополия. Само государство шло лишь следом за этой органической силой; оно лишь закрепляло за собою то, что уже фактически было захвачено его подданными. В ином или, вернее, обратном положении находилась Россия. У нас не только не было свободных средств и людской предприимчивости, а, наоборот, острый недостаток тех и других даже для удовлетворения наших внутренних потребностей в них. Приток к нам иностранных капиталов и иностранной промышленности этим и обуславливается. Сколько-нибудь широкая деятельность в области промышленности вне наших пределов могла быть, при таких условиях, осуществлена нами, во-первых, в

явный ущерб использованию наших собственных естественных богатств, а во-вторых, не в путях частной русской предприимчивости, а в порядке государственной или, вернее, правительственной деятельности, осуществляемой не людьми, исключительно действенными и энергичными, и не на частные средства, а на средства казенные и лишь наемными агентами, отдающими свой труд за определенное вознаграждение и лично не заинтересованными в том предприятии, к которому они привлечены.

Словом, здесь мог быть применен только тот старый русский способ действия, последствием которого являлось, по выражению Ключевского, то, что «государство пухло, а народ хирел».

Привлечь русских людей и русский капитал к каким-либо экзотическим предприятиям было тем более трудно, что именно в ту эпоху, более чем когда-либо, всякий сколько-нибудь толковый и нравственно устойчивый русский человек мог легко устроить свою судьбу и с выгодой пустить в оборот имеющиеся у него средства в самой России. Приходилось поневоле искусственно создавать исключительно выгодные условия для привлечения подходящих людей, притом без всяких гарантий относительно степени их пригодности для работы в тяжелых условиях некультурных стран. Среди них, разумеется, могли попадаться лица, ищущие по складу своего характера новых сильных ощущений и вообще более приспособленные к деятельности в ничем не стесняемых первобытных условиях человеческой жизни, нежели в размеренном распорядке современной цивилизации. Но такие лица были исключение; большинство же приходило на долю либо мелких авантюристов и искателей легкой наживы, либо неудачников, к упорному труду совершенно не привыкших, к нему неспособных и личными средствами не обладающих.

Таким образом, с точки зрения колониального развития России предприятие на Ялу совершенно не отвечало степени органической силы русского народа.

Наоборот, в политическом отношении предприятие это лишь безмерно усложняло наше международное положение, в особенности на Дальнем Востоке. Вопрос шел, очевидно, не о захвате нами тех или иных стратегических линий обороны от Японии, а о том войске, которое может их защищать. Коль скоро достаточного для этого количества войск у нас не было, нужно было удовольствоваться тем, что мы уже захватили в Маньчжурии, а не стремиться к дальнейшему расширению, в особенности в прямой ущерб интересов Японии в Корее.

Спутало все карты, но одновременно задержало и приобретение корейской концессии внезапно вспыхнувшее в Китае так называемое боксерское движение. В Маньчжурии объектом нападения была линия строящейся Восточно-Китайской дороги и образовавшиеся по ней рабочие поселки.

Движение это было подготовлено самим китайским правительством и несомненно пользовалось его поддержкой, но все же имело характер неорганизованного

народного выступления. Коль скоро мы доставили в Маньчжурию сколько-нибудь значительное количество войск, оно было поэтому быстро подавлено, причем больших бед нашим там предприятиям не причинило. В отношении строящейся дороги оно выразилось не столько в разрушении уже законченных ее участков и искусственных сооружений, сколько в уничтожении денежной отчетности по произведенным работам...

В результате боксерское восстание лишь разожгло аппетиты всех наших авантюристов, искавших на Дальнем Востоке удовлетворения кто честолюбия, а кто сребролюбия.

Восстание это, однако, с очевидностью выявило, что наше положение в Маньчжурии отнюдь не безопасное, что к нашему присутствию и к затеянными нами там предприятиям как китайская государственная власть, так и местное население относятся враждебно и что, следовательно, распространять нашу власть и влияние на Дальнем Востоке мы должны с крайнею осторожностью и отнюдь не создавать новых причин озлобления против нас народов желтой расы. У правительства выработался, однако, как раз обратный взгляд, чему, впрочем, способствовала та легкость, с которой мы разгромили боксерские банды. У многих лиц правительственного синклита создалось убеждение, что желтая раса для нас не страшна. Так невзирая на предостережения, исходящие от лиц, весьма компетентных в этом вопросе, Куропаткин продолжал считать и утверждать, что Япония в военном отношении величина ничтожная. Столь же оптимистичен был и гр. В.Н. Ламздорф, заменивший в июне 1900 г. умершего Муравьева на посту министра иностранных дел.

Значительно правильнее продолжал оценивать с этой стороны обстановку Безобразов. В записках, представленных им различным влиятельным лицам, между прочими и великому князю Александру Михайловичу, он не без основания указывал, что положение наше в Маньчжурии весьма шаткое, но вывод, к которому он приходил, все тот же, а именно увеличение нашей военной мощи на Дальнем Востоке и в первую голову завладение нами в целях стратегической обороны Северной Кореей, иначе говоря, территорией, приобретенной нами в концессию.

В соответствии с этим тотчас после замирения Китая Безобразов, продолжая действовать побочными путями, вновь стремится обратить взоры государя к этому делу, которое именует не иначе как «личное дело моего государя», что, несомненно, усиливает интерес к нему Николая II, не перестающего мечтать о проявлении личной инициативы.

Составляется устав Восточно-Азиатской промышленной компании¹⁴, причем учредителями показаны В.М. Вонлярлярский, кн. Ф.Ф. Юсупов, гр. В.А. Гендриков, М.А. Серебряков и А.М. Абаза. Государь соглашается на внесение устава в Комитет министров и отдает распоряжение барону Фредериксу

приобрести за счет Кабинета на имя капитана 1-го ранга Абазы 200 паев компании. Получив это распоряжение, барон Фредерике представляет государю (2 июня 1900 г.) записку, в которой, упомянув про то, что коммерческая прибыльность предприятия представляется весьма сомнительной, подробно развивает то положение, что участие русского царя, хотя бы анонимное, через посредство третьего лица, в русских коммерческих делах, успех коих зависит в значительной степени от действий правительства, совершенно невозможно. Известия об этом могут проникнуть в печать, если не русскую, то заграничную, и, во всяком случае, тайной не останутся. В заключение Фредерике предложил предоставить принять участие в этом деле Министерству финансов.

С своей стороны следом за этим представляет свои соображения царю по этому делу гр. Воронцов. Он, наоборот, настаивает на личном участии царя в этом деле, причем предвидит, что «если не будет явно, что мы работаем для Вас и под Вашим покровительством, то, вероятно, большинство откажется, не желая отдавать свое время и труд на увеличение средств X-а, Y-а или Z-а, при могущих изменяться взглядах гг. министров». Одновременно обращается Воронцов с письмом к Фредериксу, в котором в весьма резких выражениях упрекает его в том, что он тормозит дело государственного значения.

Барон Фредерике, как известно, отличался ограниченными умственными способностями, но одновременно и безукоризненной честностью и рыцарскими свойствами. Внутреннее чутье нередко руководило его действиями, прирожденный инстинкт ему подсказывал, что русскому царю негоже участвовать в коммерческих делах.

Поэтому Фредерике, получив от царя категорическое приказание приобрести на средства Кабинета пай образуемого общества, наотрез отказался от исполнения этого Высочайшего повеления, подав одновременно прошение об увольнении от должности министра двора.

Прошение это Фредерике снабдил изложением тех мотивов, которые его к этому побуждают, — недопустимость для русского царя участвовать в денежных делах, прибыльность которых зависит от мер государственных, самим царем проводимых, причем прибавлял, что если государю угодно вложить в это дело деньги в виде помощи ему, не связанной ни с какими возможными прибылями, иначе говоря, в виде безвозвратной субсидии, то он, Фредерике, хотя и считает, что это неразумная трата государевых денег, разумеется, не сочтет себя вправе этому препятствовать.

Государь весьма ценил Старика, как он в семейной обстановке звал Фредерикса, а потому внял его убеждениям, отставка Фредерикса не была принята, а царской резолюцией от 5 июля было приказано не вносить это дело в Комитет министров, покуда не успокоятся события на Дальнем Востоке.

Обстоятельство это, однако, не охладило Безобразова и всячески его поддерживавшего Вонлярлярского.

Не проходит и двух месяцев, как Безобразов вновь напрягает все усилия к учреждению задуманной им компании, причем действует в полном согласии с гр. Воронцовым. 23 июля (1900 г.) он представляет государю новый меморандум, в котором проводит ту основную мысль, что в Маньчжурии и вообще во всем Северном Китае должно всецело господствовать «наше единоличное влияние», причем предусматривается «переселение остальных иноземных влияний в Южный Китай» — «Куй железо, пока горячо», — пишет Безобразов царю, имея в виду наши успехи в подавлении боксерского движения и ту видимость соглашения по китайскому вопросу, которая выразилась в совместном движении военных отрядов европейских держав на Пекин.

Вновь испытав неудачу и приписывая ее всецело противодействию Витте, Безобразов меняет свою тактику и вместо того, чтобы продолжать вести борьбу путем злобной критики всех его действий, в подаваемых им царю записках он пытается войти с ним в соглашение. Это ему в известной степени, по-видимому, удается. В записке, поданной им Николаю II 23 апреля (1901 г.), он утверждает, что Витте относится к мысли об образовании товарищества сочувственно. Действительно, в июне 1901 г. устав товарищества утверждается Комитетом министров, но учредителями оказываются не прежние лица из придворных сфер, а два подставных лица — Альберт и Крузе. Однако дело от этого не подвигается, ибо товарищество никакими средствами, кроме пожертвованных Кабинетом Его Величества, не обладает и к указанному в уставе времени образования его основного капитала он оказался в размере 20% предусмотренного общего его размера; сумма эта не собирается, а потому товарищество юридически перестает действовать.

Казалось бы, что после всех своих многолетних стараний, неизменно оканчивающихся неудачами, Безобразов должен был бы утратить надежду на успех и отступить от задуманного дела. Да так бы оно, по всей вероятности, и было, если бы не стоявший за ним Вонлярлярский, не переставший надеяться, что при помощи корейской концессии он избегнет грозившего ему окончательного разорения, что в конечном результате в 1907 г., кстати сказать, и произошло. С апреля 1902 г., а именно после назначения министром внутренних дел Плеве, рабочей силой в этом деле является именно он, а Безобразов используется лишь для представления через его посредство записок царю. С Плеве Вонлярлярский находится в весьма оживленных, почти ежедневных, сношениях и, по-видимому, встречает в нем на почве борьбы с Витте деятельную поддержку. В результате Витте сдается и в январе 1903 г. открывает на имя Безобразова кредит в два миллиона рублей «на известное Его Императорскому Величеству употребление». Кредит этот ассигнуется частью из 12-миллионного фонда, частью из секретного фонда Русско-Китайского банка, а главным образом (свыше половины) из прибылей иностранного отделения кредитной канцелярии. Таким образом, дело и

деньги, на него назначенные, попадают в бесконтрольное распоряжение отдельных лиц, не внесших пока что в него ни одной копейки собственных денег, причем ведется дилетантски. Зато Безобразов приобретает все большее влияние на ход дела на Дальнем Востоке и, назначенный 6 мая статс-секретарем, превращается в полуофициального докладчика по всем вопросам, до него относящимся.

Это положение пугает решительно всех заинтересованных министров, которые при таком обороте дела предпочитают придать ему законную оформленность.

Не препятствуют этому и Безобразов и К^о, так как полученные ими деньги уже на исходе. В результате 31 мая 1903 г. утверждается устав «Русского лесопромышленного общества на Дальнем Востоке», учредителями коего значатся кроме лиц, поименованных при образовании несостоявшейся Восточно-Азиатской промышленной компании, еще гр. А.И. Игнатъев, П.П. Гессе и Н.Г. Матюнин. Были ли вложены в это дело учредителями какие-либо средства, мне неизвестно. Во всяком случае, размер этих средств держался в строгом секрете. Что касается Кабинета Его Величества, то общий размер ассигнованных им на это дело средств в виде безвозвратной субсидии достиг 250 тысяч рублей.

Тотчас по образовании лесопромышленного общества делу разработки леса в устьях Ялу придается государственное значение. Выражается это в том, что в предприятии работают лица, состоящие на государственной службе, но освобожденные от всяких иных занятий и продолжающие тем не менее получать казенное содержание. Мало того, для вооруженной защиты предприятия переводится на самую корейскую границу — в Фынъ-Хувно-Чен — читинский казачий полк.

У Безобразова возникает даже мысль образовать солдатские рабочие артели для разделки леса, одетые в китайское платье и имеющие оружие, спрятанное в обозе. Когда это нелепое предположение, по настоянию Куропаткина, отвергается, Безобразов образует такие же артели из ... хунхузов, которые вооружаются казенными ружьями.

Само собою разумеется, что в смысле защиты края полк этот, а тем более хунхузы не имели никакого значения. Получается, таким образом, совершенно невозможное положение. С одной стороны, мы не увеличиваем нашей военной силы, могущей оказать сопротивление натиску Японии, с другой, мы пускаем в ход все средства для того, чтобы окончательно озлобить Японию, внушив ей уверенность, что мы не намереваемся вовсе считаться с соглашением, заключенным с нею в 1898 г. относительно Кореи. Между тем к этому времени мы уже точно знаем, что таким образом мы неизбежно входим в конфликт с теми основными задачами, которые поставила себе Япония.

Действительно, уже в 1900 г. наше дипломатическое представительство в Японии отдавало себе в этом вполне точный отчет. Нашим посланником в Японии был в

это время барон Р.Р. Розен, один из весьма образованных и Дальновидных наших дипломатов, впоследствии предсказавший, что наш союз с Францией и Англией неминуемо вовлечет нас в войну с Германией последствия которой, даже в случае поражения немцев, будут для нас неблагоприятны. Вот этот барон Розен еще при занятии нами Порт-Арту-Ра в 1898 г. убеждал Министерство иностранных дел в необходимости для нас войти в твердое соглашение с Японией по всему дальневосточному вопросу, не ограничиваясь тем кратким и неопределенным актом, который был им совместно с японским министром Нисси подписан.

В те времена престиж России на азиатском Востоке был действительно настолько велик, что Япония соглашалась на весьма большие уступки, лишь бы не войти с нами в столкновение на Азиатском материке и в водах Тихого океана.

К этому вопросу барон Розен возвращался в своих донесениях неоднократно, но с особою настойчивостью развил он свои мысли в конце 1900 г. после того, как японский министр иностранных дел маркиз Ито, осведомившись о приобретении нами концессии в Северной Корее и встревоженный тем, что мы ввели в Маньчжурию значительную военную силу, которую несмотря на подавление боксерского движения, по-видимому, не собираемся из нее уводить, вел с ним по этому поводу весьма серьезные разговоры.

Маркиз Ито прямо заявил, что Япония вынуждена перекинуть свое владычество на часть Азиатского материка, так как население ее, вследствие естественного прироста, уже не может безбедно жить в пределах составляющих Японию островов. Такой частью Азиатского материка может быть, говорил Ито, только Корея, и притом преимущественно северная ее часть, так как Корейский полуостров и более южные части Восточно-Азиатского побережья, если не считать уже занятого Россией Ляодунского полуострова, столь густо населены, что о переселении туда японцев речи быть не может. Япония, однако, признает, продолжал Ито, что и Россия имеет существенные интересы в сопредельных с нею на Дальнем Востоке государствах, а потому предлагает ей миролюбиво разделить сферы влияния в этой стране, а именно предоставить ей северо-восточную, прилегающую к Уссурийскому краю, часть расположенной вне полуострова Кореи, с тем чтобы на ее долю досталась юго-западная ее часть, прилегающая к Желтому морю. Иначе говоря, вопрос шел о разделении приобретенной нами корейской концессии с Японией на более или менее равных началах.

При этом маркиз Ито не скрыл от барона Розена, что перед Японией возникает дилемма либо сговориться с Россией и в дружбе с нею владеть восточную частью Тихого океана, либо обратиться к какой-либо иной державе, в союзе с которой явиться противником дальнейшего распространения России на Дальнем Востоке. Такой державой, понятно, являлась Англия, сойтись с которой на почве противодействия России для Японии было тем легче, что Англия не скрывала

своих враждебных чувств к России.

Барон Розен, проведший в Японии на различных дипломатических должностях много лет и близко ее изучивший, видел, что Япония развивается с необыкновенною быстротою, а население ее отличается исключительными боевыми качествами. Поддерживал его в этом мнении и бывший тогда военным агентом в Японии полковник Вогак, утверждавший, что японская армия вскоре представит грозную силу.

Розен полагал, что превращать при таких условиях Японию в врага России, врага, которому, очевидно, удастся заручиться в той или иной мере содействием наиболее могущественной морской державы — Англии, для нас нет никакого расчета.

В пространном донесении изложил он свои разговоры с Ито, причем горячо советовал принять условия Японии. Но в это время мысль о завладении нами не только сданной в концессию территорией Кореи, но впоследствии и всей страной уже пустила глубокие корни, причем особенно заманчивой представлялась та ее часть, которая приближается к занятому нами Ляодунскому полуострову. На донесении барона Розена государь положил весьма резкую резолюцию, в том смысле, что он никогда не допустит Японию внедриться в Корею. В результате барон Розен был смещен с поста посланника в Японии и переведен на совершенно второстепенный пост посланника в Баварии, а на его место назначен Извольский. Почти одновременно был перемещен и полковник Вогак в соседний Китай, а взамен его назначен в Японию полковник Ванновский, сыгравший в нашей дальневосточной авантюре тоже немалую роль. В своих донесениях полковник Ванновский утверждал, что японская армия обладает ничтожной боевой силой и технически совершенно не оборудована. Донесения эти легли в основание того твердого убеждения, которое господствовало почти до самой войны в петербургских правительственных кругах, что Япония никогда не осмелится вступить с нами в вооруженную борьбу*.

С своей стороны, соответственно назначенный в Петербурге, Извольский, поддерживаемый Ванновским, первоначально, по-видимому, тоже стал на ту точку зрения, что нам нет надобности считаться с японскими притязаниями, так как отстоять их при помощи оружия они не в состоянии. Однако к осени 1901 г. разобрался в истинном положении вещей и Извольский. Возобновивший с ним переговоры маркиз Ито продолжал указывать на необходимость для Японии дать части ее населения выход в ближайшую к ней часть Азиатского материка и необходимость для нее соглашения по этому поводу либо с Россией, либо с Англиею.

* Сам Ванновский был настолько убежден в правильности своего взгляда, что уже после начала Японской войны делал в петербургских гостиных частные сообщения, в которых подробно доказывал, что японская армия при первом же столкновении с нашими будет разбита в пух и прах. Я присутствовал на таком несомненно последнем сообщении в доме С.С. Бехтеева в апреле 1904 г., а именно в день получения известия в Петербурге о несчастном для нас Тюренченском бое. В то время Главный штаб рассылал некоторым официальным лицам получаемые им телеграммы о ходе военных действий. Вернувшись домой с упомянутого сообщения Ванновского в весьма радужном настроении, так как не имел основания ему не верить, я нашел у себя телеграмму штаба, сообщавшую о потере нами под Тюренченом, если память мне не изменяет, 18 орудий. Известие это облетело Петербург с быстротою молнии и сразу изменило отношение к войне в общественных кругах.

В этих видах японское правительство в октябре 1902 г. решило послать маркиза Ито в Европу, причем первым его этапом должен был быть Петербург, а вторым, в случае его неудачи переговоров с русским правительством, Лондон. Обстоятельство это побудило Извольского обратиться к министру иностранных дел гр. Ламздорфу с подробным и весьма убедительным письмом, в котором он указывал, что для России наступила последняя возможность мирно сговориться с Японией и что при отсутствии такого сговора война с этой державой в более или менее близком будущем станет неизбежной, причем война эта будет тяжелая.

Пока наши дипломатические представители в Японии волновались и били тревогу, Петербург продолжал оставаться в блаженном спокойствии. Не внял Ламздорф предостережению Извольского, не внял и Куропаткин донесениям Вогака, не перестававшего с переводом в Китай следить за нарастанием японской военной силы и доносить, что Япония деятельно готовится к войне и что воинская ее мощь весьма значительна. На одном из таких донесений Куропаткин положил даже весьма резкую резолюцию в том смысле, что Вогак сообщает явный вздор. Объяснялось это, впрочем, тем, что Вогак был в близких отношениях к Безобразову и поддерживал его точку зрения о необходимости увеличить численность наших войск на Дальнем Востоке. Соответственно с этим настроением глав наших дипломатического и военного ведомств прибывший в ноябре 1901 г. в Петербург маркиз Ито был встречен нелюбезно и ни к какому соглашению прийти, конечно, там не мог.

Словом, Петербург в лице не только Витте, но и министров военного и иностранных дел продолжал пребывать в уверенности, что воевать с нами Япония не отважится, а если отважится, то будет легко разбита.

Все эти лица, очевидно, совершенно не оценивали той разницы, которую представлял для нас и для Японии дальневосточный вопрос. Для нас обладание Маньчжурией имело третьестепенное значение, а проникновение в Корею — лишь способ защиты той же Маньчжурии. Оно могло быть оцениваемо только как

некоторое колониальное расширение, могущее быть использовано лишь в более или менее далеком будущем. Для Японии, наоборот, это был вопрос жизненный, и борьба здесь имела характер глубоко национальный. Соответственно этому Япония сосредотачивала на этом вопросе все свое внимание, наше же правительство среди множества иных бесконечно сложных вопросов обращало на него лишь мимолетное внимание, причем связывало его с той борьбой личных влияний, которая велась вокруг государя. В этом вопросе многих гораздо больше интересовало, кто возьмет верх в той возгоравшейся борьбе, нежели самый исход корейско-маньчжурского предприятия.

Иначе смотрела на соперничество, возникшее между Россией и Японией, Англия. Она сразу поняла ту выгоду, которую она может извлечь из вовлечения России в открытую борьбу с Японией. Ввиду этого приехавший в Лондон из Петербурга маркиз Ито был встречен там с исключительным почетом, и ему не стоило труда войти с английским правительством в соглашение, в силу которого Англия обязывалась помочь Японии своим флотом в случае войны с двумя державами.

Соглашение это, заключенное 30 января 1902 г., обеспечивало Японии в случае войны с Россией, что либо она будет иметь дело с ней одной, либо, если бы Россия заручилась содействием другой державы, например, Франции, она будет иметь союзницею могущественную морскую силу Англии.

Для Японии это обстоятельство было решающим. Опираясь на него, война с Россией в случае дальнейшего ее противодействия японским планам проникновения на Азиатский материк была предрешена уже в начале 1902 г. и составляла, таким образом, лишь вопрос времени.

Соглашение с Англией беспокоило наши правящие сферы. Мы решаемся умерить наши притязания на Дальнем Востоке. Заключенным 26 марта 1902 г. соглашением с Китаем мы обязываемся очистить в годичный срок от наших войск Южную Маньчжурию, а в 18-месячный срок, т.е. к 26 сентября 1903 г., эвакуировать и всю Северную Маньчжурию.

Принимается это решение вопреки всем стараниям Безобразова, влияние которого в это время не сказывается.

Однако в этом состоянии относительного спокойствия дальневосточный вопрос пребывает лишь до осенних месяцев того же 1902 г., когда вмешательство Безобразова во все дела, касающиеся нашего положения на берегах Тихого океана, вновь принимает весьма решительный характер и Даже облачается в фантастические предположения*.

Куропаткин в своем дневнике (помешенном во втором томе издаваемого в советской России «Красного архива») рассказывает об изумительной затее Безобразова, а именно об изобретенном им осенью 1902 г. способе «тайными средствами» действовать в Южной Маньчжурии противно нашим обязательствам

(не препятствовать иностранцам развивать их экономическую деятельность). «Я вынудил Безобразова, пишет Куропаткин, высказаться, что же это за тайные средства. По его словам, они должны были заключаться в следующем: Витте и Ламздорф должны открыть всю Южную Маньчжурию иностранцам и иностранным предприятиям. Начальник Квантунской области, адмирал Алексеев, не должен им мешать, но затем должны явиться на сцену послушные нам хунхузы, и предприятия лопаются, люди исчезнут...» (!!)

Именно с этого момента борьба между министрами и Безобразовым принимает открытый характер. Куропаткин, Витте и Ламздорф объединяются для противодействия влиянию и планам этого авантюриста.

Министры эти, а среди них в особенности Куропаткин, стремятся убедить государя перенести центр внимания с Дальнего Востока на Запад, где уже собирались к тому времени, на почве вечного Македонского вопроса¹⁶, грозные тучи. Куропаткин указывает, что наша дальневосточная политика вместе с подавлением боксерского движения обошлась уже в сумму свыше миллиарда рублей, не давши при этом никаких ощутительных выгод, и являлась лишь источником дальнейших расходов и убытков. Так, одна Восточно-Китайская железная дорога приносит нам, считая % на затраченный капитал, свыше 30 миллионов ежегодного убытка, а к этому надо еще присоединить содержание ее охраны, именуемой замурской пограничной стражей, стоящей свыше 15 миллионов в год*.

Мотивы у поименованных лиц для противодействия планам и влияниям Безобразова были, однако, разные. Куропаткин, стремясь к увеличению нашей военной подготовленности на западной границе, желает направить в эту сторону ограниченные средства, которыми располагает военное ведомство, и поэтому противится дальнейшему усилению нашей деятельности на Дальнем Востоке. Витте не желает выпускать из своих рук почти единоличное хозяйничанье во всех созданных им предприятиях в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове, причем также стремится по возможности ограничить расходы казны на Дальнем Востоке. Наконец, Ламздорф опасается, что наша шумливая деятельность в Южной Маньчжурии и Северной Корее создаст нам международные осложнения не только с Китаем и Японией, но и с Америкой и Англией. Вырисовывающаяся на горизонте возможность вооруженного столкновения с Японией, хотя на страну эту продолжали смотреть как на силу более или менее ничтожную в боевом отношении, все же смущает правительство. Министерство уверено, однако, что избежать ее можно не увеличением количества наших войск, расположенных на Дальнем Востоке, а прекращением явно агрессивного по отношению к Японии образа действий. С своей стороны, Безобразов стоит на другой точке зрения, причем убеждается, что один он не в состоянии сломить противодействия министров, и решает искать союзника вне их состава. В качестве такового он намечает начальника Квантунской области адмирала Алексеева.

* В дневнике Куропаткина под 24 августа 1903 г. приведен его разговор с императрицей Александрой Феодоровной относительно Дальнего Востока, бывший в Либаве после царского осмотра Либавской крепости. «Я навел разговор, пишет Куропаткин, на то, что в Либаве в военном отношении мы очень слабы, что денег нет, флота нет, что все теперь берет Дальний Восток и что в этом существует большая опасность. Государыня начала возражать мне с необычайной горячностью, что теперь и надо все силы и средства направлять на Дальний Восток, что там главная опасность, что там может быстро вспыхнуть война, что там мы должны быть особенно сильны во флоте, что потом, года через четыре, когда там все будет готово, можно опять перенести внимание на Запад. Мое замечание, что на Западе для нас зреет и все увеличивается опасность, что если мы отстанем от наших соседей, мы будем побиты, что все наши успехи на всех второстепенных театрах ни к чему не приведут. Говорил, что опасаясь Европейской войны. Государыня выразила уверенность, что до Европейской войны не допустят, что теперь страшно нашествие желтой расы, что ей надо дать отпор и пр. Чувствуя, что здесь я поддержки не найду, я признал себя побежденным и откровенно сказал государыне: «Увы, чувствую, что моя вылазка окончилась полной неудачей». Государыня смеялась, но твердо говорила: «Да, да, тут нет сомнений». Очевидно, государь делился с ней своими разногласиями с министрами. Государь с интересом прислушивался к нашему разговору... После обеда государь, проходя мимо меня, смотрел на меня с торжествующей улыбкой, которая говорила: "Что, не удалось..."».

В этих видах добывается Безобразов командировки в Порт-Артур для выяснения общего положения дел на азиатском Востоке.

Обставляется эта командировка с крайней торжественностью. Едет он туда, окруженный свитой чиновников различных ведомств, конечно, в особом вагоне, и притом снабженный собственноручным письмом государя к Алексееву.

По приезде в Порт-Артур он разыгрывает там роль полномочного посланца монарха, вторгается в распоряжения всех властей, в том числе и местных китайских. Состоит он при этом в личной телеграфной переписке с государем, которая ведется особым шифром. Обеспокоенные сведениями, получаемыми о действиях Безобразова, министры стремятся ограничить его своеволие, но удается это им лишь в малой степени. Что касается Алексеева, то он поначалу как будто несколько встревожен действиями Безобразова, в особенности поскольку они касаются наших отношений с Китаем, но все же высказывает ему большую предупредительность. Между прочим, на уведомления о последовавшем в Петербурге (16 февраля 1903 г.) решении эвакуировать Южную Маньчжурию, согласно принятому нами обязательству к 26 марта 1903 г., с переводом расположенных там войск вовнутрь России, Алексеев, отчасти ради обеспечения Порт-Арту-Ра большей военной силой, но отчасти и ради привлечения к себе

расположения Безобразова, отвечает настойчивым ходатайством о передвижении этих войск в Квантунскую область. Ходатайство это, поддерживаемое Безобразовым, получает удовлетворение. Окончательно прельщает Безобразов Алексева мыслью о преобразовании управления Квантунской области в наместничество на Дальнем Востоке с подчинением наместнику всех наших войск и предприятий, находящихся в Маньчжурии. Под напором разыгравшегося честолюбия Алексеев поддерживает Безобразова и в вопросе о концессии на Ялу. Самоуверенность и нахальство Безобразова доходят к этому времени вследствие этого до такой степени, что он представляет государю записку под заголовком «Расценка положений», в которой не только доказывает необходимость увеличить численность наших войск на Дальнем Востоке на 35 000 человек, но еще указывает, как их расположить. При этом он совершенно не считается с принятым нами обязательством очистить к 26 марта 1903 г. от наших войск всю Южную Маньчжурию и предполагает даже ввести в Северную Корею конный отряд с горными орудиями в 5000 человек.

Совокупность всех этих действий Безобразова дает возможность Куропаткину и Ламздорфу несколько пошатнуть к нему доверие государя. Напрасно оставленный им в Петербурге в качестве своего защитника Абаза, имея свободный доступ к императору, стремится оправдать все эти действия теми препонами, которые министры ставят на пути осуществления Высочайшей воли в смысле расширения нашей деятельности на Дальнем Востоке. Главную роль в деле развенчания Безобразова в глазах государя играет опять-таки Витте. Своим многочисленным агентам на Дальнем Востоке он дает приказ об его осведомлении о всех действиях и словах Безобразова во время его там пребывания*. В руках Витте получается богатейший материал, которым он и орудует в намеченном им направлении. На его основании по указаниям Витте в Министерстве финансов составляют краткие донесения о деятельности Безобразова на Дальнем Востоке, которые затем Витте и представляет государю. В результате государь решает вызвать Безобразова обратно в Петербург и командировать самого Куропаткина в Порт-Артур, «дабы, как он говорит, сгладить следы Безобразова». Для успокоения японского весьма возбужденного против России общественного мнения Куропаткина командируют, кроме того, в Японию. 10 апреля (1903 г.) делается распоряжение об отводе читинского казачьего полка из Фин-Хуан-Чена. Еще ранее того государь собирает нескольких министров, а именно Куропаткина, Витте, Ламздорфа и Плеве, для обсуждения вопроса о дальнейшей судьбе лесного предприятия на Ялу. На совещании этом, состоявшемся 26 марта 1903 г., присутствовал и Абаза. Основным вопросом, предложенным на обсуждение приглашенных министров, было превращение корейского лесного предприятия в действующее, сообразно общим законам, акционерное общество. Вызвано это было тем, что в руках Безобразова и К0 предприятие это поглотило уже все вложенные в него средства. Требуется прилив новых средств, и инициатор дела старается их получить из кассы государственного казначейства, а буде представится возможность, то и от иностранных капиталистов*. При этом рисуется им картина будущих от предприятия барышей. Так, уже в данном 1903 г. прибыль от него должна

составить, по их словам, 5 миллионов рублей, а в будущем 1904 г. достигнуть 10 миллионов рублей**.

* По-видимому, главный материал для этих донесений доставлял некий Гиршман — главный инженер Восточно-Корейской железной дороги, сумевший втереться в доверие Безобразова и затем аккуратнейшим образом сообщавший Витте о том, что тот ему рассказывал. Рассказы же эти отличались смесью фанфаронства и хвастовства на тему его близости к государю и безудержного фантазерства в области будущей роли России на берегах Тихого океана.

Примечательно, однако, что весь основной капитал этого общества определяется всего в два миллиона рублей: с этой ничтожной суммой предполагают осуществить, да еще при участии иностранных капиталистов, дело, которое признается его руководителями имеющим русское общегосударственное значение.

На совещании 26 марта 1903 г. все приглашенные министры высказывают опасение, что наша деятельность в бассейне Ялу может создать для нас многочисленные международные осложнения; указывается при этом не одна Япония, а и Англия и в особенности Америка.

Относительно Японии Куропаткин говорит, что хотя из войны с нею мы, конечно, выйдем победителями, но что стоить нам эта война будет дорого. Протянется она, вероятно, года полтора, обойдется приблизительно в 700—800 миллионов рублей и потребует с нашей стороны армии в 300 тысяч, потери которой составят примерно от 30 до 35 тысяч человек убитыми и ранеными.

Тем не менее участники совещания не имеют мужества определенно высказаться против всякого продолжения нашей деятельности на Ялу и стремятся лишь к одному, а именно к превращению всей этой деятельности в определенно частное предприятие, отнюдь не поддерживаемое и не защищаемое нашими сухопутными или морскими военными силами.

* Был даже момент, когда предприниматели, в особенности Вонлярлярский, по-видимому забыв о тех государственных целях, которые они преследовали, думали привлечь к этому делу японские капиталы.

** На деле в 1903 г. удалось погрузить всего лишь один пароход лесом, добытым на "У". а для исполнения заключенных по поставке лесного материала контрактов пришлось приобрести таковой в Америке. В результате вместо прибыли получились, разумеется. Крупные убытки.

В соответствии с этим в конечном выводе совещание выражает согласие на образование упомянутого акционерного общества, с тем чтобы деятельность общества носила исключительно коммерческий характер и была ограничена одной разработкой леса. При этом Витте высказывается за то, чтобы во главе общества стояли лица, действительно компетентные в промышленных делах. Совещание допускает, однако, «ограниченное» участие средств государственного казначейства в образуемом обществе, равно как таковое же ограниченное участие иностранных капиталов. Любопытно, что совещание одновременно поручает министрам финансов и иностранных дел постараться получить от китайского правительства концессию на эксплуатацию лесов на левом маньчжурском берегу реки Ялу, с тем чтобы эта концессия была передана тому же образуемому обществу. Делается это по настоянию того же Витте, который в то время как будто еще верил в жизненность и прибыльность корейской концессии. Таким образом, между министрами не обнаруживается разногласия, и если виноват в этом решении Плеве, то, во всяком случае, не в большей степени, нежели главы других ведомств. Но суть дела не в этом. Кроется она в том, что в этот период Витте, убедившись, что для того, чтобы совершенно прекратить всякую нашу деятельность в Корее, он не имеет достаточного влияния, направляет все свои стремления к тому, чтобы поставить эту деятельность на строго коммерческую ногу и отстранить от нее Безобразова. В этих видах он входит в личные сношения с тем из заправил в корейском промышленном предприятии, который ищет в нем исключительно лишь одного — денежной наживы, а именно с Вонлярлярским, и стремится при его помощи устранить Безобразова от этого дела. При этом Вонлярлярского Витте стремится перетянуть в свой лагерь обещанием, что в случае устранения Безобразова во главу всего предприятия он проведет его. Словом, в данном случае, как и во многих других, он прибегает все к тому же излюбленному способу — подкупу. Перед таким подкупом Вонлярлярский, конечно бы не устоял, если бы вообще имел возможность содействовать планам Витте и проводить его взгляды. Но этой возможности у него, безусловно, не было, вследствие чего он предпочел использовать сделанные ему Витте недвусмысленные предложения для того, чтобы упрочить свое положение у Безобразова. По возвращении последнего с Дальнего Востока Вонлярлярский рассказывает ему о сделанных ему Витте предложениях, которые затем сообщаются уже самим Безобразовым государю. Сообщение это, разумеется, усиливает недоверие Николая II к Витте и, вероятно, сыграло немалую роль в деле увольнения Витте от должности министра финансов.

Подсказано было упомянутое решение совещания, с одной стороны, несомненно угодливостью министров и их нежеланием решительно высказаться против хорошо им известных намерений самого государя, так и уверенностью, что, в сущности, никакая серьезная опасность на азиатском Востоке нам не угрожает.

Разделяет этот взгляд, несомненно, и Витте, и если он тем не менее противодействует планам Безобразова, то преимущественно в той их части, которая касается увеличения численности наших войск на Дальнем Востоке, так

как это сопряжено с новыми значительными расходами казны. Насколько Витте считал, что Япония бессильна вступить с нами в борьбу, видно из того, что он упорно отказывал в кредите, необходимом для сооружения в Порт-Артуре сухого дока, что впоследствии задержало на продолжительное время ремонт наших броненосцев, подорванных японцами в первый день войны. Серьезный ущерб нашей боеспособности на море нанес Витте также и упорным отказом ассигновать средства, необходимые для практического плавания нашей эскадры, сосредоточенной в Порт-Артуре, вследствие чего наш дальневосточный флот вступил в войну без достаточной практической подготовки. Военные суда нашей дальневосточной эскадры вообще составляли не сплоченную в одну боевую единицу эскадру, а отдельные суда, обладающие разной быстротою хода и разной артиллерией, и вообще разнотипные. Отсутствие достаточной совместной подготовки, кроме того, не дало ей никакой практики сосредоточенных боевых действий. Возвращаясь к предприятию на Ялу, надо отметить, что Витте в известной мере, как мы видели, поддерживает и даже стремится распространить его в пределах Маньчжурии.

Таким образом, если признавать, что непосредственной причиной войны с Японией явилась эксплуатация нами лесов поблизости от устьев Ялу, то виновны в этом все министры, участвовавшие в совещании 26 марта 1903 г., а больше других тот же Витте, а отнюдь не Плеве, как это Витте впоследствии повсюду утверждал.

Разногласие во взглядах между министрами произошло месяца полтора спустя, а именно после возвращения Безобразова из Маньчжурии. Приехал он оттуда, как я уже сказал, с планом образования наместничества на Дальнем Востоке. Мысль эта не встретила, разумеется, сочувствия ни у Витте, ни у Ламздорфа. Первый лишился таким образом возможного полноправного распоряжения всем, что им было создано в Маньчжурии, второй отстранялся от непосредственного руководства нашей дальневосточной международной политикой. Иначе смотрел на это Плеве. Его интересы как министра внутренних дел образование наместничества не нарушало, наоборот, ослабляло значение Витте, что входило в его планы. Таковы, вероятно, были его личные соображения, но побуждали его к тому же и соображения государственные. Путем образования наместничества он надеялся ослабить закулисное влияние Безобразова и сосредоточить в Qjuxx руках, или, вернее, в одном органе, всю нашу дальневосточную политику. Действительно, в его представлении образование наместничества было неразрывно связано с учреждением Особого комитета по делам Дальнего Востока, в состав которого вошли бы как министры — Куропаткин, Ламздорф, Витте и он сам, так и Безобразов. Достигались при этом, по мнению Плеве, две цели. С одной стороны, дальневосточная политика не только не миновала бы министра иностранных дел, а, наоборот, обязательно осуществлялась при его ближайшем участии, что в последнее время происходило не всегда, с другой — Безобразов вводился таким путем официально в круг лиц, причастных к делам

Дальнего Востока и тем самым делался ответственным за принимаемые по этим делам решения*.

Словом, Плеве надеялся обеспечить нашу дальневосточную политику от закулисных влияний отдельных безответственных лиц. Введенные в состав государственного учреждения, действующего под председательством самого монарха, они лишались возможности тайно нашептывать государю что-либо, касающееся вопросов, подведомственных этому учреждению, выводились, так сказать, на свет Божий и не могли ввиду этого, не стесняясь средствами, представлять свои предположения в исключительно благоприятном для них освещении.

О самом Безобразове Плеве выражался при этом весьма резко, а Абазу почитал за крайне ограниченного человека. Надо сказать, что сила этих людей у государя состояла в том, что оба они были чистые люди, искренно убежденные в пользе для государства своих фантастических планов, а государь в этом отношении, несомненно, обладал исключительной чуткостью.

* Я отчетливо помню, при каких условиях мне это было сказано Плеве. Придя однажды к министру по делу, я встретился у него в приемной с неизвестным мне господином высокого роста и, как мне показалось, несимпатичной наружности, которого Плеве лично провожал. Так как подобную любезность Плеве выказывал лишь в редких случаях, я поинтересовался узнать, кто его посетитель. Получив ответ: «Как, вы его не знаете? Это Мещерский», у меня вырвалось: «Я с подобными господами не знаюсь». Отсюда завязался разговор о закулисных влияниях и об отдельных лицах, втершихся в доверие государя, и я позволил себе сказать, что влияния эти проявляются и получают силу потому, что сами министры считают нужным с ними считаться, что если бы гг. министры не обращали на таких господ никакого внимания и решительно отказывались от ведения с ними каких-либо политических бесед, то и влияние их, силою вещей, свелось бы к нулю. Плеве решительно с этим не соглашался и объяснил, что его способ другой, а именно в превращении безответственных советников в лиц официально причастных к делам государственного управления. «Вот, например, Безобразов, — сказал Плеве, — я уверен, что с назначением членом Особого комитета на Дальнем Востоке не только сам он будет относиться к делу иначе, но и значение его слов у государя не будет больше, чем у другого члена комитета».

Официально вопрос о наместничестве был разрешен на совещании, состоявшемся у государя 7 мая 1903 г. вскоре после возвращения Безобразова из Порт-Артура. Участвовали в нем Витте, Ламздорф, Плеве, заменявший Куропаткина, уехавшего к тому времени в Японию, начальник Главного штаба В.В. Сахаров, Безобразов, Абаза и вызванный из Китая для заведования всем лесным предприятием на Ялу генерал Вогак.

Совещание началось с докладов Безобразова и Вогака о нашем положении на Дальнем Востоке. Оба они указывали на нашу чрезвычайную там слабость и настаивали на увеличении количества расположенных там войск. Говорили они также, что Япония деятельно готовится к войне, причем Безобразов доказывал, что для Японии вопрос вовсе не ограничивается Кореей, что для нее присутствие в Маньчжурии столь же недопустимо, как и занятие части Кореи, а потому отход наш за реку Ялу лишь ослабит наше положение, но не предотвратит столкновения с Японией. Избежать этого столкновения можно-де не уступчивостью, а лишь усилением нашей боеспособности.

С своей стороны, генерал Сахаров сказал, что война с Японией для нас крайне нежелательна и что если ее можно избежать путем отказа от корейской концессии — это необходимо сделать тем более, что занятие нами Северной Кореи не облегчит нам борьбы с Японией. Мнение это поддержал и Витте, заявив, однако, что для определения степени нашей мощи на Дальнем Востоке и необходимости увеличения количества имеющихся там войск надо дожидаться возвращения Куропаткина. Что касается Ламздорфа, почти лишенного дара речи в каком-либо собрании, то он просил разрешения представить свое мнение впоследствии на письме. Содержание его мне неизвестно.

Наконец, Плеве заявил, что доклады Безобразова, а в особенности Вогака рисуют наше положение на Дальнем Востоке в совершенно новом свете. Положение это, очевидно, таково, что обязывает относиться ко всему происходящему там с сугубою осторожностью. Поэтому ему представляется существенно важным сосредоточить разрешение всех вопросов, касающихся этого отдаленнейшего края, в одних руках и в одном вполне компетентном органе в центре.

Оставив вопрос об усилении нашей военной мощи на Дальнем Востоке открытым до возвращения Куропаткина, государь принял по выслушании всех мнений три решения, а именно:

1. Выяснить те гарантии, которые мы должны потребовать от Китая ранее эвакуации нами, согласно с заключенным 26 марта 1902 г. с этим государством соглашением, всех наших войск из Маньчжурии.
2. Для сосредоточения всех вопросов, касающихся Дальнего Востока, учредить там особое наместничество.
3. Образовать под личным председательством государя Особый комитет по делам Дальнего Востока из министров военного, финансов, иностранных и внутренних дел и статс-секретаря Безобразова, возложив управление делами этого комитета на адмирала Абазу. К обязанности комитета относится разрешение всех главных вопросов, касающихся Дальнего Востока.

Принятые на совещании 7 мая 1903 г. решения, подсказанные Безобразовым, были поддержаны Плеве с лучшими намерениями, но имели они самые нежелательные во всех отношениях последствия.

Начать с того, что положение о наместничестве было выработано лишь к концу июня, а потому опубликование его последовало уже после того, как Япония 15 июля 1903 г. обратилась к России с официальной нотой, в которой предлагала приступить к переговорам по тем вопросам, «по которым интересы обеих держав могут войти в столкновение».

В учреждении наместничества Япония усмотрела недвусмысленный ответ на свое предложение, и это тем более, что другого ответа она до тех пор не получила. Действительно, образование наместничества из Квантунской области и Приамурского края, отрезанного от нее всей Маньчжурией, как бы включало эту последнюю в пределы Русского государства. Именно так поняла эту меру Япония, хотя на деле она была вызвана иными соображениями.

Но наиболее роковым последствием учреждения наместничества и Комитета по делам Дальнего Востока явилось то, что вся наша дальневосточная политика всецело выскользнула из ведения правительства и очутилась в руках Алексея, Безобразова и Абазы. Действительно, переговоры с Японией перешли к наместнику, а докладчиком по ним оказался в качестве управляющего делами Комитета по делам Дальнего Востока Абаза, инструктируемый Безобразовым, который, впрочем, иногда лично докладывал дела по комитету государю. Что же касается самого комитета, то он за все восемнадцать месяцев своего существования ни разу не был собран. Словом, Безобразов перехитрил Плеве и, образовав при содействии последнего наместничество и Дальневосточный комитет, использовал эти учреждения для устранения от дел по Дальнему Востоку всех министров, в том числе и самого Плеве, и сосредоточения их всецело в своих руках.

С своей стороны, Плеве был весьма встревожен теми сведениями о нашем положении в Маньчжурии и Порт-Артуре, которые сообщил Вогак на совещании у государя. С нетерпением ожидал он возвращения с Дальнего Востока Куропаткина, рассчитывая от него получить вполне точные, а может быть, и более утешительные данные по этому вопросу.

В последнем он ошибался. Куропаткин вернулся в Петербург сияющий и не стесняясь повсюду заявлял, что о нападении на нас Японии и речи быть не может. Повлиял на него в этом отношении, вероятно, и тот весьма почетный прием, который ему был оказан в Японии. При этом Куропаткин исходил, однако, не из ложного представления о военной слабости Японии. Наоборот, он с восхищением отзывался о японских войсках, об их выправке, снаряжении, а особенно о тех успехах, которых они достигли за последние годы. Словом, он в полной мере оценивал военные качества японской нации и армии и лишь утверждал, что

последняя в численном отношении не может равняться с русской армией и противостоять ей поэтому не в состоянии*.

Свой оптимизм Куропаткин закрепил и на бумаге.

Во всеподданнейшем докладе о своей поездке на Дальний Восток от 15 октября 1903 г. он утверждал, что Порт-Артур приведен в такое состояние обороны, при котором он совершенно неприступен ни с моря, ни с суши, даже для армии в десять раз сильнейшей, нежели имеющийся в нем гарнизон, что крепость эта снабжена продовольственными и боевыми припасами на годовой срок, что наша дальневосточная эскадра вскоре будет иметь возможность вся сосредоточиться на порт-артурском рейде и что эскадра эта уже ныне может успешно помериться со всем японским боевым флотом.

Авторитетное и столь категорическое заявление военного министра рассеяло все опасения Плеве, и он перестал даже стремиться принимать личное близкое участие в нашей политике на Дальнем Востоке, что, вероятно, зависело и от того, что едва ли не основная цель, которую он при этом до тех пор преследовал, а именно свалить Витте, с августа 1903 г. уже была им достигнута.

Еще до возвращения Куропаткина в Петербург Безобразов, пожалованный в статс-секретари, получает новую командировку в Порт-Артур, дабы там совместно с Алексеевым выяснить и определить как главные основания, на которых должно быть учреждено наместничество, так и численность войск, которыми мы должны располагать на Дальнем Востоке.

* Надо сказать, что между нашими военными агентами в Японии — сухопутным и морским — было по этому вопросу существенное разногласие. Полковник Самойлов, заменивший Ванновского, высчитывал численный состав японской армии максимально в 350 тысяч, а капитан 1-го ранга Русин утверждал, что Япония может выставить значительно более многочисленную армию, благодаря особой принятой ею системе так называемых скрытых военных кадров (раздвоение существующих полков и иных боевых единиц). Последний, как известно, оказался прав: Япония выставила армию в 800 тысяч человек.

Северную Маньчжурию к тому времени уже решено было не эвакуировать от наших войск.

На совещании по этим вопросам в Порт-Артуре участвует и Куропаткин, нарочно задержанный в Японии до приезда в Порт-Артур Безобразова*.

Совещания эти ни к чему определенному не приводят, и дело вновь переносится в Петербург, но зато на них происходит резкое столкновение между Куропаткиным и Безобразовым, выставляющим себя глашатаем царских мыслей и пожеланий.

Разыгрывается оно на том же вопросе о разработке концессионных лесов на реке Ялу. Куропаткин определенно высказывается за ее полное прекращение. Безобразов отстаивает, разумеется, противоположное мнение. Алексеев не высказывается вовсе по этому вопросу, но тотчас после совещания присоединяет свою подпись к телеграмме, посылаемой Куропаткиным в Петербург, в которой последний настойчиво советует отказаться от какой-либо дальнейшей деятельности в Корее. Таким образом, Алексеев, не решаясь высказаться в этом смысле в присутствии Безобразова, все же на деле примыкает к мнению Куропаткина и других министров о необходимости прекратить наши корейские замыслы для избежания войны с Японией, из чего явствует, что сам он войны этой не желает. Честолюбивый царедворец Алексеев, не решающийся открыто и явно выступить против Безобразова и его затей, одновременно, очевидно, переоценивает влияние на государя Безобразова, которому к тому же он считает, что обязан возведением в высокий сан царского наместника.

Вернувшись в столицу, Куропаткин тщетно продолжает с жаром отстаивать то положение, что нам необходимо обратить особое внимание на Запад и остановить наше распространение на Дальнем Востоке, а главное — направить все имеющиеся средства на оборону западной границы, перестать их тратить в отдаленнейшей и пока что чужой окраине и отказаться от эксплуатации корейской концессии.

Увы, советам Куропаткина не внимают. Императрица при разговоре на эту тему с Куропаткиным, который отметил это в своем дневнике, говорит, что защита с Запада — вопрос будущего, а главным вопросом дня является укрепление наше на Дальнем Востоке. Безобразов, наоборот, забирает все большее влияние. Он вторгается уже во всю нашу иностранную политику, доказывает, что предположенное сооружение стратегической Принаревской железной дороги бесцельно и что назначенные на это средства могут быть направлены на Дальний Восток. Мало того, он добивается отмены уже решенных больших маневров под Варшавой и перевода в Забайкалье, за счет получающейся от этого экономии, двух пехотных бригад из Европейской России. Словом, официальное привлечение Безобразова к политической деятельности не мешает ему проводить свои взгляды, вовсе не считаясь с мнением правительственного синклита.

* Инцидент этого задержания Куропаткина в Японии не лишен некоторого комизма. Дело в том, что официальный визит Куропаткина закончился и связанная с ним программа была исчерпана. Пришлось выдумать предлог. Остановились на том, что Куропаткин останется на некоторое время в Японии для занятия рыбной ловлей, которой он действительно был большой любитель. Однако японское правительство плохо поверило этому предлогу и смотрело на дальнейшее пребывание Куропаткина с большой подозрительностью.

Однако, повторяю, все же худшим последствием учреждения наместничества является передача дипломатических сношений с Японией и Китаем адмиралу Алексееву.

Начать с того, что изменение принятого порядка международных сношений задело самолюбие Японии и с места лишило переговоры с ней того дружеского характера, которым они до тех пор отличались, хотя надо признать, что и ранее того наше отношение к Японии по временам страдало отсутствием дипломатической корректности, причем проявляли мы иногда недопустимое высокомерие.

Яркой иллюстрацией подобного образа действий может служить следующий случай. Командующему нашей эскадрой на Дальнем Востоке адмиралу Скрыдлову не понравилось, что при посещении судами этой эскадры корейского порта Мозампо туда же появлялись японские военные суда, и он, ничтоже сумняся, телеграфировал управляющему морским министерством адмиралу Тыртову о необходимости прекращения появления японских морских военных сил в этом порте во время нахождения там русских судов.

Это столь же необоснованное, так как порт Мозампо был открыт для судов всех государств, сколь нелепое требование было поддержано Ламз-Дорфом, который и предписал нашему посланнику в Японии предъявить соответствующее требование японскому правительству. Извольский, зная вперед, что требование это не будет исполнено, отказался от его предъявления, на что получил вторичное предписание с указанием, что оно ему передается по Высочайшему повелению. Вынужденный, таким образом, предпринять этот бесцельный по существу, но вредный для сохранения дружественных отношений с Японией шаг, Извольский его поневоле сделал, причем, конечно, ничего не достиг. Японцы, не без основания, знали самое предъявление подобного требования для себя оскорбительным.

В особенности же почувствовала себя Япония оскорбленной, когда на вопрос, обращенный ее послом в Петербурге, Мотоно, к министру иностранных дел Ламздорфу относительно некоторых условий, предъявленных Японии наместником, он получил в ответ, что он, Ламздорф, ничего по этому поводу сказать не может, так как весь вопрос соглашения с Японией передан всецело адмиралу Алексееву.

Смысл существования японского посланника при русском правительстве, таким образом, исчезал совершенно, что и не преминул заметить Мотоно. Все эти инциденты, разумеется, обостряли наши отношения с Японией, невзирая на все старания вновь назначенного в Японию на пост посланника барона Розена.

Обострение это произошло, между прочим, и вследствие того, что наши ответы на предложения Японии давались лишь по прошествии весьма длительного срока. Дело в том, что дипломатические сношения с Японией были лишь формально

переданы наместнику, фактически они происходили не иначе как при ближайшем участии Петербурга, но не в лице министра иностранных дел, а в лице управляющего делами дальневосточного комитета, произведенного к тому времени в адмиралы А.М. Абазы. Порядок этот обуславливал крайнюю медленность с нашей стороны в сношениях с Японией. Между тем японцы усматривали в этой медленности желание России оттянуть окончательное выявление своих намерений с целью увеличить тем временем свою боеспособность на Дальнем Востоке и отсюда приходили к заключению, что Россия решила разругать спорные вопросы силою оружия.

В этом убеждении Япония тем более укреплялась, что некоторые меры в направлении увеличения наших боевых сил на Дальнем Востоке действительно принимались. Так, решено было сформировать еще четыре стрелковых батальона для усиления ими гарнизона Владивостока, а в ноябре 1903 г. Алексеев, придравшись к какому-то инциденту, вновь занял нашими войсками Мукден, т.е. часть Южной Маньчжурии. Меры эти, конечно, становились известны японцам, и поэтому, хотя в дальнейших переговорах мы и стали проявлять большую уступчивость, не соглашаясь, однако, всецело на японские условия, японцы продолжали усматривать в этой уступчивости определенное желание оттянуть время для вящей подготовки к войне.

Несколько загадочным является положение, занятое в эту пору Алексеевым. Доподлинно зная к половине 1903 г., что Япония лихорадочно готовится к войне, он, однако, никаких решительных мер к ее предотвращению не принимает.

Действительно, недостатка в сведениях по этому вопросу у нас нет. Так, в половине августа 1903 г. наш военный агент в Японии полковник Самойлов доносил, что можно ожидать открытия военных действий Японией в ближайшие дни. Более осторожный в своих донесениях капитан Русин с своей стороны вполне подтверждает, что Япония безусловно готовится к войне. В том же августе он сообщает, что из объезда японских портов он убедился, что транспортов для отправки войск на Азиатский материк Япония пока еще не заготавливает, так как не накапливает в своих портах необходимого для сего количества коммерческих судов. В другом донесении Русин сообщает, что по имеющимся у него сведениям Япония намерена открыть военные действия в последние числа января (1904 г.) внезапным нападением на наш флот, что впоследствии, как известно, и оправдалось.

По получении этих сведений в Петербурге, Алексееву было предписано проявить большую предупредительность и даже уступчивость по отношению к Японии.

В особенности встревожилось наше правительство и сам государь, когда Алексеев в половине сентября (1903 г.) телеграфировал непосредственно на высочайшее имя, что по его сведениям японцы собираются высадить десант в Чемульпо или в

устьях Ялу и что он намерен в таком случае «оказать противодействие открытой силой на море высадке дальнейших эшелонов», иначе говоря, напасть на японский флот.

На телеграмму эту государь тотчас ответил Алексееву, что он не желает войны с Японией и войны этой не допустит. «Примите все меры, чтобы войны этой не было» — так заканчивалась телеграмма царя.

Как разобраться в этих противоречиях? Как примирить воинственные замыслы Алексеева, столь ясно выраженные в его телеграмме Николаю II, и стремление устранить повод к войне отказом от корейской концессии? Лица, близко стоявшие к Алексееву, хорошо его знавшие и притом вовсе его не идеализировавшие, доказывали мне, что Алексеев — честолюбивый Царедворец — первоначально избегал противоречить Безобразову, через которого надеялся достигнуть высокого звания царского наместника, но, коль скоро он этой цели достиг, его единственным желанием являлось сохранение своего положения, подвергать которое случайностям войны вовсе не входило в его намерения. Алексеев, говорили эти лица, вполне сознавал, что война с Японией дело нешуточное; близость к Японии и множество получаемых оттуда сведений и донесений давали Алексееву полную картину японской боеспособности. Но Алексеев, как и многие другие, был уверен, что и Япония опасается боевого столкновения с нами и °идет лишь до тех пределов, которые не приведут ее неминуемо к войне.

На телеграмму, посланную им государю, Алексеев, по-видимому, смотрел как на способ запугать Японию и поэтому телеграммы свои, косвенными путями, доводил до сведения Японии.

Действительно, если мы не хотели войны с Японией, то первоначально и в течение довольно длительного срока не желала ее и Япония, вполне постигавшая, что мощь России в общем и целом — огромная. Знал это, разумеется, и Алексеев и воспринял образ действия, рекомендованный Безобразовым, а именно запугивание. Полагал он, по словам моих собеседников, что если Япония будет убеждена, что при первой высадке ее войск на Азиатский материк Россия на нее немедленно нападет, то она от мысли о высадке откажется.

Приблизительно к половине декабря положение наших переговоров с Японией было следующее: Япония желала, чтобы мы ей уступили всю Корею и, кроме того, установили пятидесятиверстную нейтральную полосу по обе стороны маньчжурско-корейской границы. Мы же, по настоянию Безобразова, поддерживаемого в этом отношении Алексеевым, соглашались уступить Японии Корею лишь до 39-й параллели, т.е. с сохранением за нами устьев Ялу и, следовательно, всей территории концессии.

Совершенно иначе смотрели на это члены правительства. Куропаткин в записке, представленной государю в октябре 1903 г., настаивал на том, чтобы мы ограничились занятием Северной Маньчжурии, причем допускал даже возвращение Китая, взамен этой области, всего Ляодунского полуострова вместе с Порт-Артуром, при условии уплаты нам Китаем определенной суммы за возведенные там сооружения. Копию своей записки он сообщил Плеве (а может быть, и другим министрам), который к ней всецело присоединился. Того же мнения было и Министерство иностранных дел. С своей стороны, барон Розен признавал наиболее целесообразным принятие японских условий, а именно уступку всей Кореи Японии, при условии занятия нами всей Маньчжурии.

По этому вопросу 15 декабря 1903 г. у государя было вновь совещание, на котором участвовал великий князь Алексей Александрович, министры Ламздорф и Куропаткин и управляющий делами Комитета по Дальнему Востоку Абаза. Совещание это единогласно признало, что переговоры с Японией необходимо продолжать. Государь при этом вновь сказал: «Война безусловно невозможна» — и прибавил: «Время — лучший союзник России. Каждый год ее усиливает». Тем не менее полного согласия на японские условия мы не выражали, а продолжали уступать по мелочам, весьма растягивая переговоры.

Так продолжалось до самого отзыва японцами 25 января 1904 г. своей миссии из Петербурга. Мы продолжали принимать некоторые меры к усилению нашей военной мощи на Дальнем Востоке, впрочем, преимущественно на бумаге, продолжая одновременно уступать японцам по разным мелким вопросам, продолжали не желать войны и тем не менее отстаивать часть Северной Кореи, а также противиться укреплению японцами Корейского пролива на корейском берегу. Решено было не признавать за *casus belli*, если японцы высадут свои войска в Южной Корее, но не допускать их высадки в Северной. Продолжали мы в особенности быть уверенными в огромном превосходстве нашего флота над японским и потому не допускали и мысли, что японцы сами на нас нападут на море.

Однако когда 25 января Япония заявила о прекращении дипломатических сношений с нами, государь вновь собрал у себя совещание заинтересованных министров, которое пришло к единогласному решению о выражении согласия на все японские условия, о чем соответствующая телеграмма и была послана барону Розену. Но было уже поздно. К этому времени раздражение Японии по отношению к нам было уже настолько велико, а воинственное настроение японцев достигло таких пределов, что японское правительство, быть может полагавшее, что выраженное нами согласие лишь уловка для оттяжки времени с целью увеличения тем временем наших боевых сил на Дальнем Востоке и что при подписании самого соглашения мы найдем какие-либо новые причины для отказа от согласия на ее условия, задержало телеграмму, посланную Розену, а тем временем произвело внезапное нападение миноносцами на наш флот в порт-артурском рейде.

Это запоздалое согласие наше на японские условия бесспорно доказывает, что войны с Японией мы отнюдь не желали.

Уверенность, что войны с Японией не будет, к январю месяцу, по-видимому, укрепились вполне и у Алексеева. По крайней мере, намерение напасть самому на японский флот в случае высадки им войск в Южной Корее он уже окончательно оставил, убедившись к тому времени в полной мере, что государь войны, безусловно, не желает. Мысль же, что Япония сама нам объявит войну, ему была, по-видимому, совсем чужда. Действительно, приблизительно до конца декабря наш флот был начеку и принимал меры предосторожности на случай внезапного нападения японского флота. О возможности такого нападения еще в сентябре предупреждал Алексеева наш морской агент в Японии, капитан 1-го ранга Русин. Но с начала января меры эти были понемногу отменены. Результат общеизвестен: наши лучшие суда — броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада» — были подорваны и надолго выведены из строя, а стоявшие у Чемульпо крейсера «Варяг» и «Кореец» хотя со славой, но все *е погибли в неравном бою. В сущности, в этот день был предрешен весь ход войны. До него наш флот мог с успехом бороться с японским флотом, после это было почти невозможно.

Надо, впрочем, признать, что Россию в Японской войне, как вообще за последние годы существования старого строя, преследовал какой-то злой рок. Так, совершенно случайно погиб на «Петропавловске» наш единственный выдающийся флотоводец — адмирал Макаров, так, в первом морском бою с эскадрой адмирала Того мы, признав себя разбитыми, повернули наши суда обратно в порт-артурский рейд как раз в тот момент, когда командир вражеской эскадры дал с своей стороны сигнал, к отступлению, сигнал тотчас же отмененный при виде отхода нашей эскадры. Решительно то же самое произошло в сражении при Лаояне. Наконец, в сражении при Мукдене нанесла нам громадный вред песчаная буря, дувшая в лицо нашим войскам.

Где же в конечном счете кроется причина войны с Японией и на ком лежит ответственность за ее возникновение?

Решительно все наше правительство было против нее, не желал ее, безусловно, и Николай II, и тем не менее она произошла, безусловно, по нашей вине.

Причина одна и единственная, а именно — твердое и неискоренимое убеждение правящих сфер, что силы наши и тем более наш престиж настолько велики во всем мире, а в особенности в Японии, что мы можем себе позволять любые нарушения даже жизненных интересов этой страны, без малейшего риска вызвать этим войну с нею: «Un drapeau et une sentinelle — le prestige de la Russie fera le reste» — вот что громко провозглашал министр иностранных дел, а думали едва ли не все власть имущие. Война, полагали русские правители, а вместе с ними и Николай II, всецело зависит, в отношении к сравнительно маленькой Японии, от нас и от нашего желания. В основе здесь была опять-таки переоценка наших сил и

недооценка как степени значения для Японии Кореи, так в особенности органической и, в частности, военной мощи этой страны.

Наш образ действий, лишенный даже международной корректности, в особенности для государства, предложившего на Гаагской мирной конференции всеобщее разоружение, был тем более недопустим и даже непонятен, что, в сущности, мы не придавали серьезного значения как водворению Японии в Корею, так даже нашему внедрению в Маньчжурию. Это была ребяческая игра, как ее верно окрестил Витте, совершенно не отдавая себе отчета, что основу ее заложил он сам.

Однако если никто из правительства войны не желал, то это отнюдь не значит, что входящие в его состав лица в ней невиновны, но степень их вины различная.

Распределяя эту вину между лицами, влиявшими на нашу дальневосточную политику, надо еще раз признать, что первым виновником был Витте. Именно он втравил Россию во всю дальневосточную авантюру. Не удостоверившись предварительно в том, насколько проведение нами железнодорожного пути через Маньчжурию, а в особенности учреждение в Южной Маньчжурии ряда промышленных предприятий приемлемо для Китая и даже для Японии, и не только не выяснив, в состоянии ли мы *manu militari* защищать эти предприятия, а, наоборот, систематически отказывая в средствах на усиление нашей военной мощи на Дальнем Востоке, он широкой рукой тратил там русские народные средства, ослабляя там органическую силу России и отвлекая внимание государя и правительства от укрепления нашего положения в Европе. Если бы средства, вложенные в даже нам не принадлежащую Маньчжурию и ни на что нам там не нужные Порт-Артур и порт Дальний, были употреблены в центре государства, то можно смело сказать, что мы бы иначе встретили врага в 1914 г.

Однако непосредственным виновником Японской войны, в течение некоторого времени сознательно обострявшим наши отношения с Японией, был адмирал Алексеев. Вел он эту политику исключительно из личных честолюбивых видов, не без основания решив, что его значение и предоставленная ему власть, даже титул будут тем шире и значительнее, чем больше будет осложняться наше положение в управляемой им области. Вина Алексеева тем более тяжелая, что, допуская разрешение русско-японского спора силою оружия и зная, что решающее значение при этом будет иметь флот, он не приложил никаких усилий к соответственной подготовке его боеспособности и не привлек на Дальний Восток талантливых флотоводцев, сознательно окружая себя бездарностями.

Правда, в последние месяцы перед войной он переменял свой образ Действий и, по-видимому, стремился предотвратить вооруженное столкновение с Японией, но было уже поздно. Япония затратила столь большие средства на подготовку к войне и при этом настроила свое общественное мнение столь воинственно, что война превратилась для нее в необходимость.

Между этими двумя людьми — Витте, создавшим условия, которые нас привели к войне, и Алексеевым, своим высокомерием озлобившим японцев, — располагаются остальные причастные к делам Дальнего Востока лица, в большей или меньшей степени виновные в этой войне. Среди них первое место принадлежит Безобразову и его присным.

Виноват Безобразов прежде всего в том, что с легкомыслием безответственного дилетанта, не знакомого в силу своего положения с общими нуждами и состоянием страны, усиленно толкал Россию на Дальний Восток, удовлетворяя тем свое безграничное честолюбие и неудержимое стремление играть видную политическую роль. Но особенная вина его состояла в том, что, сознавая, как он это сам неизменно утверждал, нашу незащищенность в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове, а также что одно наше присутствие там разжигает к нам злобу и Китая и Японии и усиленно ввиду этого настаивая на усилении на Дальнем Востоке нашей военной силы, он, невзирая на то что почти ничего в этом отношении не делалось (ибо и сделано быть не могло), тем не менее, с своей стороны, продолжал действовать в направлении дальнейшего раздражения Японии и тем усиливал ее враждебность к нам. Действительно, если Безобразов понимал, что наша деятельность в Маньчжурии (а следовательно, тем более в Корее) поведет к вооруженному столкновению с Японией, то он, разумеется, должен был одновременно понимать и то, что до доведения нашей военной мощи до такой степени, при которой, по его понятиям, мы могли бы дать успешный отпор японцам, мы должны были умерять эту деятельность и искать миролюбивого выхода из создавшегося положения. Между тем, пока лица из правительственного состава, не верившие в нашу слабость на Дальнем Востоке и, во всяком случае, почитавшие, что в случае боевого столкновения с Японией мы выйдем из него победителями, все же стремились к мирному улажению спорных между Россией и Японией вопросов и соответственно этому советовали быть уступчивыми, Безобразов, везде кричавший о нашей слабости в Маньчжурии и даже в Порт-Артуре, настаивал на резком отпоре всяким японским притязаниям. Его упорные советы не проявлять ни к Японии, ни к Китаю никакой уступчивости, а, наоборот, твердо вести там агрессивную политику сыграли, несомненно, фатальную роль в деле русско-японского конфликта. Следуя именно этим советам, мы усиленно бряцали оружием и потрясали кулаком, не имея, однако, никакого намерения вступить в драку и даже вполне сознавая крайнюю ее нежелательность для нас. И здесь, увы, нет сомнения, что вызван был образ действий Безобразова упорным желанием использовать изобретенную им пресловутую концессию на Ялу, так как единственно чего серьезно добивалась Япония, из числа ее притязаний, на которые мы не выражали согласия, была именно та часть Кореи, где эта концессия находилась. Если тут не были замешаны никакие личные корыстолюбивые цели, то упрямое фантазерство, а в особенности безграничное честолюбие играли зато первенствующую роль, а отнюдь не забота о русском народном благе и величии России. Если история свяжет имя Безобразова с нашим разфомом на Дальнем Востоке, т.е. с тем событием, которое

явилось первым звеном в цепи разнообразных причин, приведших к развалу Русского государства, то едва ли она ошибется*.

Нельзя признать невиновным и Куропаткина в возникновении Японской войны, но источником его вины была причина иного порядка. Куропаткин сознавал, что при имевшихся у нее средствах Россия не была в состоянии поддерживать свою боевую готовность на ее западной европейской границе и одновременно содержать многочисленную армию, действующую с завоевательными целями против Китая и Японии. Поэтому он вполне правильно стремился привлечь внимание государя к западу, с тем чтобы те, в общем недостаточные, средства, которыми располагало военное ведомство даже для защиты России от ее западных соседей, не были еще уменьшены путем их обращения на Дальний Восток. Однако поставить этот вопрос ребром он не решался. Не хватило у него гражданского мужества прямо сказать, что Россия недостаточно сильна, чтобы одновременно сохранить свое положение в Европе и вести завоевательную политику на берегах Тихого океана.

Правда, Куропаткин прилагал все усилия к тому, чтобы мы не слишком зарывались в нашей дальневосточной политике, но вместо того, чтобы прямо сказать: «Да, на Дальнем Востоке мы слабы, но сильнее там быть не можем без утраты нами нашего положения в Европе», он говорил, что силы, имеющиеся у нас в Порт-Артуре, Маньчжурии и Приамурской области, достаточны для защиты наших там интересов. Основывался Куропаткин на том положении, что до наших пределов японская армия ранее прибытия необходимых войск из России, во всяком случае, не дойдет. Между тем чем дальше японцы проникнут своим войском в пределы Маньчжурии, тем поражение их, по его мнению, будет решительнее. В результате получилось то, что мы продолжали держать себя вызывающе по отношению к Японии и Китаю без наличия той силы, которая оправдывала бы подобный образ действий. Неоднократные утверждения Куропаткина, что в случае войны с Японией мы, конечно, победим, без сомнения, влияли на государя и обуславливали принимаемые им решения.

* В статье, помещенной в номере от 25 мая 1923 г. журнала «Le Correspondent» |и| озаглавленной «Les premières causes de l'effondrement de la Russie - Le conflit Russo-Japanais», А.М. Безобразов, между прочим, утверждает, что лесное предприятие на Ялу имело не агрессивный, а оборонительный характер. Но спрашивается, что же оно обороняло, если не захват нами чужой территории, на которую простирали претензии другие державы и спор о которой не был еще улажен. Оборона таких захватов является по существу не чем иным, как нападением. Из этой же статьи видно, впрочем, что если бы советы Безобразова были исполнены целиком и в точности, то они все же не избавили бы нас от поражения японцами. Действительно, в записке, представленной IS июня 1903 г. государю, он указывал, что для того, чтобы наше положение на Дальнем Востоке было достаточно прочным, мы должны иметь в Квантунской области два корпуса численностью в 74 тысячи человек, вдоль Маньчжурской железной дороги 22

тысячи человек, в Уссурийском крае один корпус в 29 тысяч человек и, наконец, в Сибири в резерве 80 тысяч человек, всего, следовательно, армию с ее резервами в 205 тысяч человек. Однако мы впоследствии ввели в Маньчжурию 912 тысяч войска и тем не менее были Разбиты. Таким образом, ясно, что даже исчерпывающее исполнение указаний Безобразова нас бы ни от войны, ни от поражения не избавило. Между тем в указанной статье Безобразов стремился доказать, что все несчастье произошло от того, что не следовали его указаниям и советам. Увы, слишком следовали!

Конечно, Куропаткин был вполне искренен и даже прав, когда утверждал, что Япония не в силах тягаться с Россией, но имел он при этом в виду всю русскую военную мощь, хотя вполне сознавал, что направить ее целиком против Японии, тем самым обнажив нашу западную границу, мы не можем. Вообще, оптимизм Куропаткина относительно того, что войны со стороны Японии нам нечего опасаться, непонятен. Заменявший Ванновского на должности военного агента в Японии Самойлов упорно утверждал, что Япония лихорадочно готовится к войне и накапливает против нас огромную боевую силу. Между тем оптимизм этот Куропаткин проявил не только до начала военных действий, но и после их открытия. До того дня, когда он был сам назначен командующим Маньчжурской армией, он продолжал утверждать, что война с Японией не потребует значительного напряжения с нашей стороны, и отказывал в отправлении в Маньчжурию части войск, расположенных на нашей австро-германской границе. Однако, тотчас по возложении на него ведения военных действий, он резко изменил свой взгляд и потребовал отсылки на Дальний Восток почти всей нашей лучшей артиллерии, сосредоточенной именно на западной границе.

Уверенность Куропаткина в полном разгроме нами Японии с особой яркостью сказалась в представленном им государю, уже после назначения командующим Маньчжурской армией, плане японской кампании. В этом плане, указав, что первый период войны должен сводиться у нас к завлечению Японии как можно глубже в пределы Маньчжурии, избегая сколько-нибудь решительных действий впредь до сосредоточения нами на Дальнем Востоке вполне достаточных сил, он далее говорил, что второй период несомненно должен свестись к одному или двум решительным поражениям японских войск, вслед за которыми мы должны произвести десант в самой Японии и окончить войну пленением Микадо.

Таким образом, главная вина Куропаткина состоит в том, что он не только не представлял государю в истинном свете степень нашей военной мощи, а, наоборот, поддерживал уверенность Николая II в нашем общем беспредельном могуществе, но говорил он это вполне искренно.

Между тем об этом могуществе у государя было вообще преувеличенное представление. Происходило это, быть может, также вследствие его путешествия через всю империю из Владивостока до Петербурга, когда он в течение многих недель, так как путешествие по Сибири было совершено на лошадях, ехал по

безграничным пространствам Российского государства. Огромность территории страны, а также общей численности ее населения настолько поражали воображение, что за ними скрывалась и малая наша культурность, и хозяйственная бедность, и техническая отсталость, и недостаточная отточенность нашего оружия*.

Наконец, наименее виновны в Русско-японской войне те лица, на которых общественное мнение вину эту почти целиком возлагало, а именно наше дипломатическое представительство в Японии и Плеве.

На наших посланников в Японии обвинения по поводу этой войны сыпались градом, между тем именно они первые указали на необходимость мирного улажения тех вопросов, по которым наша дальневосточная политика резко противоречила жизненным интересам Японии. Значительно был виноват министр иностранных дел, однако лишь в том отношении, что не сумел настоять на том, чтобы было вполне выяснено, что именно мы считаем для нас существенно важным на Дальнем Востоке. Действительно, еще накануне войны мы не определили с исчерпывающей полнотой и ясностью, что именно мы преследуем на Дальнем Востоке и в чем состоят наши дальнейшие намерения по отношению к Маньчжурии и Корее. От этого и произошло то, что в Петербурге одни лица центрального правительства стояли за занятие нами всей Маньчжурии, а также части Северной Кореи, а другие — за ограничение наших пожеланий одной лишь Северной Маньчжурией, причем некоторые из них, в том числе Куропаткин, соглашались даже вернуть Китаю Порт-Артур и всю Квантунскую область, тогда как наш посланник в Японии стоял за предоставление Японии всей Кореи с тем, чтобы нам была предоставлена вся Маньчжурия, наконец, наш посланник в Китае Лессар стоял за очищение нами всей Маньчжурии, в том числе и Северной. Эта неопределенность даже тех основных целей, которые мы преследовали, также пагубно отразилась на ходе наших переговоров с Японией. Дотошные во всем, что они предпринимают, японцы не могли себе представить, чтобы мы не преследовали вполне определенных, заранее намеченных целей во всех наших дальневосточных начинаниях, и поэтому те колебания, которые мы проявляли при переговорах с ними, естественно считали за уловки, продиктованные желанием закончить наши военные приготовления ранее, чем раскрыть наши карты, для них очевидно неприемлемые. Естественно, что японцы предпочли при таких условиях не откладывать войны, а начать ее самим и тотчас.

* Ярким образчиком уверенности государя в легкости победы над Японией могут служить слова, сказанные императрицей Александрой Феодоровной моей покойной матери, представлявшейся государыне в самом начале Японской войны. В то время было спешно приступлено к сооружению Кругобайкальской железной дороги взамен паромной переправы поездов через озеро Байкал. Для личного наблюдения за производством работ по сооружению этой дороги отправился на место министр путей сообщения кн. Хилков. Матушка моя в разговоре с государыней выразила надежду, что кн. Хилкову, благодаря его энергии, удастся

исполнить эту важную задачу в короткий срок, на что императрица ответила: «Mais il n'aura pas le temps d'y arriver, que la guerre sera terminée».

Наконец, вина Плеве состоит в том, что он совершенно против своего желания сыграл в руку Безобразова, поддержав его в вопросе об учреждении наместничества и Комитета по делам Дальнего Востока. В его представлении мера эта должна была привести к уменьшению влияния Безобразова и к передаче всех вопросов, связанных с предприятиями на Ялу, на совместное обсуждение представителей всех заинтересованных ведомств. На деле получилось обратное, чего предвидеть Плеве не мог. Но отсюда до приписывания Плеве желания втянуть Россию в войну с Японией весьма далеко. Наоборот, войны этой он, как и все прочие министры и, конечно, и сам государь, определенно не желал. Влиять на принимаемые до возникновения войны меры Плеве к тому же и фактически не мог. На два последних совещания, бывших у государя по этому вопросу, а именно 15 декабря 1903 г. и 25 января 1904 г., в которых участвовали великий князь Алексей Александрович, Куропаткин и Ламздорф, Плеве даже не был приглашен.

Да, из состава центрального правительства войны никто решительно не хотел, но кругом и вокруг государственной власти фантазеры, авантюристы и честолюбцы играли с огнем и доигрались до пожара.

Глава 2 Попытки власти достигнуть примирения с общественностью.

Личность и политика министра внутренних дел кн. Святополк- Мирского (26 августа 1904 г. — 18 января 1905 г.) • Обстоятельства, предшествовавшие назначению Мирского • Его характеристика • Вступление Мирского в управление Министерством внутренних дел; увольнение сотрудников Плеве; речь при приеме чинов министерства; интервью с газетными корреспондентами; либеральные меры • Отношение общественности к заявлениям нового министра • Передача заведования полицейскими делами товарищу министра • Всеподданнейший доклад о мерах к успокоению общественности • Обсуждение этого доклада у государя. Частный земский съезд 6 ноября 1904 г.; его происхождение и принятые им резолюции • Отказ государя принять лидеров этого съезда • В чем заключалась ошибка политики Мирского. Два пути, открывавшиеся перед русской государственностью; выбор Мирским третьего пути • Витте — руководитель внутренней политики • Опубликование журналов Комитета министров по указу 12 декабря 1904 г. • Усиление общественного брожения

Открывшаяся с убийством Плеве вакансия министра внутренних дел вновь возбудила честолюбие тех, которые считали, что имеют право или шансы занять эту должность. Встрепенулись одновременно и те два лагеря, на которые делилась тогда высшая бюрократия и придворные круги, и пустили в ход все имевшиеся у них средства и влияние для убеждения государя, одни, что необходимо стойко продолжать политический курс, проводившийся покойным министром, другие,

что немислимо следовать дальше по пути, поднявшему едва ли не всю мыслящую Россию на дыбы. Первые указывали при этом, что изменение курса государственного корабля как следствие удачного террористического акта, недопустимо, так как является прямым поощрением революционной деятельности, а другие утверждали, что дальнейшее раздражение общественности, и в особенности во время войны, принимавшей все более неблагоприятный оборот и требующей все большего напряжения национальных сил, — опасно для существующего государственного строя и губительно для благополучного исхода войны.

Среди личных кандидатур самой возможной считалась кандидатура министра юстиции Муравьева, выставившаяся и ранее и поддерживаемая великим князем Сергеем Александровичем, причем сам Муравьев почитал свое назначение обеспеченным. Выразилось это, между прочим, в том, что при прибытии государя на одну из панихид по покойном министре Муравьев демонстративно стал во главе собравшихся в одной из зал министерского дома высших чинов Министерства внутренних дел, а во время выноса тела Плеве открыто взял на себя роль руководителя, причем признал целесообразным для обеспечения своей кандидатуры подчеркнуть, что он будет продолжать политику насильственно устраненного министра.

Однако тем временем работали в свою пользу и другие лица из того же консервативного лагеря, стремясь достигнуть назначения иными, окружными путями; к ним принадлежал директор департамента общих дел Министерства внутренних дел Б.В. Штюрмер, сумевший втереться в доверие гр. С.Д. Шереметева, человека, очень близкого ко двору. Мечтал, несомненно, о своем назначении и временно управлявший министерством П.Н. Дурново, но он лишен был возможности деятельно продвигать свою кандидатуру, так как главная его опора того времени — Витте не пользовался благоволением свыше и к тому же находился вне Петербурга, на Кавказе.

Первоначально взяло верх течение консервативное: состоялся Высочайший указ о назначении Штюрмера, но торжество его было мимолетное; указ этот ранее его опубликования был истребован обратно из собственной Его Величества канцелярии, через которую все подобные указы проходили.

Перемена произошла под влиянием императрицы Марии Феодоровны, никогда не сочувствовавшей жесткой политике Плеве и вообще неизменно высказывавшейся за благожелательное отношение как к общественным элементам вообще, так, в частности, к населяющим окраины государства нерусским народностям. Особым благоволением государыни пользовались при этом поляки, имевшие в лице своей высшей знати доступ к императрице и неизменно стремившиеся использовать его в своих национальных целях. Преимущественно на этой почве возникла кандидатура на пост министра внутренних дел кн. Святополк-Мирского, бывшего

в то время виленским генерал-губернатором и привлекшего симпатии польского населения края.

По городским слухам, государыня для проведения своего кандидата прибегла к содействию Е.Г. Милашевич, по первому мужу Шереметевой, дочери великой княгини Марии Николаевны от ее морганатического брака с гр. Г.Г. Строгановым. Господу Милашевич государь знал с детства, был с нею дружен и, ценя ее ум, охотно вел с нею беседы на политические темы. Вот эту госпожу Милашевич императрица позвала к себе завтракать, пригласив одновременно и государя. В городе потом рассказывали, что Е.Г. Милашевич при этом свидании с государем нарисовала ему настроение, вызванное даже в умеренных, преданных существующему строю кругах политикой постоянных репрессий всякого гласного проявления общественных мыслей и чаяний. Одновременно были выставлены результаты иной, мягкой политики кн. Святополк-Мирского по отношению к полякам управляемого им края.

По этой или по каким-либо другим причинам, но государь решил повременить с назначением нового руководителя внутренней политики и переговорить предварительно с кн. Святополк-Мирским. Последний был в отпуску, жил у себя в деревне Харьковской губернии и вовсе не стремился стать преемником Плеве. Вызванный через харьковского губернатора Э.А. Ватаци, лично отправившегося в имение князя, чтобы передать ему царский вызов, кн. Святополк-Мирский, разумеется, немедленно явился в Петербург и был принят государем в Петергофе в Александрийском фермерском дворце, где в то время жила вся царская семья. Во время этого приема кн. Мирский сначала упорно отказывался от предложенного ему государем назначения, ссылаясь на свое слабое здоровье, причем откровенно высказал, что политику Плеве он совершенно не разделяет и что для успешной борьбы с революционным движением необходимо делать строгое различие между подпольными революционными силами и теми общественными элементами, которые восстают не против всего социального и политического уклада страны, а лишь против произвола правительственной власти.

Государь неизменно усматривал в отказе от принятия видных государственных должностей свидетельство благородства и отсутствие карьеризма у отказывавшихся, да иначе и быть не могло, если принять во внимание ту погоню за этими должностями, которой государь был постоянным свидетелем. Вследствие этого отказ от занятия предлагаемого поста лишь усиливал у государя желание видеть на нем именно данное лицо. С присущим ему личным обаянием, основанным главным образом на чарующей простоте обращения, государь настоял на принятии кн. Мирским должности министра внутренних дел. Поколебленный в правильности взглядов Плеве, государь утвердил при этом в принципе и программу кн. Мирского, а закончил беседу словами: «А теперь пойдите в коттедж; там будут очень довольны, что вы приняли должность министра внутренних дел». «Коттедж» был одним из дворцов, расположенных в

собственной Его Величества даче «Александрия», и в нем в то время жила императрица Мария Феодоровна.

Но что же, собственно, представлял из себя новый руководитель внутренней политики государства?

Едва ли не отличительной его чертой было желание жить со всеми в мире и чувствовать себя окруженным благожелательной атмосферой. Нельзя сказать, что кн. Мирский искал при этом популярности. Он просто по основному свойству своего характера не только не был склонен к принятию каких-либо и кого-либо раздражающих мер, но вообще был совершенно лишен того, что французы называют «le roigne». Вполне во всех отношениях порядочный человек, не обладал кн. Мирский и искусством упрочиться на занятом им посту и настойчиво проводить определенную политическую линию среди разнообразных, скрещивающихся и перепутанных личными интересами политических течений.

Принадлежа к семье, выдвинувшейся на военной службе*, кн. Мирский не видел смысла существования вне этой службы, но стремился он лишь к ношению военного мундира, украшенного царскими вензелями, и к занятию почетных должностей, власть же его мало привлекала, а зуд государственного творчества был совершенно не присущ. Впрочем, он не только не был государственным деятелем, но даже вообще серьезным человеком, хотя и прошел в свое время Академию Генерального штаба и не был лишен умственных способностей. В соответствии с этим умозаключения его не были основаны на тщательном изучении вопроса, подлежащего его разрешению, а лишь на более или менее поверхностном настроении, причем чувства у него вообще преобладали над умом. Благодушный по природе облик кн. Мирского сложился к тому же под влиянием всей его прежней, до назначения министром внутренних дел, счастливой жизни, представлявшей, в сущности, сплошной безмятежный праздник. К нему был вполне применим известный стих Пушкина:

Блажен, кто смолоду был молод,

а в тридцать выгодно женат;

кто в пятьдесят освободился

от частных и других долгов,

кто славы, денег и чинов

спокойно в очередь добился.

Служба в гвардии, а затем в Генеральном штабе, но на второстепенных должностях, никогда не обременяла его чрезмерной работой. Женитьба на графине Бобринской дала ему большие средства и открыла путь к почестям.

Занимая последовательно должности губернатора, товарища министра внутренних дел, командира корпуса жандармов и, наконец, с мая 1902 г. виленского генерал-губернатора, он и на этих должностях не утруждал себя работой и вообще серьезно ни во что не вникал, а давал лишь известный неизменно благодушный тон своему управлению.

* Отец князя, по происхождению польский шляхтич, служил в начале царствования Александра II на Кавказе адъютантом при заместителе фельдмаршала кн. Барятинском и носил фамилию Мирского. Благоволивший к нему всецельный, по своей дружбе с Александром II, фельдмаршал признал это достаточным, чтобы испросить присвоение ему фамилии и титула древнего рода Святополк-Мирских. Отец князя в начале 90-х годов минувшего века был наказным атаманом Войска Донского. Любопытно, что княжеское достоинство было присвоено и дяде кн. Мирского — Николаю Ивановичу, а две его родные тетки продолжали носить до самой смерти фамилию Мирских, живя в Варшаве в весьма скромной обстановке.

Ко времени занятия должности министра внутренних дел у кн. Мирского, несомненно, выработались известные политические взгляды, но взгляды эти были типично обывательские, сознание же возложенной на него тяжелой ответственности за внутреннее спокойствие государства в него никогда не проникало. С легким сердцем принялся он управлять Россией, с столь же легким сердцем оставил он государственную деятельность, сделав центром своего дальнейшего существования великосветский яхт-клуб, где, согласно последним строкам приведенного стиха Пушкина, о нем «твердили целый век: N.N. прекрасный человек».

Совокупность всех этих свойств кн. Мирского привела к тому, что его кратковременное управление Министерством внутренних дел, начавшееся с расточения улыбок по адресу общественности и ответных с ее стороны приветствий, кончилось, при его полном фактическом устранении от деятельного руководства внутренней политикой, усилением общественного брожения и, наконец, кровью, пролитой 9 января 1905 г. на улицах Петербурга.

Отсутствие у кн. Мирского не только внутренней энергии и, как принято ныне выражаться, пафоса власти, но даже понимания грозного положения, в котором находилось государство, обнаружилось еще до вступления его в управление министерством. Действительно, приступил он к исполнению возложенных на него в высшей степени ответственных обязанностей, как говорится, с прохладцей: назначенный министром 26 августа, он лишь 16 сентября вступил в исправление своих обязанностей.

Однако самое вступление это кн. Мирский постарался обставить как можно ярче, в смысле оповещения общественности, что курс, который он намерен проводить, радикально расходится с курсом его предшественника. В смысле действий это выразилось в одновременном увольнении Стишинского и Зиновьева, двух товарищей министра при Плеве, генерала Валя — командира корпуса жандармов и Штюмера — директора Департамента общих дел с назначением всех четырех членами Государственного совета.

Огульное, еще до вступления нового министра в управление ведомством, увольнение иерархически ближайших сотрудников Плеве, естественно, было принято обществом не только за оповещение о предстоящем Футом изменении ненавистной политики покойного министра, но еще и доказательство, что сделано это будет немедленно и решительно. На деле же необычное, в порядке прохождения службы, назначение Штюмера из Директоров департамента членом Государственного совета объясняется тем, что между он прошел через эфемерную стадию неопубликованного назначения министром; что же касается скоропалительного устранения остальных переименованных лиц из состава центрального управления, то для знающих кн. Мирского оно явилось только лишним доказательством его слабости и природного отвращения к причинению себе малейшего беспокойства. Дело в том, что если бы кн. Мирский отложил это устранение до вступления в должность, то он вынужден был бы иметь со всеми этими лицами тяжелые и неприятные разговоры. Проще было сделать это заранее, из-за кулис, освобождая тем самым не других, а самого себя от неприятностей.

Да, кн. Мирский совершенно не обладал свойством, необходимым для всякого крупного начальника, а именно силою действия, которое он признает необходимым для пользы порученного ему дела, но сопряженное с нарушением собственного покоя и душевного равновесия. Подтверждается это, между прочим, и тем, что, расставшись с некоторыми, и притом по существу вовсе не ближайшими, сотрудниками Плеве еще до встречи с ними, он, вступив в управление и войдя в личные сношения с оставшимися, служившими при Плеве высшими чинами министерства, никого из них не сменил. Факт этот тем более характерен, что по отношению к некоторым из них на него было произведено определенное в этом направлении давление со стороны лиц, имевших на него неоспоримое влияние*.

* Среди лиц, которых желали устранить из министерства, был и автор этих строк. Во время производства мною ревизии крестьянских учреждений Нижегородской губернии в августе 1904 г., т.е. уже после убийства Плеве, у меня произошли недоразумения с нижегородским губернатором генералом Унтербергером, возникшие на почве взаимных визитов и вызванные, признаюсь откровенно, обоюдным мелочным самолюбием. Имело же это недоразумение следствием, что Дурново, временно управлявший министерством после кончины Плеве, по письму неизвестного мне содержания Унтербергера предложил мне по телеграфу прекратить ревизию и вернуться в Петербург, что я и вынужден был исполнить.

Однако Дурново, с которым у меня при жизни Плеве установились плохие отношения, этим не ограничился. Он привел к тому, что кн. Мирский на первом же моем докладе предложил мне подать в отставку, пояснив, что к этому его побуждает мой образ действий в Нижнем Новгороде, причем даже не пожелал выслушать моих объяснений, так как «решение его непреклонно». Последнее объяснялось опять-таки слабоволием Мирского, опасавшегося, что, коль скоро вопрос станет на почву объяснений, он не устоит в принятом решении: общеизвестно, что слабовольные люди всегда заранее объявляют свои решения неизменными. Разозленный таким отношением, я заявил, что прошения об отставке не подам, так как никакой вины за собою не знаю и не признаю такого оборота кн. Мирский не ожидал и прямо выпалил: «Да что вы говорите! В Нижнем Новгороде вы присвоили себе звание лица, ревизующего губернию по Высочайшему повелению. Разве это допустимо?» Тут уже пришлось мне выпучить глаза. Дело в том, что я производил ревизию по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, на который последовало Высочайшее соизволение, и в соответствии с этим мне был выдан из министерства открытый лист с указанием, что на меня возложено по Высочайшему повелению производство ревизии в таких-то губерниях таких-то учреждений, причем самый лист, как все не имеющие значения бумаги по департаменту общих дел министерства, был подписан товарищем министра Дурново. Последний этого, вероятно, даже не забыл, а просто не знал, так как все подобные бумаги подписывались им машинально, не знакомясь с их содержанием; что же касается нижегородского губернатора, то в министерстве его забыли уведомить о моем приезде. Уверенность Дурново в обратном была основана на том, что обыкновенно ревизии, производимые директорами департаментов, назначались по распоряжению министра. Отступление в данном случае было сделано ввиду того, что мне предоставлено было право ревизовать учреждения моему департаменту, т.е. земскому отделу, не подведомственные, как то административные и земские, для чего и требовалось Высочайшее соизволение, почитавшееся Высочайшим повелением. К моему счастью, упомянутый открытый лист у меня сохранился и весь инцидент был тотчас исчерпан, причем, несомненно, послужил мне на пользу. Не будь его, я, по всей вероятности, попал бы в число лиц, устраненных из министерства еще до вступления в управление им кн. Мирским, так как в этом вопросе он был инспирирован не только Дурново, но и кн. Алексеем Оболенским, которые оба, хотя и по разным причинам, желали моего ухода. Оболенский руководствовался при этом желанием устранить меня от крестьянского вопроса. Наличие происшедшего инцидента давала возможность расправиться со мною более круто, т.е. совершенно удалить со службы, чего, однако, Дурново, как временно управляющий министерством, сделать не мог, а посему, уверенный, что имеет против меня неотразимое оружие, отложил это до вступления в управление министерством кн. Мирского. Натиск на кн. Мирского в смысле удаления меня из министерства. Но уже с назначением на какую-либо иную должность по исчерпанию изложенного инцидента не прекратился, причем особенно на этом настаивал, как мне впоследствии это передавал сам кн. Мирский, не кто иной, как Витте, видевший во мне помеху для

всецелого завладения реформой крестьянского законодательства. Думаю, что помешало этому все то же свойство кн. Мирского, не способного причинить не столько другим, сколько самому себе малейшего огорчения. Стремлением кн. Мирского избегать всего, что могло нарушить его благодушный покой, во многом объясняется как его общая политика, так некоторые принятые им в качестве министра меры. Да, покой свой кн. Мирский, как многие администраторы, оберегал в большей степени, нежели вверенные ему государственные интересы.

Расчистив себе путь увольнением ближайших официальных сотрудников Плеве к сочувственному приему своего назначения общественностью, кн. Мирский начал свою государственную деятельность с торжественного приема высших чинов министерства. Прием состоялся в зале совета министра и ознаменовался двумя фактами — одним ничтожным, но подчеркнувшим веяния времени, и другим, несомненно крупным и получившим широкий отголосок. Мелкий факт состоял в содержании речи, которой приветствовал кн. Мирского член совета министра, пресловутый генерал Е.В. Богданович. Присвоил он себе это право в качестве старшего в чине из членов совета министра, а использовал его для того, чтобы высказать наилиберальнейшие мысли. Скажи эту речь кто-либо другой из чинов министерства, и она бы не представляла ничего особенного, так как среди них многие могли бы ее произнести вполне искренно. Но в устах Богдановича, исконно щеголявшего лампадным благочестием и полицейским патриотизмом и выставившего напоказ свое восхищение политикой Плеве, это было просто гнусностью, которую, впрочем, кн. Мирский так и оценил.

Фактом крупного общественного значения была речь самого нового министра, содержащая следующие слова: «Административный опыт привел меня к глубокому убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренно доброжелательном и на искренно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы можно получить взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного устройства государства».

Следом за приведенной речью последовали и другие аналогичные по духу, но более конкретные заявления со стороны кн. Мирского, причем он наиболее решительно и точно высказался в интервью, данном им корреспондентам иностранных газет. Им он прямо сказал, что намерен проводить определенно либеральную политику, которая выразится прежде всего в децентрализации управления окраинами, в распространении на них положения о земских учреждениях и в отмене законоположений, ограничивающих права евреев.

Впрочем, по воспроизведении иностранной печатью слов, сказанных им ее представителям, кн. Мирский признал нужным несколько сузить их смысл и значение. Так, корреспонденту газеты «Русь» кн. Мирский объявил, что иностранные корреспонденты неточно передали содержание его разговора с ними. «Они категорически излагали мои ответы на поставленные ими мне

вопросы, — сказал Мирский, — но я должен признаться, что я лично на многое в настоящее время не могу категорически ответить. Я до сих пор стоял в стороне от многих вопросов, и есть немало серьезных дел, с которыми я теперь только близко знакоюсь. Возьмем, например, вопрос о крестьянской реформе, по поводу которого у нас собран громадный материал. Я его знаю большею частью из газет. С деталями знакоюсь теперь и, разумеется, не могу еще высказаться определенно именно потому, что теперь мой взгляд на этот вопрос приобретает весьма важное значение»*.

* Хотя кн. Мирский и сказал, что он знакомится с «деталью» крестьянского вопроса, но на деле он не только с деталями, но даже с основными проблемами этого вопроса никогда не ознакомился, а посему и взгляда на него не выработал, невзирая на все старания в этом направлении Витте и кн. Оболенского. Последний стремился вдохновить кн. Мирского своими несколько мистическими мыслями по этому вопросу, но так как мысли эти и для него самого не были ясны, то прельстить ими несклонного к мистике кн. Мирского ему не удалось.

Кн. Мирский подтвердил, что во всей своей деятельности он будет основываться на принципе доверия. «Применение этого принципа, — заявил он, — первое условие для достижения благих результатов».

Приведенные слова не остались одними словами. Непосредственно за ними последовали и некоторые соответствующие действия. Так, тверскому губернатору и новоторжскому уездному земству было предоставлено право вновь поставить во главе их земского хозяйства выборные управы. Общеземской организации было разрешено возобновить свою деятельность на театре войны. Множеству лиц, сосланных либо высланных из определенных местностей, было предоставлено право свободного избрания места жительства. К ним принадлежали Бунаков и Мартынов, сосланные за речи, сказанные ими в Воронежском уездном сельскохозяйственном комитете, Н.К. Милюков, Дервиз, Апостолов и Балавинский, потерпевшие в связи с произведенной Штюмером ревизией тверского земства; Анненский, Чернолуцкий, Фальборк, Лавринович и Воробьев — участники съезда по профессиональному образованию; Переверзев (будущий министр юстиции Временного правительства), Волькенштейн, Смирнов, Гудзь и еще некоторые другие, лишённые свободы передвижения по различным поводам. Кн. П.Д. Долгорукову разрешено вновь принимать участие в общественной деятельности. Среди амнистированных были лица, разделявшие социал-демократические взгляды и деятельность которых в смысле попыток революционирования страны была далеко не безупречна. Производившаяся Зиновьевым ревизия земских учреждений была тотчас прекращена.

Речи и заявления кн. Мирского, равно как перечисленные его распоряжения, получили широкий отклик во всей стране и вызвали почти всеобщую радость. Со всех сторон посыпались к Мирскому письменные и телеграфные приветствия и адреса от самых разнообразных лиц и учреждений. Так, обратились к нему

многие земские собрания и городские думы, причем неизменно подчеркивали его слова о необходимости «искренно благожелательного и искренно доверчивого отношения к общественным учреждениям и к населению вообще». Некоторые из этих учреждений включали при этом в свои приветствия и указание на то, что «доверчивое отношение» власти лишь в том случае получит реальное значение, если выразится в вполне конкретных реформах, направленных к утверждению в стране правового порядка, под чем, как всегда, подразумевалось установление представительного образа правления.

Не отставала, разумеется, и пресса. Политика кн. Мирского приветствовалась почти всеми органами печати. Кн. В. Мещерский в издаваемом им «Гражданине» даже воспользовался этим случаем, чтобы лягнуть Плеве, перед которым при его жизни рассыпался до цинизма. Исключение составили «Московские ведомости» и «Свет», которые стремились доказать, что слова кн. Мирского отнюдь не предвещают перемены в основной правительственной политике, так как сам кн. Мирский заявил, что будет руководствоваться началами, изложенными в Манифесте 26 февраля 1903 г.

Наоборот, А.С. Суворин в «Новом времени» воспевал пришествие весны.

Правда, одновременно пресса выражала опасение, что весна эта непрочная, что вновь может повеять ненастной осенью и что посему следует использовать затишье как можно полнее. На эту тему С.В. Яблоновским были даже написаны стихи, начинавшиеся со слов:

Весна ли это? Покрытый цветами. Стоит как в сказке вишневый сад, И воздух полон теплом и светом, И все надело весны наряд.

Благожелательное отношение к себе общественности кн. Мирский старался всемерно поддержать и укрепить.

Понимая, что невозможно ограничить деятельность министра внутренних дел, как она очерчена в законе, расточением улыбок и распоряжениями, подкупающими общественность, что деятельность эта со времени объединения Министерства внутренних дел с бывшим III отделением собственной Его Величества канцелярии силою вещей принимает по временам иную, противоположную окраску, он поспешил отделить собственно охранно-полицейскую работу министерства от себя лично и от принимаемых им мероприятий общеполитического значения. В этих видах состоялись, по его всеподданнейшему докладу 22 сентября 1904 г., т.е. менее недели по его вступлении в управление министерством, Высочайший указ и высочайше утвержденная инструкция, возложившие на товарища министра внутренних дел, состоящего командиром корпуса жандармов, общее заведование делом по предупреждению и пресечению преступлений и по охранению общественной безопасности и порядка. Этими же актами тому же лицу было передано разрешение почти всех дел, производящихся

по департаменту полиции и отнесенных действующим законом к компетенции министра.

В сущности, это было восстановление прежнего, действовавшего до 1880 г. порядка, когда вся политическая полиция была выделена в особую часть, во главе которой находился начальник III отделения собственной Его Величества канцелярии, состоявший одновременно шефом жандармов. Правда, связь этого учреждения с Министерством внутренних дел еще оставалась, но состояла она исключительно в том, что командир корпуса жандармов числился подчиненным министра внутренних дел и не имел самостоятельного доклада у государя. Однако при данной кн. Мирским постановке и эта связь не могла быть долговечной и должна была порваться, что фактически и произошло несколько месяцев позднее при замествшем Мирского Булыгине.

Тем не менее пока что кн. Мирский своей цели добился. Всю черную работу он свалил на назначенного им командиром корпуса жандармов генерала Рыдзевского, а сам остался лишь общим руководителем внутренней государственной политики и безмятежно продолжал твердить о своем доверии к общественным силам. Реально это выразилось в двух вещах: во-первых, в разрешении состоявшегося 6 ноября 1904 г. съезда земских деятелей, а во-вторых, в представлении государю всеподданнейшей записки о внутреннем политическом состоянии России. Доклад этот перечислял те мероприятия, которые, по его мнению, в состоянии успокоить оппозиционную часть общественности и примирить ее с правительством. К нему был приложен и проект указа Сенату, перечислявший те довольно существенные изменения в государственном строе, которые предreshались верховной властью и подробная разработка которых возлагалась на учрежденный для сего комитет, возглавляемый лицом, облеченным особым доверием монарха.

Составление означенной записки кн. Мирский поручил С.Е. Крыжановскому, помощнику начальника Главного управления по делам местного хозяйства, причем, однако, вполне точных, а тем более исчерпывающих указаний о сущности реформ, имеющих быть предначертанными в сопровождавшем записку проекте указа, он не дал, а ограничился изложением в общих чертах двух основных предположений. Первое из них, и в его представлении едва ли не главное, состояло в обеспечении в стране неуклонного соблюдения всеми правительственными местами и лицами закона, т.е. в устранении произвола агентов власти. Таким путем кн. Мирский, по-видимому, имел в виду удовлетворить основное высказываемое оппозиционной общественностью пожелание, а именно установить в стране «правовой порядок», понимая этот термин в буквальном его смысле. Я сомневаюсь, чтобы кн. Мирский искренно думал, что именно этим ограничиваются пожелания общественности, полагаю, что он просто хотел играть словами. Общественность, говоря о «правовом порядке», имела в виду представительный образ правления, и едва ли то, что было понятно всякому рядовому обывателю, не было столь же ясно кн. Мирскому.

Думается поэтому, что, подхватив тот же термин, он хотел прикинуться, что, утверждая в стране неуклонное соблюдение закона, он тем самым в полной мере осуществляет пожелания общественности. Однако одновременно он понимал, что на такой дешевой уловке, взятой самой по себе, многого не достигнешь, и потому помимо одновременного осуществления отдельных высказываемых общественностью пожеланий он хотел окончательно ее прельстить расширением состава законосовещательного установления империи — Государственного совета — введением в него представителей, избранных крупными общественными учреждениями. Это, разумеется, имело мало общего с конституционным образом правления и даже совпадало с первоначальными предположениями Плеве, но, несомненно, составляло хотя и робкий, но все же определенный шаг в этом направлении.

Излагая свои мысли по содержанию предположенного им всеподданнейшего доклада, кн. Мирский обнаружил свой глубокий дилетантизм как в вопросах государственного права вообще, так и в степени ознакомления с вопросами, волнующими в данное время общественность, в частности.

Первое выразалось в том, что в виде материала для изложения начал законности в стране он указал на брошюру некоего Глинки-Янчевского, трактующую о реформе Сената³², и очень настаивал на позаимствовании изложенных в ней мыслей. Автор этой брошюры — по образованию инженер — состоял в то время сотрудником «Нового времени», а впоследствии редактором субсидируемой правительством газеты «Земщина»³³, органа правого крыла Третьей и Четвертой Государственных дум; самая же брошюра являлась результатом долголетнего процесса Глинки-Янчевского с казной и указывала на дефекты нашего судебного процесса, при котором, в случае возникновения спора между казной и частными лицами, казна в лице представителей ее интересов являлась в последней инстанции — Сенате и стороной и участником в постановлении судебного решения. Исходя из этого частного случая, Глинка-Янчевский указывал отчасти на извращение, отчасти на фактическое неисполнение Сенатом основной, возложенной на него его учредителем Петром I задачи быть зорким блюстителем исполнения закона всеми правительственными местами и лицами империи.

Изложенные общие места и ходячие мысли, по-видимому, представлялись кн. Мирскому верхом государственной мудрости и чуть ли не откровением.

Что же касается других вопросов, которых должна была коснуться записка, то кн. Мирский на них вовсе не остановился и ограничился лишь передачей составленной в департаменте полиции записки, заключавшей те изменения, которые могут быть допущены в положении о чрезвычайной и усиленной охране, причем сводились они к сокращению прав административной власти в отношении ссылок и арестов.

В Министерстве внутренних дел привыкли составлять записки и всеподданнейшие доклады на основании общих, не отличающихся определенностью указаний высшего начальства, привыкли расшифровывать эти указания или, вернее, применять их общий дух к тем конкретным вопросам, которые в данное время были злободневными, выдвигались жизнью и волновали общественность. Уравнение прав крестьян с правами лиц других сословий, образование мелкой земской единицы, расширение деятельности земских и городских общественных учреждений, обеспечение большей гласности и ограждение прессы от произвола цензуры и, наконец, облегчение положения старообрядцев и лиц инославных исповеданий — вот на чем в то время настаивала общественность.

Все эти положения и были развиты в проекте всеподданнейшего доклада и включены в виде основных начал в проект Высочайшего указа наряду с теми двумя предположениями, которые были высказаны самим кн. Мирским, а именно расширение полномочий Сената с предоставлением ему между прочим права производства по собственному почину сенаторских ревизий правительственных учреждений и введение в Государственный совет представителей земских учреждений и городских дум крупнейших городских центров. Относительно последнего предположения в докладе имелось указание, что проектируемое представительство нельзя почитать ограниченным в смысле тех слоев населения, которые будут участвовать в его избрании, так как одновременно предполагается значительно демократизировать земские и городские общественные самоуправления путем изменения способа их избрания.

Наконец, как записка, так и проект указа выдвигали новое положение, разделявшееся в то время лишь частью общественности, и притом отнюдь не преобладающей, но превосходящее по его органическому значению для всего социального строения государства все остальные намеченные мероприятия — а именно упразднение земельной общины. По составлении приведенной записки она была обсуждена кн. Мирским при участии его ближайших сотрудников и после некоторого ее перередактирования, в смысле изложения заключавшихся в ней мотивов в более консервативном духе, представлена государю. Ввиду важности заключавшихся в записке и сопровождавшем ее указе предположений государь пожелал подвергнуть их Рассмотрению в особом под своим председательством совещании из некоторых министров. Совещание это собиралось дважды, а именно 7 и 8 декабря 1904 г.

В первом из этих совещаний участвовали лишь некоторые министры, а на второе были приглашены еще и великие князья Владимир и Сергей Александровичи, Михаил Александрович и, кажется, Александр Михайлович.

Тут обнаружилась полнейшая неопытность кн. Мирского в практиковавшихся в наших высших бюрократических кругах способах проведения сколько-нибудь крупных новых предположений, способах, впрочем, неизменно присущих всем

политическим режимам. Он совершенно не подготовил почвы для благоприятного в его смысле разрешения вопросов, возбуждаемых им в представленном государю докладе, не предпринял достаточных шагов для обеспечения себе поддержки большинства приглашенных в состав совещания членов и даже не ознакомил их заранее со своими предположениями. Мало того, он допустил крупную ошибку, а именно обратился к государю с просьбой не приглашать на совещание Победоносцева, как лица, известного своим отрицательным отношением ко всякому законодательному новшеству. Но подобная просьба могла лишь поселить у государя недоверие к целесообразности предположений кн. Мирского. Неправильна она была и по существу, ибо желание устранить от обсуждения какого-либо вопроса лиц, которые относятся критически к предположенному его разрешению, упраздняет самый смысл его обсуждения. Неудивительно поэтому, что государь не только пригласил Победоносцева, но сделал это собственноручной запиской, в которой было сказано: «Мы запутались. Помогите нам разобраться в нашем хаосе».

В результате на совещаниях у государя получилось то, что при существовавшей конъюнктуре неминуемо должно было произойти. Лишенный широкого государственного понимания, не обладающий умением вразумительно развить и поддержать свое мнение, кн. Мирский был вдребезги разбит своими оппонентами. На его слабые обывательские доводы, опирающиеся не на подробном и глубоком анализе внутреннего состояния страны, а лишь на некотором не лишенном здравого смысла чутье, его оппоненты отвечали доводами, покоящимися на исторических примерах и на принципах государственного права, причем все это было искусно переплетено с такими соображениями, которые должны были особенно повлиять на государя. Из великих князей Владимир Александрович высказался за привлечение общественных элементов к участию в законодательстве, а Сергей Александрович, наоборот, резко возражал против этого предположения.

Победоносцев, как это предвидел Мирский, горячо восстал против введения в состав Государственного совета выборного элемента. В сущности, он повторил то, что за 22 года перед тем говорил в совещании, созванном в 1882 г. Александром III для обсуждения проекта министра внутренних дел того времени гр. Н.П. Игнатьева о созыве земского собора. К сожалению, имевшийся у меня почти стенографический отчет этого совещания, составленный одним из его участников — министром государственных имуществ М.Н. Островским, вероятно, погиб вместе со всем моим архивом, но я твердо помню, что главным противником этого проекта был тот же Победоносцев. Он бросил прямо в лицо гр. Игнатьеву обвинение в том, что он обманывает государя, утверждая, что его предположение не изменит основ государственного строя, тогда как в действительности оно вводит конституционный образ правления, ограничивающий права государя. В результате проект гр. Игнатьева был отвергнут, а сам он скоро уволен от должности министра внутренних дел. Приблизительно тот же прием употребил Победоносцев при рассмотрении

предположений Мирского, но результат, благодаря участию Витте, получился несколько иной.

Воспользовавшись представившимся случаем, чтобы засвидетельствовать свою преданность самодержавному строю, Витте тоже восстал против включения в Государственный совет выборных членов, но одновременно указал, что заключающиеся в проекте Мирского другие предположения заслуживают полного внимания. Предположения эти для их правильного освещения необходимо, однако, тщательно обсудить при участии начальников всех ведомств.

Мысль эта не встретила возражений, и совещание закончилось тем, что Витте, как председателю Комитета министров, были тут же переданы представленные кн. Мирским доклад и проект указа для их дальнейшего соображения.

Витте торжествовал. Ему удалось вновь захватить в свои руки дело большой государственной важности, и использовать этот случай он намеревался вовсю.

Что же касается кн. Мирского, то он вернулся из совещания государя окончательно выбитый из седла и мрачно сказал своим сотрудникам: «Все провалилось! Будем строить тюрьмы». Вероятно, он тут же понял, что его политическая роль кончена, и даже подал прошение об увольнении от должности, которое, однако, государем не было уважено.

К этому заключению Мирский мог бы, впрочем, прийти и ранее, а именно после окончания бывшего в начале ноября в Петербурге частного съезда общественных деятелей, когда государь отказал Мирскому в его настойчивой просьбе принять лидеров съезда, состоявшегося почти по инициативе самого князя.

История этого съезда такова. Тотчас по вступлении в управление Министерством внутренних дел кн. Мирский подобно Плеве пожелал вступить в сношение с земцами, и притом наиболее оппозиционными. Таковыми в то время не без основания считались некоторые земские деятели Тверской губернии, имевшие лидером И.И. Петрункевича. Лицу этому, однако, в 80-х годах был воспрещен въезд в Петербург, а потому первым шагом в этом направлении было снятие с Петрункевича наложенного на него запрещения. Первоначально переговоры с Петрункевичем вел директор департамента полиции Лопухин, лично знакомый с ним по своей прежней службе в Твери на должности прокурора окружного суда. Петрункевич с места заявил, что соглашение с правительством возможно, но что даже для приступа к переговорам необходимо, чтобы правительство на деле выказало, что оно действительно намерено изменить свою политику преследования земской либеральной мысли. Заявление это и явилось одной из причин принятия Мирским перечисленных мною выше мер по отношению к земским учреждениям и деятелям, над которыми тяготели те или иные административные кары. Дальнейшие переговоры кн. Мирский, за отъездом Лопухина за границу, поручил начальнику Главного управления по делам местного хозяйства Гербелью. С этой целью Гербель поехал в Москву, где вступил

в сношение с земской группой, возглавлявшейся Д.Н. Шиповым. Группа эта образовалась еще в 1903 г., когда в Москве состоялось ее первое частное собрание, на котором был выработан общий план действий на предстоящих земских выборах для обеспечения успеха на них прогрессивного крыла земцев. Входили в эту группу наиболее выдающиеся земцы того времени, как то: губернские гласные — саратовский — Н.Н. Львов, псковский — гр. П.А. Гейден, московский — Н.И. Гучков, состоявший одновременно и московским городским головой. Группа состояла примерно из 30—35 человек.

По мере ухудшения нашего положения на театре Японской войны, произошедшего в особенности в августе 1904 г., и, вероятно, под влиянием распространившихся вслед за убийством Плеве слухов об изменении характера внутренней политики группа эта решила обратиться к государю с особой запиской. Имелось в виду изложить общее тревожное состояние страны и указать, что в целях успокоения усиливающегося общественного брожения, а также и для придания нашему законодательству более живого темпа и плодотворного характера необходимо привлечь выборный элемент к участию в законодательной работе. Вопрос этот в то время был поставлен в рамках земского собора. Решено было предоставить при этом вполне законченный проект по этому предмету. Для составления этого проекта обратились к не входившему в группу С.А. Муромцеву, будущему председателю Первой Государственной думы. Последний согласился исполнить эту работу, однако лишь при условии, что его авторство будет сохранено в полной тайне.

Тем не менее такова была лишь внешняя постановка дела. Фактически же руководил группой умеренных либеральных земцев, хотя она этого и не подозревала, «Союз освобождения», состоявший из земских и городских деятелей левого крыла, включавшего радикальных представителей профессуры и особую еврейскую группу". Союз образовался еще в начале 1903 г., имел свой, издававшийся за границей, под редакцией П.Б.Струве, орган — «Освобождение», члены его собирались по временам на конспиративные съезды и имели сношения с революционными организациями. В сентябре 1904 г. союз этот принял участие в собравшейся в Париже «Конференции оппозиционных и революционных организаций Российского государства» и присоединился к выработанной этой конференцией общей программе действий, причем целью было поставлено уничтожение самодержавия и установление свободного демократического государственного строя. На конференции этой члены «Союза освобождения», в том числе и П.Н. Милюков, восседали рядом с представителями социал-революционеров Азефом и Виктором Черновым. Вот этот-то союз, собравшись в октябре 1904 г., постановил: 1) принять участие в предстоящем съезде земских и городских деятелей и побудить его на открытое заявление конституционных принципов; 2) организовать 20 ноября, по случаю сорокалетия судебных установлений, банкеты с целью проведения на них радикальных конституционных и демократических резолюций; 3) поднять на очередных земских собраниях вопрос о введении конституционного правления и созыва для

того народного представительства и 4) начать агитацию за образование союзов лиц либеральных профессий и за объединение их в один союз, который бы вошел в связь с революционными партиями. Программу эту союзу удалось вскоре осуществить в полной мере.

Правительство о состоявшемся решении было в полном неведении, не знал о нем, разумеется, и приехавший в Москву Гербель. Ограничился же он тем, что отговорил умеренную группу от подачи государю оконченной Муромцевым к тому времени упомянутой записки, но о самом съезде, его составе и характере не сумел с ними договориться. Мирский имел в виду сговориться с земскими людьми и, соответственно, соглашался на съезд земских деятелей в Петербурге. После же поездки Гербеля съезд фактически превратился в съезд общественных деятелей, причем число его Участников достигло 104, в том числе был и расхрабрившийся к тому времени С.А. Муромцев, причем съезд оказался всецело в руках «Союза освобождения». Обстоятельство это изменило весь характер съезда, придав ему ярко оппозиционную окраску, причем сам Мирский узнал о его составе, лишь когда он собрался в Петербурге.

Съезд собирался в частных квартирах, а именно 6 и 9 ноября у тверского земца П.А. Корсакова, 7-го— у А.Н. Брянчанинова, 8-го— у В.Д. Набокова. Принятые съездом резолюции, указав в начальных тезисах на то резкое расхождение и даже раскол, происшедшие между официальной Россией, между правительственной властью и общественными элементами страны, заключали изложенные в императивной форме пожелания нового, еще не предъявлявшегося к власти свойства. Здесь был впервые выставлен лозунг о свободе слова, печати, собраний и союзов, который затем, вплоть до издания Манифеста 17 октября 1905 г., трафаретно воспроизводился на всех последующих выносимых различными общественными единениями резолюциях. Здесь же говорилось и о неприкосновенности личности и жилищ; заканчивались же эти постановления уже не затушеванным обычными двусмысленными выражениями указанием на необходимость участия народных представителей «в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации». Последнее решение (11-й пункт резолюции съезда), однако, не было принято единогласно; меньшинство, если не ошибаюсь, состоявшее из 30 человек против 70, составлявших большинство, высказалось за «правильное участие народного представительства в законодательстве при сохранении единой, нераздельной царской власти».

Съезду этому общественность, естественно, придавала исключительное значение. Невзирая на его частный характер, на него смотрели не только как на разрешенное собрание, но как на покровительствуемое министром внутренних дел. Выразилось это, между прочим, в том, что отличавшийся большой осторожностью А.С. Суворин все решения съезда немедленно по их постановлению отпечатал в типографии издаваемого им «Нового времени»,

вследствие чего решения эти в печатных гранках" тотчас распространялись по городу*.

- На съезде этом участвовало немало лиц, занимавших одновременно и различные правительственные должности. Среди них были между прочими и служившие в земском отделе губернские гласные Саратовской губернии — А.А. Павлов и Псковской губернии — В.И. Ковалевский, через которых я и был в курсе всего происходившего на нем. Любопытно, что десять лет спустя, а именно в 1913 г., Н.А. Маклаков в качестве министра внутренних дел хотел признать дальнейшую службу у себя в министерстве Ковалевского недопустимой на том основании, что он участвовал в ноябрьском съезде 1904 г. Конечно, это был предлог. Основной причиной были несогласия, возникшие между Ковалевским, заведовавшим в то время канцелярией продовольственной части империи, и управляющим этой частью В.Э. Фришем. Однако даже в качестве предлога нельзя не признать его.

Широко распространились по всей России постановления съезда и «Союза освобождения».

С своей стороны кн. Мирский во время съезда находился в личной связи с главными действовавшими в нем лицами, причем с самого начала, не дождавшись вынесенной съездом резолюции по обсуждавшимся им по неизвестной ему программе вопросам, обещал его представителям прием у государя, на котором они могли бы представить монарху пожелания съезда.

Не упустил этого случая и Витте, чтобы ближе сойтись с представителями либеральной общественности. Говорил он с ними при этом языком привычным гадалкам, при котором слушатели имеют возможность истолковать сказанное в соответствии с собственными желаниями. В подобном способе изложения своих мыслей Витте к тому времени дошел до виртуозности. Несомненно, что при этом Витте наталкивал общественных деятелей на выражение ими их пожеланий в полной мере. Речь Витте сводилась в общем к тому, что он-де очень дорожит общественным мнением и признает весьма полезным для правительства услышать вполне свободно высказанную и точно сформулированную общественную программу государственной политики. Конечно, он сам не может вперед высказаться, как он отнесется к этой программе и будет ли он ее целиком поддерживать, но это вопрос дальнейшего, ныне же важно, по его мнению, лишь одно, а именно не препятствовать общественности гласно формулировать свои мысли и чаяния.

Приведенного мнения, впрочем, не без влияния кн. А. Оболенского, посредника между Витте и кн. Мирским, придерживался и последний и поэтому приложил все старания исполнить желания земских деятелей и устроить им прием у государя, но последнее, как я уже сказал, ему не удалось. Государь в таком приеме решительно отказал. Решение это, безусловно правильное по существу, вероятно, было подсказано и утратой к тому времени у государя веры в

целесообразность политики Мирского. Действительно, политика эта имела к тому времени единственным результатом воскурение фимиамов лично кн. Мирскому, но не изменила отношения либеральной прессы к революционерам и к продолжавшим вспыхивать то там, то здесь на почве революционной пропаганды народным волнениям. Общая политическая атмосфера, отчасти под влиянием продолжавшихся неудач на театре войны, отчасти благодаря предоставлению прессе большей свободы, не только не становилась более благоприятной правительству, а, наоборот, сгущалась; требования, предъявляемые нехарактерным для министра, действующего уже при существовании представительных законодательных учреждений. Мне пришлось объяснять Маклакову, что Ковалевский участвовал не только с моего ведома, но и полного одобрения.

...передовой общественностью к государственной власти, все усиливались и принимали все более резкий характер. Одновременно до государя, несомненно, доходили сведения о том, что съезд не может почитаться за представительство земской России. Съезд этот состоял не из лиц, избранных земскими собраниями, а лишь из группы гласных, объединившихся вокруг московской губернской земской управы и кооптированных ею в свою среду отдельных земцев различных губерний, а также из общественных деятелей определенной политической окраски, не принадлежащих вовсе к земской среде. Словом, это была группа частных лиц, не имеющая никаких прав говорить от чьего-либо имени, кроме собственного. Но если даже признать собравшихся на съезд в Петербурге если не формальными, то все же подлинными по существу выразителями подлинных мнений известных общественных слоев, то что же, собственно, мог бы им сказать государь в ответ на выраженные ими пожелания? Ведь среди этих пожеланий были такие, которые имели в виду изменение основных законов государства, и всякий ответ на них государя был бы предрешением их и притом в положительном смысле. Действительно, простое обещание обсудить эти пожелания было бы уже признанием их осуществимости.

Кн. Мирский, очевидно, совершенно всего этого не соображал; не постигал он, что уже одним данным им земцам обещанием устроить им царский прием он ставил государя в ложное положение. Сказалась тут, между прочим, и разница между кн. Мирским и Плеве. Тогда как последний считал своим долгом направлять на себя лично вызываемое правительственными действиями общественное неудовольствие, хотя бы действия эти были приняты против его мнения, кн. Мирский, наоборот, стремился привлечь преимущественно к себе симпатии общественности, перенося ответственность за принятие непопулярных решений непосредственно на верховную власть. Именно так поступил он в данном случае, объяснив лидерам съезда, что государь не внял его усиленным просьбам о их приеме.

Что же сказать про политику кн. Мирского?

Нет сомнения, что он вполне правильно делал строгое различие между открытыми революционерами антигосударственного и антинародного направления и общественными элементами, стремившимися лишь к участию в строительстве государства без радикального изменения не только социального, но и политического уклада. Столь же правильно было его решение прекратить беспрестанные придирки, систематическое раздражение и ожесточение элементов, не только не опасных для прочности государственного строя, но, наоборот, могущих быть превращенными, при умелом обращении с ними, в его наиболее крепкие, органические устои. Некоторые, и притом существенные, уступки либеральной общественности были при этом неизбежны, и готовность идти на них, естественно, должна была лечь в основу политической программы.

Но если самый замысел кн. Мирского был правильный и отвечал создавшемуся положению, то принятый им способ его исполнения был младенчески наивный.

Прежде всего кн. Мирский не сознавал, что во все времена существующий в стране государственный уклад ниспровергался не столько вследствие производимой на него атаки, сколько за отсутствием у него деятельных сторонников и защитников. Если бы он это постиг, то он одновременно понял бы, что первой заботой правительства в то время должно было быть создание такого общественного слоя, на который оно могло бы опереться в своей борьбе с осаждающими государственную власть революционерами различных толков. Недостаточно было ввиду этого достигнуть прекращения непосредственных нападков на правительство со стороны земских и городских самоуправлений и либеральной прессы. Нужно было достигнуть их деятельного участия в борьбе с растлевающей народные массы пропагандой утопических учений и с расшатывающими и развращающими правительственную деятельность террористическими актами.

Проводя резкое различие во всех своих частных и даже официальных, но келейно происходивших беседах, между революционерами и либеральной оппозицией, кн. Мирский не имел мужества прямо это высказать в каком-либо официальном акте или публичном заявлении, не имел решимости сказать, что благожелательное и доверчивое отношение к общественной деятельности и готовность расширить рамки этой деятельности требуют, чтобы общественность определенно высказалась против революционной социалистической пропаганды и клеймила террористические акты.

Конкретно сближение земских кругов с правительством должно было при этом выразиться в ином отношении земских управ к местной администрации. Деятельность и тех и других должна была идти параллельно, и земства должны были прекратить практикуемое ими в широком масштабе пристанодержательство на многочисленных наемных земских должностях многих как скрытых, так и явных революционеров различных толков. Этим страдали, как ни странно, отнюдь не одни передовые по личному составу земские управы. Больше чем

снисходительно относились к политическому прошлому своих служащих и к высказываемым ими революционным взглядам и правые земские деятели. В стремлении расширить сферу своей деятельности все земства без различия их политической окраски желали захватить в свое ведение низшее народное образование, хотя фактически никакого контроля за деятельностью сельских учителей иметь не могли. Не усматривали земства и опасности наводнения сельских местностей земскими статистиками — прямыми проводниками революционной пропаганды в крестьянскую среду.

Обязанность правительства была раскрыть земским деятелям те глубокие революционные корни, которые пускает в сельские народные массы земский третий элемент, и указать, что доверие к земцам правительство может иметь, но к третьему элементу не может и что земствам, следовательно, надо выбрать, с кем они хотят идти — с правительством или со своими наемными служащими.

До достижения этой задачи, иначе говоря, до прямо и открыто провозглашенного лидерами оппозиционной либеральной общественности отречения от молчаливо-пассивной у одних и конспиративно активной у других солидарности с революционными элементами, никакие сделанные этой общественности уступки не имели значения в отношении укрепления государственного строя. Такие уступки, наоборот, усиливали общественное брожение и увеличивали если не оппозиционность либеральной части общества, то, во всяком случае, предъявляемые ею к власти требования.

Если формула «сначала успокоение — потом реформы», как заключавшая антитезу, была бессмысленна, так как основной причиной общественного брожения было именно неосуществление определенных реформ, а неуспешность борьбы с революционным движением зависела преимущественно от молчаливого сочувствия, которое оно встречало со стороны либеральной общественности, то была другая формула, вполне осуществимая, — «сначала сговор с либеральной оппозицией, а потом соответствующие этому сговору реформы».

Но для достижения такого сговора надо было прежде всего точно выяснить для самого себя предел тех уступок, на которые правительство признает возможным идти, словом, выработать определенную программу и получить твердое одобрение ее верховной властью. Имея такую твердую базу, можно было вступить в переговоры с либеральной оппозицией, да, думается мне, и с радикальной ее частью, и дойти с ней до вполне дружеского соглашения. П.Б. Струве был, безусловно, прав, когда в издаваемом им в то время в Париже журнале «Освобождение» говорил, что Святополк-Мирский должен поставить вопрос о конституции прямо. «Этого требует от него, — продолжал Струве, — простая добросовестность по отношению к самому царю, ибо не ставить этого вопроса перед царем значит просто обманывать Николая II».

Политика кн. Мирского действительно имела тот основной недостаток, что ничего конкретного она не заключала и ни на какую определенную программу открыто не опиралась и даже для собственного руководства ее не имела. Инициатива такой программы, естественно, перешла при таких условиях к общественности, которая и поспешила воспользоваться оказанным ей «доверием» для того, чтобы вырвать у правительства ее немедленное осуществление. Но для успешного натиска на правительство общественности необходимо было сохранить занятое ею положение благожелательного нейтралитета у одних ее элементов и определенного сочувствия у других по отношению к революционным элементам, в которых она не без основания видела единственную реальную силу, с которой правительство вынуждено считаться.

Перед русской государственностью в то время открывалось два пути. Один, имея в своей основе твердое охранение самодержавного строя, состоял в решительном и быстром проведении правительственной властью тех органических реформ, которых неотступно требовали развивавшаяся народная жизнь и расширявшаяся хозяйственная деятельность населения. Здесь в первую очередь необходимо было перестроить социальный организм страны. Наряду с самыми решительными мерами, направленными к сохранению остатков рдеющего и тем самым утрачивающего свое политическое значение землевладельческого класса и к уравниению в общественном положении с дворянством представителей крупного промышленного класса посредством его постепенного слияния с ним — путь, по которому с давних пор следует Англия, — нужно было создать мощный слой зажиточного крестьянства, владеющего на праве личной собственности крупными, десятин в 30—50, участками земли — этого надежнейшего во все времена и во всех государствах устоя существующего порядка.

Путь этот требовал от правительства большой энергии, широкого реформаторского размаха и исключительного такта, и при всем том нельзя было быть уверенным, что социальное перестроение государства обгонит заливавшую страну революционную волну, но признать его безнадежным тоже нельзя было.

Если же государственная власть на такую широкую и быстро осуществляемую реформу не почитала себя способной либо вообще признавала ее недостаточно обеспечивающей спокойное развитие государства и желала немедленно привлечь на свою сторону либеральную общественность, то надо было осуществить ее основное желание и ввести конституционный образ правления при народном представительстве, опирающемся на ограниченный круг избирателей. Крупные реформы могли быть в таком случае осуществлены уже с участием этого представительства. Конечно, часть радикал-либералов этим бы не удовлетворилась и еще теснее связалась бы с Революционными партиями. Однако оказавшиеся на стороне правительства интеллигентные силы были бы также весьма значительны, и бой, во всяком случае, перестал бы происходить между одним правительством и всей передовой общественностью. В нем со стороны

власти неминуемо приняли бы деятельное участие и культурные общественные силы.

Это был тот естественный путь, идя по которому государства Западной Европы постепенно эволюционировали от самодержавия к парламентаризму.

Если в середине 1904 г., т.е. после убийства Плеве, государственная власть, не меняя резко своей политики, пригласила бы лидеров умеренной либеральной оппозиции и выслушала бы их пожелания, то она бы выяснила, что наиболее прогрессивные общественные круги, разумеется, не зараженные социалистическими утопиями, стремились лишь к конституционному режиму непарламентарного типа.

Припоминаю по этому поводу разговор, бывший у меня с профессором Петражицким, впоследствии видным членом партии конституционных демократов, а в то время членом редакции журнала «Право». Разговор этот произошел позднее описываемого времени, а именно 5 февраля 1905 г., т.е. на другой день после убийства в Москве великого князя Сергея Александровича, но тем более он характерен, так как по тому времени общественные круги под влиянием завоеванной ими большей свободы гласности при прежнем отсутствии конкретного осуществления высказываемых ими пожеланий значительно увеличили, по сравнению с высказанными ими в ноябре 1904 г., предъявляемые ими правительству требования.

Профессор Петражицкий спросил меня, будет ли журнал «Право» подвергнут цензурным карам, если поместит его статью, в которой поясняется, что когда общественность говорит о конституции, то она имеет в виду лишь участие народного представительства в законодательстве страны. Что же касается исполнительной власти, то она должна остаться всецело в руках министерской коллегии, назначаемой и увольняемой монархом и перед ним одним ответственной. К этому Петражицкий прибавил, что редакция «Права» накануне решила напечатать эту статью, но убийство великого князя заставляет ее поступить с особой осмотрительностью, так как, по всей вероятности, убийство это побудит правительство принять репрессивные меры, между прочим и в области свободы печати. Разговор этот я привожу как доказательство умеренности политической программы того времени будущих сторонников народовластия. Характерно также для того времени, что не только я, но и присутствовавший при этом разговоре Стишинский высказались за желательность появления упомянутой статьи, а также уверенность, что никаких неприятных последствий от ее напечатания журнал «Право» не испытает.

Если таковы были взгляды наиболее прогрессивной части либеральной общественности в феврале 1905 г., то, разумеется, еще умереннее были пожелания, высказывавшиеся либеральными дворянскими кругами, причем, однако, и эти круги указывали на необходимость привлечения выборного

элемента к государственному строительству. Ярким доказательством этого служила записка, представленная министру внутренних дел в конце ноября 1904 г. (т.е уже после земского съезда) 23 губернскими предводителями дворянства, причем в их числе были оба столичные предводители ГТ.Н. Трубецкой и гр. Гудович. Записка эта говорила «О правильно организованном участии представителей сословных, земских и городских общественных управлений в разработке и составлении новых законопроектов», причем предполагала возложить эту работу на «Государственный совет с соответственным расширением его компетенции».

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в конце 1904 г. правительство могло сговориться с значительной частью общественности на конституционной реформе определенно монархического типа.

Кн. Мирский, очевидно, не понимал, что среднего между двумя указанными путями у правительства не было и быть не могло, и сам пошел по третьему, межеумочному пути. Он дал волю культурной общественности свободно высказывать свои политические идеалы и чаяния и разрешил, чтобы не сказать вызвал, съезд общественных деятелей, имевших выработать общую политическую программу, не выяснив предварительно, ни к чему сведется эта программа, ни будет ли он в состоянии ее осуществить. Это была типичная политическая маниловщина. «Я, мол, поглажу их по головке, а они мне за это помогут их же собственные желания не исполнить». Вот к чему, в сущности, сводилась наивная мечта кн. Мирского. На деле же произошло обратное.

Такой способ действий был до такой степени неразумен, что можно было даже предположить в нем присутствие провокационных мотивов, которых у Мирского, безусловно, не было. Действительно, искусственный вызов общественности на выражение ее политических вожеланий, с тем чтобы затем этих вожеланий не исполнить, мог только породить усиление общественной оппозиции.

Да, легкомысленная политика кн. Мирского, непосредственно следовавшая за жесткой и придирчивой политикой Плеве, дала первый толчок Революционному движению 1905 г., движению, нашедшему благоприятную почву во всеобщем недовольстве, порожденном тяжелыми неудачами на театре войны. При этом первым открытым революционным общественным выступлением был именно ноябрьский, 1904 г., земский съезд. Вынесенные этим съездом резолюции легли в основу всех последующих предъявляемых общественностью к правительству требований, с той весьма существенной разницей, что либеральные деятели видели в осуществлении своих резолюций исполнение предела своих желаний, а подхватившие их лозунги социал-демократы и социал-революционеры добивались их лишь для получения в свои руки оружия, необходимого им для полного разрушения всего политического и общественного уклада страны.

Показной либерализм кн. Мирского, не опирающийся ни на какую определенную программу, в сущности сводился лишь к одному — *laissez faire, laissez passer*³⁹. Но привыкшая к административному гнету общественность, почуяв свободу, разумеется, не сумела ее благоразумно использовать и совершенно не сознала той ответственности, которая связана со всяким правом, в том числе и правами политическими. Обстоятельство это дало «Союзу освобождения» полную возможность осуществить свою сентябрьскую программу едва ли не в большей мере, нежели он сам этого ожидал.

Предположенные им по поводу сорокалетия судебных установлений политические банкеты состоялись почти повсеместно во всей России, причем на них произносились горячие политические речи, клеймившие существующий строй и открыто требовавшие немедленного низвержения самодержавия.

Следом за банкетами судебно-юбилейными последовал ряд других, без определенных поводов, причем устраивались они различными корпорациями либеральных профессий, как то: адвокатами, врачами, инженерами, журналистами и даже лицами без определенных профессий, укрывавшимися под общим наименованием общественных деятелей. Произносимые на них речи и выносимые ими резолюции, естественно, становились все радикальнее. Любопытно, что на банкетах этих участвовали, а иногда и ораторствовали лица, состоящие на государственной службе, не испытывая за это никаких репрессий и даже неприятностей.

Вполне удалась «Союзу освобождения» и та часть его программы, которая имела в виду побудить земские собрания примкнуть к конституционному движению. Собрания эти, как уездные, так и губернские, обращались с адресами и петициями как к правительству, так и к верховной власти, повторяя в них, то в смягченной, то даже в усиленной форме, постановления ноябрьского земского съезда. Поток этих обращений был, однако, в половине декабря остановлен особым правительственным распоряжением.

Не менее успешно шли и начинания «Союза освобождения», агитирующие за образование различных профессиональных союзов, но так как это требовало некоторой подготовительной работы, то конкретные результаты она дала лишь несколько позднее, а именно к весне 1905 г.

Словом, в этот период руководящей и тайной пружиной общественного движения был всецело «Союз освобождения». Социал-демократы, расколовшиеся уже к тому времени на два лагеря — большевиков и меньшевиков, планомерного участия в общественном движении не принимали. К тому же большевики с Лениным во главе отстаивали то положение, что всякая совместная работа с либеральной буржуазией лишь ослабит значение «вождей пролетариата».

Тем не менее в некоторых провинциальных городах «партийные работники» согласно с указанием органа меньшевиков «Искры» стремились внести свою

специальную ноту в либеральное движение. Они врывались в банкеты и собрания и превращали их в митинги. Имело это место, между прочим, в Харькове и Одессе. В Саратове революционные элементы устроили митинг, на котором было провозглашено низвержение самодержавия и учреждение демократической республики.

В результате в России произошло то, что в историческом прошлом имело место во многих других государствах. Слабое правительство, не способное ни на какие, в любом направлении, решительные действия — ибо для того, чтобы добровольно уступить часть своих полномочий обществу, от государственной власти требуется едва ли не больше решимости и твердой воли, нежели для их сохранения, — уступает общественности в ее частных требованиях, не исполняя, однако, ее основного желания, и тем не только не примиряет ее с собою, а усиливает ее натиск, причем само вооружает ее для этого натиска соответственным оружием.

В то время в правых бюрократических кругах избранный кн. Мирским образ действий жестоко осуждался. Его приписывали не его наивности, а, наоборот, видели в нем тонкий макиавеллиевский ход. Утверждали, что он имеет в виду поставить верховную власть в безвыходное положение, а именно — опираясь на высказанное общественными деятелями мнение, что единственный способ остановить надвигающуюся народную революцию состоит в даровании стране конституции, присоединить к этому и свое заключение в том смысле, что он, министр внутренних дел, не может в противном случае отвечать за сохранение в стране спокойствия и порядка. Круги эти дошли до того, что прозвали кн. Святополк-Мирского «Святополком Окаянным».

Между тем кн. Мирский не имел в виду даже конституции, ибо введение в законосовещательное учреждение представителей городских и земских самоуправлений, являясь шагом к конституции, конечно, не было таковой. Действовал же он просто на ощупь, и притом в значительной степени под влиянием того же Витте, убеждавшего его, преимущественно через посредство кн. Оболенского, как в необходимости либеральных реформ, так и в желательности предоставить общественности свободно высказать свои политические взгляды. Понятно поэтому озлобление, вызванное у кн. Мирского критикой Витте на совещании у государя тех самых его предположений, которые тот же Витте ему подсказал.

Если кн. Мирский не обнаружил государственной мудрости в достижении желаемого примирения общественности с правительством, то не большую политическую прозорливость обнаружил в том же направлении и Витте, вырвавший у кн. Мирского осуществление намеченной им программы удовлетворения общественных пожеланий.

Принялся за это дело Витте с обычною у него страстностью и первую стадию провел с молниеносной быстротой. Прошло лишь десять дней со времени

совещания у государя по обсуждению записки кн. Мирского, как Витте уже выработал новый проект указа Правительствующему сенату, озаглавленный им «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» и содержащий большинство предположений, заключавшихся в записке кн. Мирского. Имелись, однако, в нем и существенные отступления и новшества. Так, прежде всего указ этот содержал в своей заключительной части весьма знаменательную фразу, имевшую, по мнению Витте, обеспечить за ним руководство всей государственной политикой. Фраза эта гласила: «В ряду государственных наших учреждений задача теснейшего объединения отдельных частей управления принадлежит Комитету министров: вследствие сего повелеваем Комитету министров по каждому из приведенных выше предметов войти в рассмотрение вопроса о наилучшем способе проведения в жизнь намерений наших и представить нам в кратчайший срок свои заключения о дальнейшем, в установленном порядке, направлении подлежащих мероприятий. О последующем ходе разработки означенных дел Комитет имеет нам докладывать».

Последние слова были вставлены Витте тоже не зря. Ими он хотел себе обеспечить постоянный, в определенные дни, доклад у государя, чего с назначением председателем Комитета министров он лишился.

Засим, что касается самого содержания указа, получившего в просторечии название указа 12 декабря 1904 г., то он прежде всего гласил, что главной заботой правительства должно быть «наилучшее устройство быта многочисленного у нас крестьянского сословия». Здесь Витте опять-таки преследовал параллельно две цели — одну общегосударственную, другую личную. Последняя состояла в том, чтобы закрепить за собою в качестве председателя особого совещания по сельскому хозяйству главную роль в разрешении крестьянского вопроса. В этих видах он включил в указ упоминание, что ныне «в особом, из опытнейших лиц высшего управления, совещании изучаются важнейшие вопросы устройства крестьянской жизни на основании сведений и отзывов, заявленных при исследовании в местных комитетах общих нужд сельскохозяйственной промышленности». Достижение общегосударственной цели, которую Витте преследовал, а именно слияния крестьян с лицами прочих сословий, он рассчитывал достигнуть включением в указ повеления, чтобы работы сельскохозяйственного совещания «привели законы о крестьянах к объединению с общим законодательством страны, облегчив задачу прочного обеспечения пользования лицами этого сословия признанным за ними царем-освободителем положением полноправных, свободных сельских обывателей».

Весьма характерно для тогдашних взглядов Витте, что никакого упоминания о мерах к упразднению земельной общины в указе не заключалось, хотя в проекте кн. Мирского имелось, как я уже сказал, соответствующее указание. Едва ли требуются дальнейшие доказательства того, что еще в декабре 1904 г. Витте вовсе не разделял мнения о необходимости для обеспечения однообразного социального строя всего государства в первую очередь разрушить земельную

общину и передать крестьянам состоящие в их пользовании наделные земли в их полное владение.

Исключение пункта о земельной общине тем более показательное, что все остальные предположенные кн. Мирским реформы были воспроизведены Витте в составленном им указе, за исключением, разумеется, введения в Государственный совет выборного элемента, отвергнутого на совещании у государя*.

Опубликовав указ 12 декабря, правительство попыталось его использовать для принятия более решительных мер к прекращению выражения тех из обращаемых к нему общественными кругами требований, которые выходили из пределов, возведенных этим указом реформ. Правительственным сообщением от 14 декабря оно оповестило общественность, что всякое нарушение порядка и всякие сборища противоправительственного характера должны быть и будут прекращены всеми имеющимися в распоряжении власти законными средствами. «Земские и городские установления и всякие учреждения и общества, — говорилось далее, — обязаны не выходить из пределов и не касаться тех вопросов, к обсуждению которых не имеют законных полномочий». Заключало это сообщение и указание на то, что возникшее общественное движение «чуждо русскому народу, верному истинным основам существующего государственного строя», а предъявляемые некоторыми кругами требования именовались при этом недопустимыми в силу «освященных основными законами, неизблемых начал государственного строя».

* В своих воспоминаниях Витте утверждает, что соответствующий пункт был введен в представленный им проект указа, но государем вычеркнут". Это, безусловно, неверно. В последнем легко убедиться из описания самого Витте, при каких условиях это будто бы произошло. Действительно, Витте говорит, что представленный им лично проект указа был тут же государем подписан, причем был вычеркнут пункт о дополнении Государственного совета выборными членами. Не говоря про то, что исключение какой-либо части акта, представленного к подписанию государю, требовало переписки этого акта. Достаточно ознакомиться с текстом указа 12 декабря 1904 г., чтобы убедиться, что никаких предположений о привлечении к законодательной работе представителей общественности он не заключал. Нет сомнения, что в противном случае именно эти предположения были бы поставлены во главу угла всего указа и сопровождаемы соответствующими разъяснениями их значения. Утверждение Витте, что упомянутые предположения были им введены в проект указа, тем более странно, что он же перед этим говорит, что они "ли отвергнуты на совещании у государя, забывая лишь отметить, что одним из главных их противников был он сам.

Первоначально этому оповещению земские и городские установления в известной мере подчиняются: заготовленные ими адреса и петиции не оглашаются и не предъявляются по принадлежности, но общественное брожение отнюдь не

успокаивается. Система «разрешенное сегодня завтра запрещается» лишь озлобляет общественность. Поддерживает это брожение пресса, едва ли не в большей степени поддерживает его... Комитет министров и его председатель Витте.

С лихорадочной поспешностью приступает он в Комитете министров к обсуждению заключительных пунктов указа 12 декабря в целях развития содержащихся в них общих положений и изыскания способов их фактического осуществления. Однако при всей своей энергии достигнуть конкретных результатов самому Витте при этом не удается. Комитет министров по самому существу своему не мог взять на себя задачу, которая требовала предварительного тщательного соображения и соответствующего рабочего органа. Конечно, всего проще было поручить отдельным ведомствам разработку законоположений по частям указа, относящимся до предметов их ведения, но это совершенно не отвечало целям Витте. С одной стороны, он, быть может, опасался, что переданные в соответствующие министерства предположения эти там не получат желательного ему широкого либерального характера, а с другой, и это было, несомненно, главной причиной, по которой он не прибег к этому простому способу, он желал прежде всего как можно больше расшуметь проводимые реформы и сохранить за ними в глазах общественности характер мер, задуманных и осуществленных лично им, а вовсе не проведенных в обычном порядке.

Дело в том, что в то время Витте, лишившись царского благоволения, решил вернуться к власти под натиском общественного мнения и потому всемерно стремился привлечь к себе общественные симпатии. С обычной ему неудержимостью и совершенно не считаясь с тем, что слова его могут быть переданы даже в преувеличенном виде государю, он заявил общественным деятелям, с которыми в то время вообще искал сближения: «Я так глубоко вгую либеральные реформы, что назад их не отымешь».

Какой же способ избрал для этого Витте? Лишенный возможности самостоятельно выработать в Комитете министров соответствующие законопроекты, вынужденный передать это дело в другие руки, он решил поступить, если можно так выразиться, от обратного, а именно окончательно заклеить существующий по затронутым в указе вопросам порядок. В этих видах он подвергает этот порядок обсуждению в Комитете министров, тщательно зарегистрировав всю высказываемую по его поводу критику, и включает ее в журналы Комитета министров, которые затем предает гласности⁴². Публике официально сообщается, что вся государственная политика была до сих пор сплошной ошибкой, если не простым безобразием. Рассматривая положение печати, Комитет министров кается в обскурантизме, а обсуждая законы, касающиеся старообрядцев, заявляет, что они достигли результатов обратных от тех, которые при их издании преследовало правительство. Однако особенной критике подвергаются, в связи с обсуждением положений об усиленной и чрезвычайной охране, действия администрации. По этому поводу уже самый указ

12 декабря утверждал, что власти в России не исполняют закона и не несут за это должной ответственности. Комитет министров развивает эту тему, причем замещающий в нем кн. Мирского его товарищ П.Н. Дурново рисует целую картину русского бесправия и произвола администрации. Он утверждает, что степень пользования правами, предоставленными администрации «Положением об усиленной охране», «находится в непосредственной зависимости от личных взглядов того или иного представителя власти: в одной и той же губернии с переменой губернатора нередко изменялось и отношение к данному вопросу. С течением времени представители административной власти на местах стали применять административную высылку не только к лицам политически неблагонадежным, но и вообще к таким обывателям, поведение которых, по мнению начальства, нарушало спокойное течение общественной жизни».

Охарактеризовав таким образом действия власти, Дурново в столь же черных красках описывал положение населения. «Ни один обыватель, — говорил он, — не может быть уверен в том, что он обеспечен от производства у него обыска или заключения его под арест»*.

* Дурново в это время, как я уже упоминал, выказывал определенный либерализм. Он громко заявлял, что так долгие государство жить не может, что правительство представляет каких-то татар, живущих в вооруженном лагере. В это же время под его председательством рассматривался в Министерстве внутренних дел вопрос об изменении паспортного устава и положения о видах на жительство, причем Дурново предлагал отменить.

Не менее решительно высказывался и председатель Комитета Витте. Он упрекал государственную власть в непредусмотрительности и общей неумелости. «Не было, — указывал он, — своевременно понято значение рабочего вопроса; не был уменьшен гнет, тяготеющий над евреями; не было найдено пути к успокоению учащейся молодежи».

Столь необычайное публичное покаяние было тем более странно, что оно не сопровождалось никаким немедленным фактическим изменением действующих законов: все ограничивалось более или менее туманными обещаниями изменить характер власти в будущем.

Получалось, таким образом, определенное впечатление, что в среде правительства один лишь Витте искренно желает изменения системы управления, но бессилён переломить старые порядки, так как фактически не у власти. Поддерживал это мнение сам Витте в своих частых беседах с представителями либеральной оппозиции. Построил он к тому времени свои планы возвращения к власти на создании себе в России столь популярного имени, что ему вынуждены будут передать бразды управления государством. Впечатление это усиливалось еще и от самого способа, избранного для осуществления начал, провозглашенных 12 декабря и до некоторой степени разработанных Комитетом министров, а именно

поручение этого дела особо созданным комиссиям, непосредственно не связанным с правительственными органами и возглавляемым наиболее известными своим либерализмом членами Государственного совета. Так, меры к водворению законности в стране было поручено обсудить и выработать комиссии под председательством члена Государственного совета А.А. Сабурова; законы о печати поручено пересмотреть комиссии под председательством Д.Ф. Кобеко. Значительно менее популярное лицо было поставлено запрещением выезжать за границу без особых паспортов и даже отстаивал право членов крестьянской семьи начиная с восемнадцатилетнего возраста получать отдельные виды на жительство без согласия на то, как этого требовал закон, главы семьи. Предположение это находилось в полном противоречии с укладом крестьянской семьи и касалось, по существу, вовсе не положения о видах на жительство, а узаконений о крестьянах, в силу которых надельная земля составляет не личную собственность домохозяина, а семейную собственность, фактически же оно нарушало крепость семьи, так как правилом действующего закона обеспечивался установившийся у крестьян обычай, что члены семьи, уходящие в отхожие промыслы, часть своего заработка обязаны были высылать домой. Можно было к этому положению относиться так или иначе, но отменить его вне всякой связи с общим положением, созданным законом для крестьян, было по меньшей мере странно, почему я против этого решительно и возражал. Впрочем, как известно, никакого изменения в положении о видах на жительство до самой революции произведено не было, хотя во многих своих частях его, конечно, давно следовало пересмотреть.

лено во главе комиссии о веротерпимости — гр. А. П. Игнатъев, который, кроме того, был назначен председателем комиссии по пересмотру положений об усиленной и чрезвычайной охране.

Реально работы всех этих комиссий дали ничтожные результаты. Одним лишь законам о печати посчастливилось. Выработанный комиссией Кобеко проект был рассмотрен Государственным советом почти накануне открытия Первой Государственной думы и действовал за сим до самой революции 1917 г. Впрочем, еще до образования комиссии о веротерпимости состоялся указ 17 апреля 1905 г., отменивший почти все стеснения, существовавшие для старообрядцев.

Не подлежит сомнению, что все меры, предположенные указом 12 декабря и отчасти осуществленные на его основании, были по существу не только разумны, но настоятельно необходимы. Законы о печати у нас устарели*. Положения об охранах, в сущности, заключали лишь несколько статей, фактически узаконивающих нарушение административной властью всех законов, ограждающих неприкосновенность личности и жилищ. Законы о старообрядцах давно лишились всякого государственного значения и являлись ничем не оправдываемым утеснением наиболее преданных народным устоям элементов. Что же касается упрочнения законности в стране, то нарушение ее зависело от

внедрившихся обычаев и порядков и могло быть обеспечено простым применением тех самых действующих законов, пересмотром коих при этом занялись. Впрочем, в этой области сколько законы ни изменяй, но если общество не доросло до самозащиты от произвола власти, он неминуемо будет проявляться.

Все это так, и тем не менее, невозможно согласиться с Витте, говорящим в своих воспоминаниях, что указ 12 декабря 1904 г. «мог бы способствовать успокоению революционного настроения, если бы он получил быстрое, полное, а главное искреннее осуществление».

Действительно, сколь бы далеко ни пошла государственная власть в порядке осуществления начал, изложенных в указе 12 декабря, требования, предъявлявшиеся ей к тому времени общественностью, она осуществить все-таки бы не могла, а если бы действительно осуществила, то привела бы очень скоро к собственному свержению. Последнее доказала в полной мере как попытка идти по этому направлению тотчас после издания Манифеста 17 октября 1905 г., так и фактическое осуществление безграничной свободы Временным правительством 1917 г., весьма успешно давшим себя уничтожить уличной черни, предводительствуемой беспринципными антигосударственными элементами.

* В изданном в 1873 г. положении о печати имеется, между прочим, статья 140, на основании которой министр внутренних дел имеет право «воспрепятствовать обсуждению или оглашению в печати вопросов государственной важности». В мотивах к этому закону было оговорено, что «право это может быть применимо лишь в случаях крайне редких». Таких «редких» случаев оказалось, однако, к 1 января 1905 г. 564, иначе говоря, в среднем через каждые 20 дней, причем со временем случаи эти все учащались и за последние к тому времени годы повторялись в среднем каждые 13 дней. Любопытно, что таким «во-Р^осом государственной важности» уже в 1905 г., когда страна была охвачена революционным психозом, был признан вопрос о том, должны ли танцовщицы в балете брить себе волосы под мышками или нет.

Коренная ошибка всех мер, принятых кн. Мирским и отчасти осуществленных Витте, состояла не в них самих, а в том, что они проводились не с целью усовершенствовать государственный порядок, а ради успокоения оппозиционной общественности, и притом в виде уступок ее требованиям.

Не начини кн. Мирский своего управления провозглашением ничем не обусловленного «доверия» обществу, не разрешай он ноябрьского земского съезда, а осуществи по почину самой государственной власти реформы, проведенные в силу указа 12 декабря, и эти реформы были бы всеми государственными элементами страны приветствованы. Но выпустить из рук инициативу реформ, дать возможность оппозиции провозгласить свою программу и затем ограничиться частичным ее исполнением — это значило лишь проявить свою слабость и не уменьшить, а усилить натиск оппозиции.

В результате общественное брожение поднималось как пена в бокале шипучего вина и тянуло за собою те революционные подонки, которые до тех пор таились в подполье, а ныне, смешавшись с этой пеной, стали смело и даже нагло выступать наружу. Возобновились и массовые студенческие беспорядки и демонстрации, совсем было за последние перед этим годы прекратившиеся. В Петербурге они, однако, не приняли широких размеров, но зато в Москве в декабре месяце они настолько разрослись, что пришлось для водворения порядка в городе вызывать кавалерийские части.

Не дремали, разумеется, при этом и революционные элементы, однако деятельность их в эту пору в смысле влияния на рабочие и вообще народные массы не имела еще ощутительных результатов. Толчок народному движению, проявившемуся в Петербурге в начале января 1905 г., был дан организациями, возглавляемыми агентами правительства, alias43 агентами уже устранившегося, но оставившего на местах своих сотрудников Зубатова.

Одновременно падал престиж власти. Последнему, естественно, содействовало содержание опубликованных в то время Витте журналов Комитета министров по разработке указа 12 декабря. Коль скоро правительство, уподобившись провинившемуся школьнику, стало плаксиво каяться в своих разнообразных винах и сопровождать это покаяние чуть ли не клятвенными обещаниями, что впредь оно будет себя вести примерно, то у общественности, естественно, исчез по отношению к нему не только какой-либо страх, но и уважение. Власть сама себя развенчивала и утрачивала то обаяние, на котором во всех странах и во все времена зиждется преимущественная ее сила. Общество, наоборот, приобретало уверенность в себе и, почуяв свободу, закусило удила и бессознательно мчало страну стремглав в революцию, хотя в наиболее культурной своей части революции не только не желало, а, наоборот, весьма ее опасалось.

Словом, страну охватил революционный психоз, и удержать его распространение и разрастание правительство уже никакими мерами и никакими уступками не было в состоянии, так как вопрос шел о самом его бытии.

Государь, отнюдь не лишенный наблюдательности, проявил в данном случае большую прозорливость, нежели его советники. Он ясно увидел, что деятельность Витте в области проведения политических реформ порождает не успокоение общественности, а, наоборот, ее вящее возбуждение, и, по обыкновению, мягко и действуя косвенными путями, поспешил устранить его от этого дела. С этой целью государь созвал в начале января по поводу все усиливающегося в стране революционного брожения Совет министров — учреждение, действующее по закону под председательством самого монарха, и по его окончании сказал, что он желает, чтобы впредь все важнейшие вопросы общего значения, возбуждаемые министрами, обсуждались именно в этом Совете, причем назначил своим заместителем на председательском кресле старшего члена Совета, председателя Департамента государственной экономики Государственного совета, гр.Сольского.

Таким образом, Комитет министров был вновь ограничен в своей деятельности рассмотрением текущих маловажных вопросов, а его председатель Витте лишен роли политического руководителя министерской коллегии. Витте слишком натянул струну и мог себе не без основания сказать: «Сорвалось».

Что же касается кн. Мирского, то он тотчас после провала его всеподданнейшего доклада на совещании у государя добровольно устранил себя от всякой политической деятельности, да и вообще как-то скис и превратился в пустое место.

Глава 3 Положение крестьянского вопроса во время управления кн. Мирским Министерством внутренних дел

Назначение Н.Н. Кутлера товарищем министра внутренних дел • Директор департамента общих дел Э.А. Ватаци • Записка Витте по крестьянскому вопросу • Обсуждение этого вопроса в сельскохозяйственном совещании • Состав этого совещания и роль в нем Витте • Вопрос о мелкой земской единице • Циркулярное письмо кн. Мирского 31 декабря 1904 г. губернаторам • Вопрос о земельной общине в сельскохозяйственном совещании • Роль в этом совещании Горемыкина *Д.Ф. и В.Ф. Треповы • Закрытие сельскохозяйственного совещания по укреплению крестьянского землевладения под председательством Горемыкина

Фактическое отсутствие руководителя внутренней политики ощущалось, разумеется, как в общем ходе событий, так в особенности в Министерстве внутренних дел, превратившемся в одну из правительственных инстанций по разрешению текущих дел, причем отдельные его департаменты фактически преобразовались в самостоятельные учреждения, не связанные между собою никакой общенаправляющей их волей. Быть может, с особой яркостью сказалось это в делах, подведомственных земскому отделу, иначе говоря, в крестьянском вопросе, разрешение которого, в его главных чертах, захватил Витте, поставивший его на разрешение председательствуемого им сельскохозяйственного совещания.

Первоначально в этом вопросе Мирский намеревался, по-видимому, идти в фарватере Витте и кн. Оболенского. По их настоянию взял он себе в товарищи на вакантную должность, занимавшуюся Стишинским, т.е. заведующего крестьянскими учреждениями, Н.Н. Кутлера.

Признаюсь, я усиленно возражал против этого назначения; мне вовсе не хотелось получить в качестве шефа лицо, с которым я в течение двух лет усиленно препирался в различных комиссиях, а в особенности допустить властное хозяйничанье Витте в области, которую я ревниво оберегал от постороннего воздействия. Что именно в этом состоял смысл назначения Кутлера, я, конечно, не сомневался. Убедить Мирского мне, однако, не удалось, но к вящему моему

изумлению состоявшееся 20 ноября 1904 г. назначение Кутлера решительно никаких последствий, в нежелательном для меня смысле, не имело. Кутлер даже не приложил никаких стараний приобрести влияние на направление деятельности, будто бы подведомственных ему частей Министерства внутренних дел и вполне удовлетворился безоговорочным подписыванием всех посылаемых ему к подписи бумаг. Последнее весьма обрадовало служащих земского отдела, которым щепетильная добросовестность и придирчивость к мелочам Стишинского в достаточной мере надоели, так как они обуславливали необходимость по поводу чуть ли не каждой бумаги иметь с ним продолжительные объяснения. Что же касается моих личных отношений с Кутлером, то они, можно сказать, вовсе не существовали. При моих докладах министру он не присутствовал, и все имеющие сколько-нибудь принципиальное значение дела по земскому отделу шли мимо него.

Припоминаю, однако, один довольно типичный разговор с ним. По какому-то поводу я сказал, что земский отдел не обладает достаточными средствами для оплаты экстренных работ. Кутлер выразил свое крайнее изумление. По его мнению, таких средств у отдела должно было быть весьма много, так как в его распоряжение, конечно, поступают все суммы из кредита, назначенного на содержание местных крестьянских учреждений, оставшиеся неизрасходованными к концу года вследствие незамещения в течение года некоторых из этих должностей, общее число коих превышало шесть тысяч. Я ответил, что этими суммами, как ассигнуемыми по другому параграфу сметы Министерства внутренних дел, нежели по которому ассигнуются средства на содержание самого отдела, последний распорядиться не может. «Это ничего не значит, — ответил Кутлер, — в таком же положении находится департамент окладных сборов Министерства финансов по отношению к содержанию податной инспекции, но мы тем не менее остающимися к концу года неизрасходованными средствами, ассигнуемыми на ее содержание, в департаменте всегда пользуемся. Я вам это устрою, т.е. покажу, как это сделать».

Разговор этот, не имевший, впрочем, не помню почему, никаких реальных последствий, убедил меня в том, что Кутлер легко принимает окраску того учреждения, в котором в данное время состоит, и быстро воспринимает типично ведомственный патриотизм.

Свойство это, на мой взгляд, было у Кутлера наиболее типичным и ярко сказалось во всей его последующей деятельности. Добросовестный работник, точный исполнитель чужих мыслей и указаний, он лишен был собственных твердых убеждений и взглядов и не только легко приспособлялся ко всякой обстановке, но быстро проникался окружающей его атмосферой господствующими в ней течениями. Стоя во главе ведомства землеустройства и земледелия, он первоначально отстаивал интересы крупного сельского хозяйства и рентного землевладения, когда же получил приказание составить проект принудительного отчуждения части частновладельческих земель, то добросовестно и это исполнил.

Вынужденный вследствие провала этого проекта и предательства Витте, приписавшего ему инициативу составления этого проекта, оставить государственную службу, он вообразил себя кадетом и в качестве члена Второй Государственной думы составил новый проект на ту же тему, причем принялся провозглашать социалистические принципы. Не будучи избран членом Третьей Государственной думы, он присоединился к банковской деятельности и здесь превратился в горячего защитника интересов капитала и крупной промышленности. Дальнейшую эволюцию он испытал по избрании, после Февральской революции 1917 г., председателем постоянного совета съездов промышленности и торговли. Здесь он оказал содействие образовавшемуся в то время Союзу землевладельцев выдачей ему довольно значительного пособия из сумм, находившихся в распоряжении этого совета. Однако верх приспособляемости Кутлер выказал, когда при большевиках превратился в управляющего Государственным банком, которым пренебрежительно, но, вероятно, вполне добросовестно правил до самой смерти.

Таков был Кутлер, и, следовательно, неудивительно, что проводником политики Витте, коль скоро он вышел из его подчинения, он сделаться не мог. Значительно менее понятно, что Мирский, взяв Кутлера с целью проводить в крестьянском вопросе мысли, навеянные ему Оболенским, не только перестал интересоваться этим вопросом, но с Кутлером совершенно не сошелся и в проводимую им политику его вовсе не посвящал.

Доверенным лицом Мирского в Министерстве внутренних дел был Э.А. Ватаци, назначенный им директором департамента общих дел. С Ватаци Мирский познакомился еще при управлении Северо-Западным краем, где Ватаци при нем занимал должность ковенского губернатора, откуда был переведен на ту же должность в Харьков. Начал свою служебную карьеру Ватаци комиссаром по крестьянским делам в одной из губерний Царства Польского и там пользовался репутацией весьма деятельного и знающего работника и человека, желающего себе пробить дорогу к степеням известным. Лично я никогда не мог составить себе о нем определенного мнения, производил же он на меня впечатление человека, бесспорно, неглупого, но не имеющего определенной политической физиономии, ограничивающегося старательным исполнением порученного ему дела и не преследующего никаких вперед намеченных задач и тем более широких государственных целей. Службой, которая была источником его существования и на которой он хотел пробиться на жизненный простор, он очень дорожил и потому старался быть в ладу как с начальством, так и со всей окружающей средой, что, впрочем, отвечало его природному добродушию. К интригам Ватаци не был склонен и карьеру свою основал на добросовестной работе и на следовании господствующему в данное время течению и взглядам ближайшего начальства. Энергией Ватаци тоже не отличался или как-то рано ее утратил, и хотя стремился на первые роли, но сколько-нибудь широкой инициативы не проявлял.

В сущности, Мирский и Ватаци характерами были весьма схожи и вообще подходили друг к другу. Оба преисполненные лучших намерений и неспособные не только к активной борьбе с кем бы то ни было, но даже и к отпору на произведенный на них с любой стороны натиск; они оба не чужды были политической маниловщины. Понятно, что при таких условиях Ватаци не мог помочь Мирскому бороться с Витте в стремлении последнего отнять у Мирского всякое политическое значение.

В результате получилось то, что Мирский довел свое равнодушие к крестьянскому вопросу до такой степени, что даже не принял никакого участия в его рассмотрении в сельскохозяйственном совещании. Наоборот, Витте проявил здесь свою обычную энергию.

С величайшей поспешностью была составлена по его указанию сводка заключений местных сельскохозяйственных комитетов по крестьянскому вопросу, что, впрочем, облегчалось тем обстоятельством, что так как вопрос этот прямо комитетам не был предложен, то многие из них его вовсе не рассматривали. Затем сам Витте счел целесообразным заранее высказать те начала, которые, по его мнению, должны быть проведены в новых узаконениях о крестьянах. В талантливой записке по крестьянскому делу, написанной по его поручению А.А. Риттихом, проводилась та основная и до бесспорности правильная мысль, что законодательство страны должно стремиться к объединению всех граждан под действием одних общих законов и одних общих административных и судебных установлений. Отсюда делался вывод, что пересмотр узаконений о крестьянах должен иметь в виду по меньшей мере их сближение с остальными сословиями в порядке управления и суда, а отнюдь не дальнейшее и вящее разобщение.

Однако вопрос о крестьянском землепользовании, т.е. об общинном Падении земель, обсуждался в записке, так сказать, лишь попутно и никаких конкретных разрешений не заключал.

В крестьянском вопросе Витте в то время очевидно усматривал прежде всего и едва ли даже не исключительно его политическую, а не экономическую сторону.

Такое странное для экономиста Витте направление мысли объяснялось, вероятно, тем, что и в самом изменении гражданского положения крестьянства он не без основания усматривал могущественный способ оживления экономической деятельности сельских народных масс. Зависело это в особенности от его весьма недостаточного знания особенностей крестьянского быта. Наконец, тому же, несомненно, содействовало и то, что передовая общественность, становясь все более единомышленной в вопросе о слиянии крестьян с другими сословиями в порядке управления и суда, в вопросе о земельной общине продолжала держаться разных взглядов.

Рассмотрение крестьянского вопроса в сельскохозяйственном совещании Витте обставил весьма торжественно и даже стремился придать ему ученый характер.

Приглашены были им профессор А.С. Посников, Петражицкий, Пихно, Гулевич, причем и здесь создавалось то направление, которое он хотел дать суждениям совещания: среди приглашенных им профессоров не было ни одного, высказывавшегося за разрушение общины, но зато был такой горячий защитник этой формы землепользования, как А.С. Посников, написавший по этому вопросу несколько ученых исследований⁴⁵. Наоборот, в вопросе об упразднении сословной, в порядке управления и суда, обособленности крестьян среди приглашенных представителей нашей профессуры не было разногласия. Исключение составлял вопрос о полном прекращении применения судом крестьянского обычного права. В этом вопросе даже столь выдающийся в области гражданского права юрист, как профессор Петражицкий, высказывался нерешительно, основываясь при этом на любимой им теории построения законов гражданских на почве врожденного у человечества интуитивного права.

Из бюрократического мира в совещании участвовали едва ли не все лица, почитавшиеся знатоками в области крестьянского права. Были тут и сторонники существующего порядка, имея во главе престарелого участника реформы 1861 г. П.П. Семенова-Тянь-Шанского. К ним принадлежали И.Л. Горемыкин, Н.А. Хвостов — обер-прокурор 2-го департамента Сената и, конечно, А.С. Стишинский. Но были и горячие приверженцы решительного отступления от положений 19 февраля 1861 г., как то: сенатор М.А. Евреинов, печатно ратовавший за всесословную волость, А.П. Никольский, автор статей «Крестьяне, община и X том», и, разумеется, кн. А.Д. Оболенский, обнаруживший и здесь присущую ему запутанность мыслей и понятий.

О степени той важности, которую придавали решениям совещания по крестьянскому вопросу, можно было судить по присутствию бывшего министра двора гр. Воронцова-Дашкова, лишь редко достаивавшего своим посещением даже заседания Государственного совета, членом коего он состоял. Наконец, постоянными участниками заседаний совещания были введенные в его состав министры Ермолов — земледелия, Муравьев — юстиции и Коковцов — финансов.

Заседания совещания происходили два раза в неделю по вечерам в большом зале совета министра финансов и собирали до 60 человек кроме обширной канцелярии, насчитывавшей десятки лиц. Управляющим делами совещания был первоначально И.П. Шипов — директор департамента государственного казначейства, а впоследствии министр финансов в кабинете Витте. Однако, когда Витте примкнул к мысли об уничтожении земельной общины, Шипов — сторонник этой формы землепользования был заменен А.И. Путиловым, приверженцем принципа личного землевладения.

Сам Витте появлялся в зале заседаний, лишь когда ему докладывали, что совещание в полном сборе, и, поздоровавшись лишь с лицами, находившимися на его пути к председательскому креслу, тотчас открывал прения. Держал себя при этом Витте хотя по обыкновению просто, но властно и как бы по-хозяйски. Так, на столе заседаний перед ним стоял особый хрустальный в металлической оправе ящик с папиросами, а сам он появлялся с четками, обернутыми на руке, которые он медленно, но почти беспрестанно перебирал. Словом, Витте держал себя с домашней непринужденностью и, выказывая несколько подчеркнутую внимательность представителям профессуры, относился в общем ко всем членам совещания и высказываемым им мнениям совершенно одинаково, не делая между ними различия в зависимости от занимаемого ими служебного положения.

Сказать, что Витте обладал даром председательствовать и умением вести прения, однако, нельзя. Происходившие собрания были чрезвычайно интересны, но зависело это от самого масштаба обсуждавшихся вопросов, равно как от несомненно выдающегося в преобладающем большинстве состава участников совещания, но планомерностью происходившие прения не отличались. Крестьянский вопрос был разделен на его три составные части — общественное управление, сословный суд и землепользование, но так как каждая часть была весьма сложна и обширна, то одновременно в одном и том же заседании произносились пространные речи по различным сторонам обсуждаемой части вопроса. Сводки высказанных мнений при этом Витте не формулировал, да это было и затруднительно, так как обсуждались не какие-либо конкретные положения, а более или менее отвлеченные голые принципы, что и придавало работе совещания привлекательную, но малопроизводительную академичность. Совещание это имело характер политического салона, обсуждающего вопросы широкой политики, а не государственного учреждения, рассматривающего какие-либо конкретные вопросы и имеющего целью провести в жизнь ту или иную определенную реформу и вырабатывающего с этой целью вполне реальные мероприятия и правила. Тем не менее ко времени окончания обсуждения каждой части программы занятий совещания канцелярия изготавляла как бы выжимку высказанных суждений, которая затем подвергалась новому но уже краткому обсуждению и затем голосовалась.

Влияние на принимаемые решения Витте, несомненно, оказывал, но преимущественно вне самых собраний, в порядке частных бесед с отдельными его членами. В самом совещании Витте высказывался мало или, вернее, кратко, не рискуя пускаться в подробное рассмотрение вопроса, досконально ему неизвестного и по которому он имел не столько обоснованное мнение, сколько ясно очерченное направление. Я хочу этим сказать, что он определенно стоял за упразднение крестьянской обособленности, но стоял на основании общих государственных соображений, а как это практически осуществить, ясно себе не представлял. Более определенно ему рисовалось слияние крестьян с другими сословиями в порядке местного самоуправления — путем образования мелкой земской единицы.

На этом вопросе, собственно, и сосредоточились суждения совещания по первой части его программы, причем, разумеется, с места обозначились два лагеря — большинства, высказывавшегося за всеобщую мелкую земскую единицу, и меньшинства, возражающего против этой мысли. Дело в том, что при внешней видимости вполне беспристрастного подбора состава совещания, так как в нем участвовали корифеи обоих существовавших в этом вопросе диаметрально противоположных направлений, фактически имелось обеспеченное большинство за решение вопроса в духе, желательном Витте.

Я уже упоминал, что Мирский в совещании фактически участия не принимал (если не ошибаюсь, он был лишь на двух заседаниях). Между тем по конструкции совещания министры принимали в нем участие лишь лично в числе персонально назначенных в его состав членов и поэтому заменить себя никем не могли. Ввиду этого юридически Министерство внутренних дел в разрешении совещанием крестьянского вопроса вовсе не участвовало, фактически же оно было представлено тремя лицами: Кутлером, Кривошеиным и мною. Само собою разумеется, что мы не получили никаких указаний от Мирского относительно той линии, которой должны держаться, а посему каждый из нас отстаивал свою личную точку зрения. Впрочем, Кривошей за все время высказался лишь однажды, да и то не по существу крестьянского вопроса, а по затронутому по ходу суждений вопросу переселенческому. Что же касается Кутлера и меня, то мы часто высказывали мнения противоположные.

Разномыслие это очень не нравилось Витте, как, вероятно, огорчало его и то, что Кутлер не оправдал возлагавшейся им на него надежды в смысле подчинения мнения Министерства внутренних дел в крестьянском вопросе его указке. В особенности сказалось это при рассмотрении вопроса о волостном суде. Витте желал связать в этом вопросе Мирского определенным заявлением в смысле полного упразднения этого суда. В этих видах он лично просил Мирского приехать на заседание совещания, на котором вопрос этот должен был рассматриваться, в чем Мирскому трудно было ему отказать. Во время этого заседания Мирский, однако, упорно молчал, пока Витте сам не обратился к нему с просьбой сказать, как смотрит на этот вопрос Министерство внутренних дел. Положение Мирского было очень тяжелое. Не принимая до тех пор участия в заседаниях совещания, не имея даже отчетливого представления, о чем идет речь, он смутился и сказал лишь немного слов, которые можно было понять как угодно, вернее, вовсе нельзя было понять, но которым Витте постарался тут же придать желательный ему смысл. Произошло это уже после того, как Витте вырвал у Мирского осуществление предположенных им либеральных реформ, а следовательно, когда Мирский уже утратил добрые чувства и доверие к Витте, чего, однако, по мягкости характера открыто ему не выказывал. Немудрено поэтому, что на следующий день после этого заседания Мирский мне сказал: «Говорите и отстаивайте, что хотите в совещании Витте, но я туда более не поеду; я отлично понимаю, что он просто хочет меня поймать. Вопрос до сих пор для меня не ясен, и вперед связывать себя каким-либо мнением я не могу».

Возвращаюсь, однако, к обсуждавшемуся в сельскохозяйственном совещании вопросу о мелкой земской единице. Из произведенного мною в течение предшествующего лета ознакомления с деятельностью волостных правлений в нескольких уездах трех различных по их особенностям губерний я пришел к убеждению, что местные хозяйственные интересы еще вовсе не будут обеспечены одним включением в состав волостных обществ всех проживающих в пределах волости и владеющих в них недвижимой собственностью лиц других сословий, хотя бы это и сопровождалось объединением мелких волостей в одну более крупную. Дело в том, что значительное Уменьшение числа волостных центров с соответственным увеличением территории отдельных волостей было бы сопряжено, в особенности при нашем бездорожье, с значительными неудобствами для населения, имевшего постоянную надобность обращаться по самым различным вопросам в волостные управления. Между тем превращение существующих крестьянских волостных обществ во всесословные для преобладающего большинства из них не имело бы никакого реального значения, так как в их пределах если и имелись недвижимые имущества лиц других сословий, то лишь в незначительном числе и ничтожной ценности; во многих волостях их и вовсе не было. Ввиду этого средства большинства волостей, необходимые для удовлетворения местных общественных нужд, остались бы по-прежнему совершенно ничтожными. Как я выразился в сельскохозяйственном совещании, большинство учрежденных таким путем всесословных мелких земских единиц имело бы достаточно средств разве для содержания волостного общественного петуха. Наоборот, единичные волости, случайно имеющие в своей черте либо обширные частновладельческие земельные имущества, либо крупные промышленные заведения, получили бы столь мощные от их обложения волостными сборами денежные средства, которые бы поставили их в слишком привилегированное положение по сравнению с другими волостями, и притом, несомненно, в ущерб им, так как при обращении этих средств на хозяйственные потребности более обширной территории ими бы воспользовались и соседние волости.

Со своей стороны, прельстился я в то время английской системой организации низших ячеек местного самоуправления, основанной на совершенно ином принципе. В Англии четыре основные отрасли местного хозяйства: школьное дело, лечебно-санитарная часть, благотворительность и дорожное дело — имеют каждая свои особые территориальные округа, площадь которых зависит от возможности удовлетворения этих нужд обитающим в их пределах населением и степенью его платежных сил. Так, заботы о школах сосредоточены в ничтожных по их размерам территориальных единицах; лечебно-санитарное дело ведается уже в более значительных по их пространству и населенности округах, так как та же больница может обслуживать население, живущее на большем от нее расстоянии, нежели ежедневно посещаемая школа. Еще в большем районе может успешно действовать благотворительная помощь, выражающаяся преимущественно в устройстве приютов, богаделен и тому подобных учреждений. Наконец, наибольших размеров достигают округа, ведающие

дорожным делом, что обуславливается как стоимостью дорожных сооружений, исполнять которые под силу лишь более или менее мощным по их платежным средствам общественным объединениям, так и самым существом этого дела, т.е. соединением путями сообщения не только ближайших местностей, но и более удаленных. Что же касается до остальных разнообразных общественных потребностей, то они ведаются более крупными объединениями, а именно графствами.

В отчете по произведенной мною ревизии, существенная часть которого заключала те общие выводы в отношении обеспечения местного благоустройства, к которым я пришел, эта схема была подробно развита, причем само собою разумеется, что предположенная мною первичная земская ячейка должна была явиться всеобщей. При этом я указывал, что крестьянская волость должна в таком случае превратиться в низшую, исключительно административную инстанцию, обслуживающую как общесословные, так и общегосударственные потребности, и как таковая должна быть в непосредственном ведении администрации и содержаться на общегосударственные средства, что не мешало бы сохранению за волостными должностями выборного начала.

Предложенная мною схема заинтересовала некоторых членов совещания, но ни к каким результатам это не привело.

Вообще, по мере хода работ совещания я все более убеждался, что ожидать от него каких-либо реальных последствий не приходится и что поставленная на эти рельсы реформа крестьянского законодательства затянется до бесконечности. Становилось все очевиднее, что непосредственная цель, которую в то время преследовал Витте, состояла в огульном, до их рассмотрения в центральных учреждениях, браковании проектов новых узаконений о крестьянах, выработанных в Министерстве внутренних дел, и передаче всего этого дела для новой разработки в какое-либо подведомственное Витте междуведомственное учреждение, хотя бы, например, в Комитет министров или в то же сельскохозяйственное совещание с учреждением при нем специального с этою целью рабочего органа. Такой оборот дела мне, разумеется, не нравился во всех отношениях; выпускать это дело из своих рук без борьбы я вовсе не намеревался. Я продолжал думать, что наиболее быстрым способом разрешения крестьянского вопроса, и притом не только в его общих, принципиальных чертах, но и в проведении соответственных законодательных актов, является дальнейшая разработка проектов Министерства внутренних дел, хотя бы и сопровождаемая существенными их изменениями. Но для того, чтобы этого достигнуть, необходимо было, чтобы рассматривавшие как раз в это время упомянутые проекты губернские совещания энергично продолжали свою работу.

Указ 12 декабря, оповещавший о рассмотрении крестьянского вопроса в совещании Витте и о том новом направлении, которое дается этому вопросу, не

мог не повлиять на работы этих совещаний, отнимая у них всякую охоту обсуждать проекты, как будто уже забракованные.

Сообразив все это, я убедил Мирского циркулярно сообщить всем губернаторам, что работы Министерства внутренних дел отнюдь не утратили своего значения и что скорейшее рассмотрение их на местах существенно важно, причем указал, что подобное оповещение губернских совещаний ввиду указа 12 декабря возможно и будет иметь значение лишь в том случае, если оно будет опираться на соответственном решении государя. Кн. Мирский, однако, не сразу на это согласился, и тут мне пришлось прилгнуть к содействию Ватаци, который был не прочь отомстить Витте за то, что он вырвал у кн. Мирского осуществление его предначертаний в области общей политики. Конечно, кн. Мирский и Ватаци вполне сознавали, что предположенная мера будет прямым ударом, по сельскохозяйственному совещанию, поскольку оно занималось крестьянским вопросом, а в особенности по самому Витте, уже торжествовавшему победу в той давней борьбе, которую он вел в этом вопросе с Министерством внутренних дел.

В абсолютной тайне был составлен особый всеподданнейший доклад по этому делу и одновременно заготовлен проект циркулярного письма губернаторам. Доклад этот был представлен кн. Мирским государю 31 декабря 1904 г.; в тот же день циркулярное письмо губернаторам было министром подписано и тотчас сдано в «Правительственный вестник». Оно появилось в новогоднем его номере, всегда получавшем исключительное распространение, так как он заключал обычно жалуемые к 1 января награды.

В письме этом, указывавшем, как сказано, что оно составлено соответственно указаниям верховной власти, заключалась фраза, что основным материалом при окончательной разработке крестьянского законодательства послужат заключения губернских совещаний, как «высказываемые людьми, специально к тому призванными, близко стоящими к сельскому населению и вполне ознакомленными с его особенностями». Фраза эта приобретала особое значение в связи с упоминанием в письме об обсуждении крестьянского вопроса в сельскохозяйственном совещании, которому, таким образом, придавалось лишь второстепенное значение.

Наряду с этим в заключительной части этого письма разъяснялось, что губернским совещаниям должна быть предоставлена должная свобода суждений, так как от них «важно получить не одобрение посланных на их заключение проектов, а выражение действительных, господствующих по сим вопросам в среде людей, ознакомленных с сельским бытом, взглядов и мнений».

Само собою разумеется, что письмо это произвело на членов сельскохозяйственного совещания впечатление разорвавшейся бомбы, причем одни — меньшинство — его горячо одобряли, а другие — резко и страстно критиковали. Что же касается Витте, то он был им в высшей степени расстроен и

на первом же после его появления заседании совещания выказал мне подчеркнутую холодность. Не сомневаюсь, что он наговорил по этому поводу много неприятностей Кутлеру, который не сумел укараулить интересов Витте в Министерстве внутренних дел, хотя специально был для этого туда посажен. Сужу я об этом потому, что первоначально Кутлер, хотя, разумеется, не посвященный в тайну составления этого письма, не был им вовсе возмущен, находя вполне естественным, что ведомство отстаивает значение произведенных в нем работ, а через несколько дней выказывал уже иное к нему отношение. Само собою разумеется, что занятия сельскохозяйственного совещания тем не менее продолжались и наконец дошли до рассмотрения вопроса о земельной общине*. Постановка вопроса о земельной общине в последнюю очередь уже сама по себе свидетельствовала о недостаточном понимании Витте сущности всего крестьянского вопроса, так как только при его предварительном разрешении можно было разрешить тесно с ним связанные вопросы крестьянского общественного управления и суда, а в особенности применения судом крестьянского обычного права. Свидетельствовала она также, что Витте придавал этому вопросу лишь второстепенное значение.

Вопрос об общине, как я уже неоднократно говорил, представлялся мне центральным не только во всем строе крестьянской народной жизни, но даже для всего как политического, так и экономического будущего государства. Поэтому я воспользовался первой возможностью высказать по этому поводу мой взгляд до конца. В пространной речи я изложил все те основания, по которым мне представлялось, что община отнюдь не является особенностью, присущей русскому крестьянству, а просто примитивная форма землепользования, через которую прошли все народы в известной стадии их экономического развития. Закончил я свое изложение перечислением тех конкретных мер, которые необходимо тотчас принять для скорейшего перехода всего крестьянства к личному, по возможности обособленному, землевладению и землепользованию, меры, которые впоследствии вошли в указ 9 ноября 1906 г. о праве выхода крестьян из общины.

Витте слушал мои объяснения с величайшим вниманием, причем, закрыв ввиду позднего времени заседание тотчас по окончании моей речи, демонстративно ко мне подошел и, пожимая мою руку, сказал: «Я с вами вполне согласен». Вообще, я должен сказать, что с тех пор отношение ко мне Витте значительно изменилось, и мне пришлось впоследствии с ним неоднократно вполне дружелюбно беседовать на разнообразные темы.

Суждения совещания по вопросу о земельной общине приняли, однако, затяжной характер. За ее сохранение высказывались с особою горячностью профессор Посников, Стишинский, Хвостов и, насколько помню, член Государственного совета Калачев, почитавшийся знатоком крестьянского обычного права; за ее немедленное разрушение, в сущности, никто не стоял. Перечислял своим невероятно скрипучим голосом недостатки общины А.П. Никольский,

заменивший впоследствии Кутлера на должности главноуправляющего землеустройством и земледелием, но никаких конкретных мер, направленных к ее упразднению, он, однако, тоже не предлагал.

* Произошло это уже после отставки кн. Мирского и назначения министром внутренних дел А.Г. Булыгина, но так как последний, насколько помнится, даже не был введен в состав сельскохозяйственного совещания и, во всяком случае, участия в нем не принимал и даже по его поводу со мною не разговаривал, то для последовательности и Цельности описания деятельности этого совещания закончу его здесь, в главе, посвященной мною министерству кн. Мирского.

Вообще в этом вопросе не только бюрократия, но и общественность проявляли какую-то странную робость. Число лиц, сознававших и, главное, признававших все отрицательные стороны общинного землевладения, было более чем значительно, но число решившихся высказаться за энергичные меры, направленные к разрушению общины, было совершенно ничтожно. Так, среди множества уездных сельскохозяйственных комитетов не было ни одного, поставившего этот вопрос ребром и осмелившегося его определенно разубить. Земельная община представлялась каким-то фетишем, и притом настолько свойственной русскому народному духу формой землепользования, что о ее упразднении едва ли даже можно мечтать. К числу таких лиц в течение долгого времени, несомненно, принадлежал и Витте, чем и объясняется, что центр тяжести крестьянского вопроса он переносил в его политическую плоскость. Наконец, за общину усиленно стояли социалисты всех толков, а русская общественность, даже в той ее части, которая не была заражена социалистическими утопиями, все же не смела высказаться за меры, которые будто бы противоречили благу народных масс. Да, социалистические учения у нас многими признавались за неосуществимые, но если бы они могли быть постепенно осуществлены — за отвечающие интересам большинства человечества, и очень мало лиц постигало в полной мере, что идея всеобщего человеческого во всех отношениях материального равенства не только утопична, но и вредна и ведет не к улучшению условий человеческого существования, а к их ухудшению. Никак не хотели признать глубокой правоты старого римского изречения «*humanum pusillus vivit genus*» («род людской живет немногим») и что правление всех ведет не к повышению уровня человеческой деятельности, а к ее понижению решительно во всех ее областях, как материальных, так и духовных. В особенности же считалось у нас непристойным высказываться за такие меры, которые по духу своему были антисоциалистичны. Робость нашей общественности в вопросе об упразднении общины во многом зависела от этого.

Вопрос об общине был тем более сложный, что с ним был тесно связан и вопрос о семейном и личном владении крестьян землей. Я, разумеется, не стану входить во все подробности этих сложных вопросов и отношения к ним

сельскохозяйственного совещания, тем более что все высказанные в его среде по их поводу мнения воспроизведены, как вообще все суждения совещания по крестьянскому вопросу, в изданных и, насколько помню, поступивших в продажу стенографированных протоколах. К сожалению у меня ныне нет в моем распоряжении и этих протоколов, как и вообще преобладающего большинства документов, относящихся до описываемого времени, что существенно препятствует более подробному и всестороннему его изображению. Приходится поневоле полагаться почти исключительно на свою память, которая, как известно, часто изменяет человеку. Думаю, впрочем, что во всем мною до сих пор описанном она мне, вероятно, изменяла в смысле некоторой неполноты картины, которую я стремлюсь воспроизвести, но не в смысле точности передаваемого мною.

Итак, я сказал, что суждения по вопросу о земельной общине затянулись в совещании Витте: начатые, если не ошибаюсь, еще в начале февраля 1905 г., они к концу марта не были закончены, а между тем 30 марта совещание, далеко не закончившее своих трудов, было внезапно закрыто. История этого закрытия не лишена некоторого интереса.

Дело в том, что с кончиной Плеве, конечно, не исчезли все как политические, так и личные враги Витте. Среди них наиболее сильным, упорным и умеющим спокойно и настойчиво преследовать поставленную им себе цель был И.Л. Горемыкин, некогда, еще в 1899 г., лишившийся под влиянием Витте портфеля министра внутренних дел и царского благоволения. Состоя с тех пор лишь членом Государственного совета, и притом участвующим лишь в общих его собраниях, Горемыкин лишен был возможности сколько-нибудь деятельно бороться с Витте. Назначенный в состав сельскохозяйственного совещания, Горемыкин, коль скоро это совещание приступило к обсуждению крестьянского вопроса, стал его неукоснительно посещать и хотя, по своему обыкновению высказывался в нем мало, но, однако, определенно выражал свое несочувствие тому направлению, которое стремился дать разрешению этого вопроса Витте. Едва ли, однако, ему удалось бы достигнуть своей цели, т.е. свалить Витте и одновременно самому так или иначе вернуться к активной деятельности, если бы Витте сам к этому времени не лишился доверия престола. Произошло это приблизительно к концу января 1905 г. на почве осуществления указа 12 декабря 1904 г. Но в особенности помогло Горемыкину назначение петербургским генерал-губернатором Д.Ф. Трепова, скоро приобретшего влияние у государя. Дело в том, что с братом его В.Ф. Треповым, бывшим во время управления им Министерством внутренних дел Директором департамента этого министерства, Горемыкин был весьма близко знаком.

Два слова об этих двух братьях. Д.Ф. Трепов был, по существу, прекрасный человек. Порядочный во всех отношениях, он посвящал все свои силы поручаемому ему делу и стремился принести на нем наивозможно большую пользу, но в особенности отличался он непоколебимой и беззаветной

преданностью особе государя. В сущности, Россия если для него существовала, то лишь на втором плане, а впереди нее была династия. Словом, он был типом того гвардейского офицера, который составлял идеал германского императора Вильгельма II, а именно человек, готовый идти против всех и вся и в том числе и против самых близких ему по крови, если на то последует приказ его повелителя или вообще этого потребуют, по его представлению, интересы монарха. Но этим и ограничивались его достоинства. Достаточно в умственном отношении ограниченный, он, кроме того, был в высшей степени невежествен.

Закончив свое образование в училище, где, по выражению Щедрина, все науки проходят верхом, он с этих пор, кроме устава кавалерийской службы, едва ли открыл какую-нибудь книгу. Однако и это было бы терпимо, если бы не другие его особенности: действительно, во все времена существовали вполне сносные администраторы, не отличавшиеся ни исключительным умом, ни образованием, но обладавшие зато здравым смыслом, твердой волей, не задававшиеся какими-либо широкими задачами, а ограничивающиеся добросовестным исполнением своей прямой обязанности — охранением общественного порядка и спокойствия. Совершенно иного типа был Д.Ф. Трепов. Принадлежал он к числу тех ограниченных, но весьма честолюбивых людей, которые совершенно не сознают своей ограниченности, ничтоже сумняся берутся за всякое дело, и притом постоянно хватаются за исполнение самых вздорных, случайно пришедших им в голову или навеянных другими идей. Если к этому прибавить, что никакой устойчивостью ни мысли, ни образа действий он не отличался и легко поддавался панике, то легко будет понять, что более неподходящего человека для исполнения сложных обязанностей государственного характера, да к тому же в революционное время, нельзя было выбрать.

Сочетание ограниченности с крайним невежеством, с одной стороны, и легкая увлекаемость новыми мыслями, с другой, приводили на практике к самым неожиданным результатам. Свойства эти побуждали Д.Ф. Трепова предпринимать такие действия, которые в корне противоречили единственно крепко в нем заложенному чувству — глубокому и искреннему монархизму. Обнаружилось это в полной мере весной 1906 г., когда под влиянием страха за династию он пустился в переговоры с кадетами, осаждавшими власть в Первой Государственной думе.

При всем том надо сказать, что при поверхностном знакомстве с ним Д.Ф. Трепов первоначально производил приятное впечатление. Благовоспитанность форм и чрезвычайная искренность тона, при полной готовности — это ясно чувствовалось — воспринять мысль своего собеседника, скрывали до поры до времени его глубокое невежество, а в особенности неспособность длительно останавливаться на какой-либо мысли и сколько-нибудь тщательно ее обсудить. Крылатое слово, пущенное про него с трибуны Государственной думы кн. С.Д. Урусовым, — «вахмистр по образованию и погромщик по призванию» — в корне неверно. Даже Витте, в своих воспоминаниях отзывающийся весьма нелестно о Д.Ф. Трепове, отрицает, что он был охотником до погромов и вообще до дикого

насилия. Я скажу, что он не был и вахмистром. Образование его было действительно немногим большее, нежели у вахмистра, но отличительными для вахмистра свойствами — прямолинейностью и тонким пониманием своих прав и обязанностей — он вовсе не отличался. Наоборот, он постоянно хотел достигнуть преследуемой цели и осуществить возложенные на него обязанности не обыкновенным рутинным, единственно доступным для преобладающего числа людей способом, а какими-то особыми, сложными и новыми путями. Не считался он при этом ни с какими установленными порядками и даже законами. Последнее развилось у него, несомненно, в бытность его обер-полицмейстером в Москве, где под всеильной защитой великого князя Сергея Александровича, занимавшего должность генерал-губернатора, он привык не считаться ни с чем и ни с кем и столь же свободно нарушать права частных лиц, сколь игнорировать распоряжения, исходящие из центрального управления Министерства внутренних дел.

Иной человек был В.Ф. Трепов, бывший в описываемое время сенатором 1-го (административного) департамента, а перед тем — таврическим губернатором.

Немногим более образованный, нежели Д.Ф., совершенно не склонный к отвлеченным рассуждениям, он отличался большим природным здравым смыслом, практической сметкой и деловитостью при железном характере и исключительной напористости в достижении преследуемой цели. Столь же убежденный консерватор и, разумеется, монархист, как и брат его, он все же видел в монархии не самоцель, а служебное начало для блага родины. При этом он вполне понимал, что сохранить единодержавный строй, разрушив те основы, на которых он зиждется, невозможно. Такой основой, в представлении В.Ф. Трепова, был существовавший в России сословный строй, правда, с каждым днем все более разрушавшийся и на деле во многих отношениях проявлявшийся лишь в различных, разбросанных в 16 томах Свода законов постановлении, но все же сохранивший свою внешнюю видимость. Вследствие этого, когда Витте пустился в крикливую критику порядка вещей в империи и провозгласил необходимость слияния крестьян с прочими сословиями, В.Ф. Трепов вполне примкнул к стремлениям Горемыкина окончательно сломить шею Витте и, но возможности, захватить разрешение крестьянского вопроса в свои руки.

В результате получилось то, что сокровенным центром борьбы с Витте явилась квартира Горемыкина. Здесь, в тесном кружке, к которому присоединился Кривошей, осуждались все действия Витте и обсуждались способы его устранения. Центр этот просуществовал довольно долго, а именно до весны 1906 г., т.е. до увольнения Витте от должности председателя Совета министров и назначения на его место Горемыкина. Действовал этот кружок через Д.Ф. Трепова, причем впоследствии тут составлялись особые записки, предназначенные для государя, а в некоторых случаях имеющие целью вразумить лишь самого Д.Ф. Трепова.

Действительно, хотя В.Ф. Трепов и имел влияние на своего младшего брата, но далеко не безграничное. Последний, как большинство слабовольных людей, боялся чужого влияния и, когда подозревал, что им хотят управлять, проявлял значительное упрямство. Подходить к нему надо было умеючи, оберегая его самолюбие и отнюдь не действуя на него нахрапом. Между тем В.Ф. Трепов, по свойствам своего горячего темперамента и несдержанного характера, не был способен на дипломатические подходы, в особенности к родному, да притом еще младшему, брату. Надо было дополнить непосредственное воздействие на Д.Ф. еще чем-либо иным. Вот в таких-то случаях и прибегали к особым запискам, написанным академически и в мягких тонах. Для составления этих записок был привлечен Кривошеиным Н.В. Плеве — человек определенно тупой, но хорошо владеющий пером и умеющий излагать и даже развивать чужие мысли. Но это было уже несколько позднее, а именно во время премьерства Витте, когда Д.Ф. Трепов состоял дворцовым комендантом и имел, следовательно, возможность ежедневно видеть государя.

В описываемое время центр этот только что образовался, но тем не менее весьма скоро добился существенного успеха. Руководимый хитроумным Улиссом — Горемыкиным, он сумел использовать усиливавшееся у государя недоверие к Витте, когда последний пустился в своеобразное исполнение предначертаний указа 12 декабря 1904 г., чтобы окончательно его свалить. Началось это с того, что Горемыкин принялся в сельскохозяйственном совещании уличать Витте в непоследовательности и в том, что он ныне усиленно порицает те самые меры правительства, которые он же сам в свое время защищал и проводил. Вопрос шел об отмене в законодательном порядке в 1895 г. статьи 165 положения о выкупе надельных земель, в силу которой каждый крестьянин-общинник имел право приобрести в личную собственность состоящий в его пользовании участок надельной земли путем досрочного взноса всей причитающейся за этот участок выкупной суммы. Так как отмена этой статьи служила главным препятствием к постепенному разрушению общины, то тем самым оказалось, что инициаторы этой меры в высшей степени содействовали закреплению у нас общины. Горемыкин между тем заявил, что всего решительнее высказывался за эту меру и горячо защищал ее перед Государственным советом при ее прохождении там не кто иной, как С.Ю. Витте, ныне высказывающийся за уничтожение общины.

Витте, весьма не любивший, чтобы его уличали в непоследовательности, а в особенности в совершении им каких-либо ошибок, отвечал с явной запальчивостью и наотрез отрицал утверждения Горемыкина. Не уверен, но мне кажется, что именно в пылу этого спора Витте и сказал ту фразу, которая и должна была его погубить. «Не пройдет и года, — пророчески заявил он, — как мы в этом или в каком-либо ином зале будем говорить о переделе частновладельческой земли».

Витте в данном случае проявил политическую прозорливость: в феврале 1906 г. Совет министров под его же председательством действительно обсуждал вопрос о

принудительном в пользу крестьян отчуждении частновладельческих земель, но в то время прозорливость эта оказалась для него роковой. Не прошло и недели, как сельскохозяйственное совещание было Высочайшим указом закрыто и одновременно учреждено новое совещание об укреплении крестьянского землевладения под председательством Горемыкина. В данном на имя Горемыкина рескрипте целью этого совещания было поставлено расширение крестьянского землевладения «при непременно условии охранения частного землевладения от всяких на него посягательств» и затем скорейшее отграничение крестьянских земель, «дабы вящим образом утвердить в народном сознании убеждение в неприкосновенности всякой частной собственности».

Помешанные в рескрипте фразы, конечно, не были ответом на слова Витте. Включены они были вследствие происшедших в начале апреля, т.е. недели за три до закрытия сельскохозяйственного совещания, аграрных беспорядков, охвативших довольно широкий район. Беспорядки эти были вызваны, как все подобные беспорядки, социал-революционной пропагандой, не прекращавшейся со времени первых аграрных волнений, происшедших в апреле 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях. Особенно усилилась эта пропаганда с началом Японской войны, причем приобрела по мере испытываемых нами неудач все более благоприятную почву.

Казалось бы, два эти явления — неудачная война и успех проповеди насильственного отобрания крестьянами земли у помещиков — не имели ничего общего; между тем внутренняя психологическая связь между ними несомненно была. Тут действовали две причины различного порядка: возраставшее среди крестьян общее недовольство, порождаемое преимущественно призывом на войну запасных, и падение в народном представлении престижа государственной власти — неизбежное последствие поражений на поле битвы.

Как бы то ни было, Горемыкин торжествовал: после более пятилетнего вынужденного отдыха он вновь возвращался к активной деятельности, причем одновременно выбивал из седла, на которое рассчитывал сам сесть виновника этого отдыха — Витте.

Не могу не рассказать здесь небольшой сценки, происшедшей на последнем заседании сельскохозяйственного совещания, характерной как для общих условий того времени, так и для главного участника — Горемыкина.

Заседание это, как всегда вечернее, происходило в тот момент, когда юридически сельскохозяйственное совещание уже перестало существовать. Утром этого самого дня — 30 марта 1905 г. — были подписаны государем акты об его закрытии и об учреждении нового совещания, причем рескрипт Горемыкину уже был ему доставлен.

Обстоятельство это не помешало Горемыкину не только появиться на этом заседании, но еще принести с собою документы, уличающие Витте в том, что он в

1895 г. поддерживал меры, фактически закреплявшие на неопределенное время существование земельной общины.

Как сейчас вижу входящую в зал заседания уже в то время слегка согбенную фигуру Горемыкина с непосредственно следующим за ним курьером, несущим два толстых фолианта: то были два дела Государственного совета, заключавшие бумаги и документы, касающиеся рассмотрения в 1895 г. вопроса об отмене упомянутой мною статьи 165 положения о выкупе надельных земель. Усевшись на своем обычном месте, Горемыкин с невозмутимо спокойным видом раскрыл положенные перед ним дела Государственного совета на заранее закладками отмеченных им местах, а по открытии заседания тотчас попросил слова. Разглаживая привычным жестом свои длинные пышные бакенбарды, принялся он за чтение высказанных Витте за девять лет перед тем доводов в пользу закрепления общинного землепользования вплоть до истечения срока выкупной операции. Доводы эти были, впрочем, исключительно фискального свойства и не касались существа вопроса*.

Для тех из присутствовавших на этом заседании лиц, которые уже знали о последовавшем закрытии сельскохозяйственного совещания, зрелище это было любопытным и, скажу, тяжелым. Не сомневаюсь, что Горемыкин пришел на совещание не столько для того, чтобы потешиться над поверженным врагом, как для того, чтобы отвести от себя подозрение в том, что именно он инициатор закрытия совещания. Таким способом он, вероятно, хотел доказать остальным членам совещания, что его закрытие столь же неожиданно для него, как и для них. Однако на деле для тех, впрочем весьма немногих, лиц*, которые уже знали о совершившемся, способ действия Горемыкина по отношению к Витте был жестокой игрой кошки с мышкой. Витте, несомненно, обладал многими недостатками, но отказать ему в горячем интересе к судьбам России и в том, что он во всякое дело вкладывал всю свою энергию и всю свою душу, никак нельзя. Он жил государственными интересами, и чем крупнее они были, тем с большей относился он к ним страстностью. Поэтому, когда Витте, закрывая это последнее заседание совещания, указал на то, чем он займется в своем следующем собрании, слова его, для меня по крайней мере, были трагичны. Так свелась на нет одна из тех бесчисленных предпринимавшихся лицами, искренно желавшими движения России по пути дальнейшего процветания, попыток сдвинуть наше устарелое законодательство с мертвой точки.

* Витте в своих мемуарах утверждает, что он стоял за сложение с крестьян следуемых с них за надельные земли выкупных платежей. Но когда же это было? В 1895 г. он настолько мало за это стоял, что даже лишил отдельных крестьян права досрочного выкупа причитающейся им доли надельной земли из опасения, что при этом из состава земельных крестьянских общин выйдут наиболее зажиточные крестьяне, вследствие чего труднее будет взыскать с оставшихся в общине крестьян ежегодно уплачиваемые ими за взаимную круговую порукою выкупные суммы. Да и независимо от того, кто бы стал препятствовать министру

финансов уменьшить налоговое бремя, если бы он сам по состоянию средств государственного казначейства признавал это возможным? И зачем только Витте в своих воспоминаниях цинично утверждает такие факты и приписывает себе такие намерения, опровергнуть которые так легко на основании множества им лично подписанных бумаг или высказанных и закрепленных в печати слов?

К числу их принадлежал Кривошей, который еще до прихода Горемыкина сообщил мне эту по тогдашнему времени весьма сенсационную новость.

Передача вопроса о земельной общине в совещание, председательствуемое Горемыкиным, было сдачей его в первоклассную усыпальницу, где, как это всякий понимал, он мог пролежать в блаженном покое до скончания веков. События этого, однако, как известно, не допустили.

Глава 4 События последних дней управления кн. Мирским Министерством внутренних дел

Крещенский парад 6 января 1905 г. в Зимнем дворце • Священник Гапон • Совещание 8 января 1905 г. у Мирского • Выступление петербургских рабочих 9 января 1905 г. • Последствия этого выступления • Петербургский градоначальник И.А. Фуллон • Увольнение Мирского

Возвращаясь к периоду управления Министерством внутренних дел Кн.Мирским, закончившемуся, как я уже упомянул, еще до закрытия сельскохозяйственного совещания, мне остается сказать лишь о двух событиях, непосредственно предшествовавших его увольнению от должности и омрачивших уже начальные дни бурного 1905 г.

Первое из этих событий произошло 6 января в день Крещения. В Зимнем дворце в этот день, по обычаю, состоялись высочайший выход из внутренних покоев в дворцовый храм и церковный парад войскам. Расположенная в Петербурге и его окрестностях гвардия в лице отдельных небольших частей всех входивших в ее состав воинских единиц становилась в таких случаях шпалерами в залах дворца по пути следования государя в церковь.

Церемония эта 6 января 1905 г. отличалась обычной торжественностью и великолепием. Съехавшиеся во дворец участвующие в выходе «особы обоого пола», выстроившись попарно в длинную колонну в концертном зале, заблаговременно составили головную часть царского выхода. Церемониймейстеры, проходя по обеим сторонам этой колонны, как всегда тщетно пытались поддержать в ней некоторое равнение и порядок, пока, наконец, по данному знаку, не застучали по паркету своими высокими, украшенными голубыми андреевскими лентами, тростями, предупреждая тем о предстоящем царском выходе. Раскрылись двери малахитовой гостиной, где собирались перед

выходом все члены царствующего дома, и в них, предшествуемый министром императорского двора, появился государь рядом с государыней, а за ними, шествуя попарно под звуки Преображенского марша, и все остальные члены императорской фамилии.

Бравые, открытые лица подобранных один к одному великанов гвардейской пехоты; тонкие, вытянутые в струнку фигуры кавалеристов; высящиеся над воинскими частями боевые исторические знамена; перекатывающиеся из залы в залу по мере приближения государя чеканные, звучные военные команды; торжественные аккорды исполненного могучими оркестрами военной музыки марша «Знают турки, знают шведы, про нас знает целый свет»⁵¹, ясный солнечный день, заливший огромные роскошные залы дворца; блеск расшитых золотом мундиров и русских, определенного покроя, нарядов придворных дам — все это вместе составляло неподражаемую и незабываемую картину, невольно захватывало даже лиц, привычных к этим торжествам, и заставляло временно забыть и тяжелую, уже отмеченную рядом крупных неудач войну, и тревожное, смутное положение внутри государства.

Действительно, насколько придворные церемонии, при всем своем великолепии, не вызвали у лиц, часто на них присутствовавших никаких особых ощущений и скоро прискучивали, настолько происходившие в царском присутствии военно-церковные торжества неизменно порождали повышенное настроение. Просыпалось чувство национальной гордости, сознавалась необъятность народной мощи, представляемой и символизируемой монархом в его сочетании и слиянии с представителями физических и духовных сил великой страны.